ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

3/99

ЧЕЛОВЕК
СООБЩЕСТВО
УПРАВЛЕНИЕ

№ 3 1999

Ежеквартальный научно-информационный журнал
Кубанского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А.М. Ждановский — декан ф-та управления КубГУ

Т.Т. Авдеева — кафедра государственного и муниципального управления ф-та управления КубГУ

Отв. секретарь
Г.С. Курбатова — РИО КубГУ

Зам. главного редактора
Е.В. Морозова — кафедра политологии ф-та управления КубГУ

О.А. Оберемко — отделение социальной работы ф-та управления КубГУ

Ю.А. Пеницын — кафедра политологии ф-та управления КубГУ

З.И. Рябикина — кафедра психологии ф-та управления КубГУ

Куб ГУ
БИБЛИОТЕКА
ф-та Упр

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ

№ 3 1999

Содержание

Слово редактора 5

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Остапенко П.И., Щетнев Е.В.

Казачье самоуправление в Кубанском крае в период гражданской войны (Историко-правовой аспект) 7

Савва Е.В., Савва М.В.

Этнический статус и стереотипы этнических общностей (К вопросу об этническом статусе русского населения Северного Кавказа) 19

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПРОФЕССИЙ

Демин А.Н., Кожевникова Е.Ю.

Совладающее поведение «новых бедных» 35

Сапогова И.А.

Будущая профессия в представлении старшеклассников 43

Пивнюк А. С.

Исследование профессиональных карьер выпускников факультета управления 52

Демин А.Н.

«Карьерные» размышления, или Послесловие к статье А. Пивнюк 62

Шабанова Н.В.

Организационная культура: структура и типология 68

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Буренко В.И.

Гражданская власть и политическое общество в России 81

Оберемко О.А., Чупилка Е.Е.

Университет как хранитель «научного предания»: концепция С.И. Гессена..... 96

КАФЕДРА

Мясникова Т.А.

Специалист муниципального управления: чему и как учить…… ….107

Бунчук С.Н.

Кроссворды по дисциплине «Мировая экономика и международные отношения» …… ….123

Горожанина М.Ю.

Материалы к семинарским занятиям по курсу «Политическая этика» ….130

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кимберг А.Н.

Социальное знание и познание…… ….144

ASPIRANTIUM OPERA

Прилепский В.В.

Становление Краснодарского края как субъекта Российской Федерации…… ….155

Радман В Х.

Государственное регулирование экономики Йемена…… ….160

Радман В Х.

Государственная политика в переходный период…… ….166

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

Булгаков Ю. С.

Вперед, весь мир перед тобой! …… ….168

Лукина О.В.

Путевые заметки…… ….171

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Васильченко Н.А., Пирогова Ю.С.

Летняя психологическая практика…… ….176

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДАМ…… ….179

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ…… ….180

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Перед вами очередной номер нашего журнала. О чем он, что в нем интересного?

В первую очередь хочу привлечь ваше внимание к авторам этого номера. Загляните в конец журнала, где помещены сведения об авторах. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы заметить преобладание молодежи. Это студенты и выпускники нашего факультета, аспиранты и молодые преподаватели.

В этом номере мы сознательно предоставили страницы журнала молодежи – ведь факультет наш молодой. Пусть их публикации различаются пестротой тематики, разным объемом и глубиной материала. Главное – им есть что сказать, чем поделиться с читателями. Другая часть авторов – это мои коллеги, опытные преподаватели, имеющие солидный научный багаж, хорошо известные в своем профессиональном «цехе мастеров». Обратите также внимание на наших гостей из Москвы, Краснодарского юридического института и дружественного факультета истории, социологии и международных отношений (ФИСМО).

Люди – это самое главное наше богатство, это наш неисчерпаемый ресурс развития, это наше «местное сообщество» по интересам, объединенное общим делом и взаимными симпатиями. Вряд ли целесообразно пересказывать содержание помещенных в журнале материалов, неуважительно будет навязывать вам свое мнение о журнале. Вы, наши читатели, сделаете это прекрасно сами.

Но от некоторых комментариев удержаться не могу. Прежде всего потому, что в первом номере мы обещали быть разнообразными в публикуемых материалах. Думаю, что обещание это выполняется в новом номере. Здесь есть размышления политолога, результаты серьезных исследо-

ваний психологов, практические советы управленцев, теоретические поиски в социальных исследованиях и совершенно прагматичные материалы по учебным курсам, информации о событиях на факультете.

Мы рассчитываем, что журнал будет полезен людям, работающим в различных управленческих системах. Рекомендую специалистам обратить внимание на статьи В.И. Буренко, Т.А. Мясниковой, Н.В. Шабановой.

Очень интересен блок статей, посвященных проблемам трудоустройства, адаптации к меняющимся условиям жизни, профориентации. Здесь можно увидеть три категории людей, ищущих возможности устроиться в жизни: выпускник школы – выпускник вуза – человек, потерявший постоянную работу. Особо обращаю внимание наших пятикурсников на материалы А.С. Пивнюк и А.Н. Демина.

Коллегам по университету рекомендую прочесть статью О.А. Оберемко и Е.Е. Чупилка. Современному состоянию взаимоотношений мира и индивидуума посвящена теоретическая статья А.Н. Кимберга.

Уверен, что очень разных людей и по возрасту, и по роду деятельности заинтересуют статьи, помещенные в традиционной рубрике «Местные сообщества». Одна из них открывает малоизвестный период казачьего самоуправления на Кубани, другая – исследует современное состояние межэтнических отношений на Северном Кавказе.

Студентам будут очень полезны рекомендации по «добыче» грантов от преуспевшего в этом деле Ю.С. Булгакова, познавательны «Путевые заметки» О.В. Лукиной и рассказ о летней психологической практике.

Кроссворды С.Н. Бунчук помогут проверить свои знания всем нашим читателям. Только не сразу заглядывайте в «Ответы».

С уважением

А.М. Ждановский

П.И. Остапенко, Е.В. Щетнев

КАЗАЧЬЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КУБАНСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(Историко-правовой аспект)

Кубанская область значительно отличалась от других частей Российской Империи в построении системы местного самоуправления. Казачество, переселенное на эти земли, издавна имело свои сословные органы самоуправления, судебной власти, военного командования. Мы обратимся к одному из наиболее драматических периодов российской истории в целом и казачества в частности, когда в результате революционных потрясений и последующей гражданской войны на развалинах Российской Империи появился целый ряд государственных образований. Среди них был Кубанский край, провозгласивший свою независимость осенью 1918 г. Несмотря на довольно короткий период своего существования (в марте 1920 г. Кубань оказалась под властью большевиков) высшие органы власти края – краевые и законодательные Рады, краевое правительство – успели создать определенную законодательную базу в различных областях права. В частности, активно разрабатывалось законодательство о местном самоуправлении, практически не изученное советской и российской юридической наукой. Но чтобы разобраться в системе законодательства о местном самоуправлении, созданного в Кубанском крае в 1918–1920 гг., необходимо обратиться к более раннему историческому периоду.

Многие правовые нормы, созданные в период становления кубанской государственности, основывались на Поло-

жении об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 г. Положение устанавливало порядок деятельности органов общественного управления – станичных и хуторских сборов (в современной терминологии – самоуправление). Станичное самоуправление включало четыре компонента: станичный сбор, станичного атамана, станичное правление и станичный суд.

В станичный сбор входили атаман, станичное правление, хуторские атаманы, судьи и все казаки-домохозяева (в станицах, насчитывавших больше 30 дворов, право голоса имели не все казаки, а выборные, численностью не более 100 человек). Собственники невойскового сословия также посылали своих выборных на станичный сбор, однако они участвовали в решении только тех вопросов, которые их непосредственно касались. Численность выборных от неказаков жестко регулировалась и не должна была превышать число участников сбора от войскового сословия [4, с. 10].

Выборных станичного сбора избирало все станичное общество, кроме лиц, не достигших 25 лет, состоящих под следствием или судом, отданных под надзор обществу по решению суда, имевших несколько судимостей за нетяжкие преступления (кража, мошенничество, присвоение или растрата чужого имущества), подвергавшихся тюремному заключению или более строгому наказанию, а также лишенных права участия в выборах [4, с. 12].

В компетенцию станичного сбора, в частности, входило:

1) избрание на должности станичного управления;

2) принятие решений об открытии учреждений общественного призрения, начальных училищ, ссудо-сберегательных касс, запасных хлебных магазинов;

3) определение размеров и расположения участков общественных запашек;

4) распределение земель и угодий между членами станичных обществ;

5) взимание и расходование станичных сборов;

6) разверстка станичных и земских повинностей;

7) решение организационных вопросов, связанных с военной службой казаков;

8) решение об исключении и принятии членов станичного общества [4, с. 13].

Текущие дела сбор решал простым большинством; две трети голосов требовалось только для решения вопросов о:

– заведовании хлебными магазинами;

– распределении поземельного довольствия из общественного фонда;

– распределении земель между членами станичного общества;

– распоряжении суммами от местных сборов;

– исключении и принятии в станичное общество;

– семейных разделах.

Через станичный сбор проходили все прошения и жалобы станичников, которые, как и приговоры сборов, в зависимости от содержания представлялись на рассмотрение и утверждение атаману отдела, областному хозяйственному правлению или высшему руководителю области – Войсковому наказному атаману.

Значительная власть принадлежала станичному атаману [4, с. 20–26]. Закон прямо говорил о подчинении атаману всех лиц, проживающих на территории станичного юрта. Атаман выполнял ряд функций по охране общественного порядка, исполнял приговоры станичного суда, имел право налагать штрафы до 5 р. и отправлять под арест на срок до 5 дней. Атаман созывал и распускал станичный сбор, контролировал исполнение его решений, сбор налогов и выполнение повинностей, руководил деятельностью станичных должностных лиц, отвечал за сохранность и правильную эксплуатацию общественных объектов и др.

Станичное правление состояло из атамана, его помощников или кандидатов, казначея и доверенных. Правление вело все станичное делопроизводство, ежемесячно проверяло доходы и расходы станицы, состояние станичных построек и лесных угодий, составляло списки очередных призывников на военную службу и проводило публичные торги [4, с. 28].

Надзор за станичными и хуторскими правлениями осуществлял подчинявшийся областному хозяйственному правлению атаман отдела, который мог временно отстранять и назначать по своему выбору должностных лиц самоуправления, и даже приостанавливать действие станичного или хуторского сбора [4, с. 82].

В станицах имелось два вида судов – суд станичных судей и суд почетных судей. Судьи были выборными. Большая часть функций судопроизводства ложилась на станичный суд, который рассматривал имущественные споры ценой до 100 р. и проступки без отягчающих обстоятельств: кража, мошенничество, скупка краденого (ценой до 30 р.), оскорбление словами или действиями, побои без вреда для здоровья, пьянство и мелкие нарушения общественного порядка. Станичный суд мог приговаривать к денежному взысканию до 10 р. или к аресту на срок до 12 дней [4, с. 40]. Станичное судебное присутствие принимало решение большинством голосов, при равенстве голосов голос председателя был решающим [4, с. 47].

Рассмотренные нами положения легли в основу законодательства Кубанского края о местном самоуправлении, которое постоянно приходилось уточнять и дополнять. После изгнания большевиков летом 1918 г. краевое правительство издает циркуляр №1, несколько разделов которого были посвящены проблеме восстановления органов местного само-

управления* [5, с. 37–39]. Этим циркуляром правительство восстановило действие Положения 1891 г. на период до разработки нового законодательства. При этом подчеркивалось, что в данное неспокойное время власть на местах должна принадлежать исключительно коренным жителям – казакам, горцам, крестьянам-собственникам. Планировалось, что в будущем вопрос о формах участия некоренного населения в органах власти решит Краевая Рада. Так, приказом №14 краевое правительство утвердило новый порядок выборов должностных лиц местного самоуправления [5, с. 39]. Приговор станичного сбора об избрании станичного атамана направлялся атаману отдела. Если от него в течение двух недель не поступало протеста, то приговор вступал в законную силу. В случае опротестования приговор рассматривался краевым правительством. Если и правительство отклоняло приговор, то назначались новые выборы с новыми кандидатами.

Положение 1891 г. не регламентировало организацию самоуправления в отделе, и правительство приняло специальное Положение о самоуправлении отдела [2], которое высшим органом самоуправления отдела определило отдельскую Раду, избираемую на 3 года с нормой представительства 1 делегат от 5 000 человек или же 1 делегат от населенного пункта с численностью жителей менее 5 000 человек и 1 делегат от каждой воинской части. Рада избирала из своего состава исполнительный орган – правление с отраслевыми отделами, которое, в свою очередь, формировало президиум. Правление возглавлял атаман отдела, представлявший и военную власть.

---

* Следует иметь в виду различия в юридической терминологии. В частности, под названием приказов или циркуляров правительство издавало как нормативно-правовые акты, имевшие значение краевых законов, так и документы по мелким, частным вопросам, аналогичные современным распоряжениям или инструкциям.

Необходимо отметить, что после революций 1917 г. в станицах и отделах царила полная неразбериха в местной власти: сохранились атаманы и старые станичные правления, наряду с ними во многих местах действовали Советы, гражданские и земельные комитеты, что часто вызывало противостояние различных местных органов, смешение их функций. Поэтому отдел законодательных предположений краевого правительства под руководством присяжного поверенного А.П. Колычева приступил к созданию нового законодательства о местном самоуправлении. Однако несмотря на то, что принятие такого законодательства официально было признано первоочередным, правительство неоднократно переносило сроки представления проекта в Раду. Последняя, в порядке законодательной инициативы, сама приступила к обсуждению проекта, пригласив для консультации А.П. Колычева как основного разработчика.

В интервью газете «Вольная Кубань» в январе 1919 г. он обозначил приоритеты в работе своего отдела. По его мнению, Положение 1891 г. устарело прежде всего потому, что оно лишало станицу таких элементов самоуправления, как установление местных сборов, ведение санитарной и культурной работы и прочее, и возлагало на нее главным образом полицейские функции. Органам самоуправления, с точки зрения А.П. Колычева, следовало придать больше полномочий в хозяйственной сфере [1, 23 янв.].

В феврале программа, разработанная отделом законодательных предложений, была представлена Краевой Раде. В основу деятельности органов местного самоуправления закладывались следующие принципы: самостоятельность местного самоуправления, неутверждаемость его должностных лиц в вышестоящих инстанциях, надзор за законностью деятельности станичного правления, прием и рассмотрение жалоб и претензий населения, право объединения самоуправляющихся единиц в союзы для совместной экономи-

ческой деятельности, установление ответственности должностных лиц самоуправления исключительно в судебном порядке.

Основой станичного самоуправления мыслилась состоящая из 3/8 иногородних и 5/8 казаков станичная Рада, избираемая двумя способами – подворным или постаничным (последний предназначался для больших станиц). Срок полномочий Рады, станичного атамана, его помощников и станичного правления (численность которого определяла станичная Рада) длился 3 года. Полицейские функции в станице выполнял помощник атамана.

Окружное (отдельское) управление (как и станичное) имело ранее только административно-полицейские функции, а все хозяйственные функции были централизованы в областном правлении. Теперь распорядительным органом с трехлетним сроком полномочий становилась окружная Рада, избиравшая своего председателя. Исполнительным органом самоуправления в округе было окружное правление, представлявшее подразделения всех краевых ведомств, кроме военного, земельного и путей сообщения.

Особое управление с выведением из состава округов получали города Екатеринодар, Армавир и Анапа, в которых предполагалось введение всеобщего избирательного права для лиц старше 25 лет с двухлетним цензом оседлости и возможность организации городского референдума.

Предусматривалось создание краевого Совета местного самоуправления для принятия решений по вопросам, превышающим компетенцию и возможности округа и города. Правительство назначало председателя Совета, а реализация решений последнего отводилась отраслевым краевым ведомствам. Совет созывался на очередные заседания раз в год, но мог созываться и на чрезвычайные.

Надзор за органами местного самоуправления станицы осуществлял окружной атаман. Он мог направлять протест

на решение станичного самоуправления съезду мировых судей, а также подавать кассационные жалобы в окружной суд. За окружным и городским самоуправлением надзор осуществлял Совет по местному самоуправлению, а кассационной инстанцией для них был правительствующий Сенат [1, 14 февр.].

Как видим, данная система отличалась от российского земства, которое не имело таких широких финансовых полномочий и административных функций.

После программного выступления Колычева в Раде проект Положения об общественном управлении в Кубанском крае был опубликован отдельной брошюрой. Проект состоял из пяти разделов, содержащих 708 статей. Первые три раздела были посвящены самоуправлению на уровне станицы, округа (отдела), города, далее шел раздел о местных повинностях, а затем о Совете местного самоуправления.

Раздел о станичном самоуправлении содержал мало нового и в основном повторял Положение 1891 г. и Временное положение о волостном земском управлении Временного правительства от 21 мая 1917 г. Последнее практически не применялось, так как было мало приспособлено к учету местных условий южной окраины России. Из него были заимствованы лишь статьи, касающиеся компетенции станичного управления в области общественного хозяйства, и некоторые другие.

В проекте А.П. Колычева круг деятельности станичного самоуправления был расширен по сравнению с Положениями 1891 и 1917 гг., которые крайне мало уделяли внимания такой функции станичного управления, как обслуживание нужд общественного хозяйства – строительство и поддержание дорог, школ, медицинских учреждений. У станичного самоуправления на это не было средств, поскольку согласно Положению 1891 г. оно не обладало правом самооб-

ложения. В новом же проекте такое право было заимствовано из Городового положения 1915 г.

Важной чертой законодательства Кубанского края явилось фактическое закрепление сословного принципа. При введении Положения 1891 г. 57% сельского населения края принадлежало к войсковому сословию [1, 10 марта], что служило оправданием сословного принципа в организации станичного самоуправления. Однако жизнь со временем расширила функции этого сословного самоуправления, и оно стало решать вопросы, касающиеся всего населения станицы, особенно в сфере административного регулирования.

К февралю-марту 1917 г. доля казачества среди сельского населения снизилась до 39 % [1, 10 марта]. В станицах на одной территории проживали два отличных друг от друга сообщества; это было отмечено еще в 1882 г. комиссией по разработке проектов местного самоуправления [1, 12 марта]. Особое совещание этой комиссии пришло к выводу, что необходимо отличать крестьянское общество – группу людей, объединенную укрепленными земельными наделами, – от сельского общества как совокупности сельских обывателей, составляющих общественно-государственную единицу, а потому имеющую право устанавливать общественные сборы и повинности для покрытия своих расходов.

Однако перестройки самоуправления на всесословных началах не произошло. Единственной уступкой казачьих представителей в Краевой Раде созыва 1917 г. было положение о возможности паритетного участия казаков и иногородних в сборе станицы, где число иногородних превышало или равнялось числу казаков. На создание всесословных органов станичного самоуправления казачьи законодатели не пошли, а единственно возможными были признаны станичные органы самоуправления с двойственным составом при сохранении большинства за казачеством и с двойственной

компетенцией, при которой иногородние принимали участие в решении только определенного круга вопросов.

В ходе обсуждения данного проекта Краевая Рада настояла на выборности окружного (отдельского) атамана. Кроме того, был принят ряд поправок к разделу о станичном самоуправлении. В частности, было решено, что надзор за станичным управлением должен вести окружной административный инспектор, избираемый кассационным присутствием Екатеринодарского окружного суда. Ему давалось право выступать с кассационными жалобами на определения съезда мировых судей, обращаться в ведомство юстиции по вопросам полномочий административных инспекторов по надзору за станичными управлениями. К выборам в станице допускались женщины. Иногородним для участия в выборах требовался пятилетний ценз оседлости в данной станице; при этом представительство иногородних не могло превышать 3/8 состава станичной Рады. Если число избирателей иногородних в станице составляло менее 3/8 населения , то и в станичной Раде они должны были быть представлены в меньшем количестве. Число выборных в станице в зависимости от количества избирателей могло составлять 32, 48 или 72 человека [1, 5 марта].

При обсуждении проекта в Законодательной Раде в который раз проявились противоречия между казачеством и горцами, с одной стороны, и иногородними – с другой. Последние считали, что законопроект строит на Кубани сословную республику, так как в решении ряда «чисто казачьих» вопросов, например о распределении юртовых земель, иногородние участвовать не могли. Представители же горцев заявляли, что уравнение в правах стимулирует чрезмерную миграцию на Кубань [3, л. 17].

Дебаты в Законодательной Раде коснулись вопроса о целесообразности сохранения станичных судов. Существовало мнение, что этот институт изжил себя, так как его компе-

тенция пересекалась с мировыми судами. Однако авторы проекта разъясняли, что на практике станичный суд не был судом в общепринятом смысле слова, так как управлялся станичным сходом и именно сход рассматривал дела и приговаривал к наказанию [3, л. 13]. Этот тезис представляется нам спорным, поскольку станичные суды возникли задолго до появления мировых судей и опирались в своих решениях на нормы обычного права, о чем говорили законы «Об управлении станиц Черноморья» 1842 г. и «Об управлении станиц казачьего войска линейных» 1845 г., и в рассматриваемое время уже стали архаизмом, а не непременным компонентом местного самоуправления.

В целом законодательство о местном самоуправлении было, пожалуй, наиболее разработанной областью права Кубанского края как государственного образования. Сказывался длительный дореволюционный опыт казачьего самоуправления. Правительство, учитывая интересы казачества как особого военного сословия, не навязывало ему норм и установлений, принятых в Центральной России: на Кубани не было земств, при организации руководящих органов края учитывались его положение как приграничного региона, цели и задачи его дальнейшей военно-казачьей колонизации. Правительство своими нормативно-правовыми актами не меняло устоявшихся традиций казачьего самоуправления, а скорее закрепляло сложившиеся нормы и даже препятствовало революционно-радикальной трансформации законодательства и уничтожению сословного принципа организации местного самоуправления.

Библиографический список

1. Вольная Кубань. 1919.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–6. Оп.1. Д. 34.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–1542. Оп.1. Д. 70.

4. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Екатеринодар, 1897.
5. Приказы и циркуляры Кубанского краевого правительства. Екатеринодар, 1918. Вып.1.

Е.В. Савва, М.В. Савва

ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС И СТЕРЕОТИПЫ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ
(К вопросу об этническом статусе русского населения Северного Кавказа)

Одним из механизмов соционормативной культуры, включающей средства детерминации и регуляции человеческого поведения, является создание и функционирование этнических стереотипов, представляющих собой разновидность стереотипов социальных. Под социальным стереотипом мы понимаем упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы, с легкостью распространяемый на всех ее представителей [1, с. 135]. Стереотипы возникают в силу действия двух тенденций общественного сознания: тенденции к конкретизации, т.е. к связыванию абстрактных понятий с конкретными объектами, и к упрощению, суть которого сводится к выделению отдельных, якобы основных, признаков для обозначения сложных явлений. Они естественным образом формируются в процессе непосредственного межэтнического общения, а также посредством неорганизованных форм передачи информации (слухов, анекдотов, поговорок) и воспринятых из традиций предубеждений [9, с. 96].

Этнические стереотипы выполняют важные соционормативные функции, определяя поведение человека как члена этнической общности и помогая ему ориентироваться в необычной обстановке [3, с. 183]. Как разновидность социальных стереотипов их характеризует яркость, рельефность, отчетливость, представленность в общественном и индивидуальном сознании, практическая острота и актуальность. Исследователи обычно выделяют две функции этнических

стереотипов: познавательную и коммуникативную. Г.У. Солдатова выделяет и третью – функцию регуляции этнического самосознания, формирующую и защищающую позитивную идентичность [10, с. 83].

Необходимо подчеркнуть, что стереотип как относительно устойчивый феномен общественного сознания фиксирует наиболее типичные представления, и его исследование позволяет проникнуть в глубокие слои этнической культуры. Если мы сравним, что писали о характере русского народа мыслители прошлого, с теми чертами, которые приписывают себе русские в наши дни, то обнаружим поразительное сходство. Так, Н.О. Лосский утверждал, что «к числу первичных, основных свойств русского народа принадлежит выдающаяся доброта его» [4, с. 289]. Это же качество русских выделяли и представители разных национальностей в ходе целого ряда исследований на Северном Кавказе (см. далее).

Этностереотипы отражают и закрепляют этнический статус, который понимается авторами как место индивида или группы в иерархической системе этнических общностей. Понятие этнического статуса позволяет анализировать «субъективную составляющую» межэтнического конфликта в единой системе координат. В стереотипе отражаются ценностные ориентации создающей его группы, представления о качествах стереотипизируемой группы не просто фиксируются, но оцениваются и определенным образом ранжируются в системе противопоставления «мы–они». Это ранжирование не является произвольным, поскольку системность этнической культуры предполагает, что представления о качествах относительно высокостатусной группы более позитивны по сравнению с представлениями о качествах относительно низкостатусной группы. Таким образом, более позитивный стереотип соответствует более высокому этническому статусу.

Статусное неравенство создает почву для предрассудков, т.е. чрезвычайно устойчивых негативных стереотипов. По определению Г. Олпорта, «предрассудками являются те суждения, которые не изменяются даже в случае появления противоречащих им данных. Предрассудок, в отличие от неправильного суждения, активно противодействует любой очевидности, если она не согласуется с ним» [12, с. 26–27]. Предрассудки и дискриминация находятся в отношениях взаимной поддержки: дискриминация поддерживает предрассудки, а предрассудки легитимируют дискриминацию. Есть множество примеров того, как с помощью предрассудков рационализируется неравный статус. Хозяева склонны считать рабов ленивыми, безответственными, нечестолюбивыми: они видят в них черты, оправдывающие рабство. В ряде исследований было показано, что многие белые американцы объясняют низкий статус афро-американцев их повышенной эмоциональностью, примитивностью и довольством своей социальной ролью.

Иерархия социальных стереотипов уже привлекала внимание исследователей. Так, К.Гуичи утверждает, что, изучая группы различного статуса в обществах, допускающих частые межгрупповые контакты, можно прийти к важному заключению: высокостатусные группы описываются в терминах компетентности и экономического успеха, тогда как низкостатусные – в терминах, относящихся к душевной теплоте, добросердечию и гуманизму [14, с. 582]. В качестве примера можно привести классическое исследование М. Чейни, выполненное в Великобритании: респонденты в Лондоне и Глазго оценивали человека на основании прослушивания записанных на магнитофон текстов. Все тексты зачитывались одним человеком, но либо с английским, либо с шотландским акцентом. Было определено, что испытуемые-шотландцы продемонстрировали тенденцию выше оценивать (по сравнению с лондонцами) предполагаемого «анг-

лийского» чтеца по таким чертам, как уважение, интеллектуальность, профессиональный статус. Но по таким чертам, как великодушие, чувство юмора и симпатии, все было наоборот [13, с. 545].

Проведенное в 1984 г. Г.У. Солдатовой исследование этнических стереотипов русских, чеченок, ингушек и осетинок позволяет сделать вывод об относительно низком этническом статусе русских: в ходе опроса респонденты в гетеростереотипах назвали много качеств, которых не было в автостереотипах. Осетинкам нравились те качества русских, которые, на их взгляд, были нехарактерны для осетин – жизнерадостность, добродушие, мягкость, терпеливость, бесхитростность. Чеченки среди качеств, свойственных только русским, выделяли самостоятельность, прямолинейность, правдивость, мягкость, любознательность [10, с. 265]. Таким образом, в гетеростереотипах русских преобладали характеристики, типичные для низкостатусного этноса и отсутствующие в автостереотипах респондентов горских народов.

Некоторые дополнительные данные к проблеме этнического стереотипа были получены авторами в ходе исследования в составе Кубанской этнографической экспедиции этнических и этнокультурных процессов в Краснодарском крае в 1990 г. Методом интервью был проведен опрос представителей компактно проживающих в одном населенном пункте (поселок Ахтарский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края) групп населения: немцев, крымских татар, русских [8, с. 48–49].

Себе русские приписали следующие характеристики (в порядке убывания количества упоминаний): простодушные, трудолюбивые, добрые, доброжелательные, безалаберные; немцев определили как трудолюбивых, аккуратных, культурных, сплоченных, пунктуальных; татар – как трудолюбивых, сплоченных, скрытных, хитрых, жадных. Немцы

охарактеризовали себя как культурных, трудолюбивых, аккуратных, опрятных и добросовестных; русским приписали простодушие, веселье, доброту, трудолюбие, прямоту; татарам – трудолюбие и сплоченность. Татары приписали себе, в первую очередь, трудолюбие и сплоченность; русским – простодушие, доброжелательность, трудолюбие; немцам – трудолюбие и аккуратность.

Наиболее общей классификацией стереотипных характеристик является классификация по шкале негативно-позитивного отношения. Приведенные характеристики можно подразделить на:

– позитивные (оцениваемые положительно в любом социокультурном контексте, например, доброта, трудолюбие);

– нейтральные (фиксирующие какую-либо черту, которая может быть оценена по-разному в различных этнокультурных контекстах, например, простодушие);

– негативные (оцениваемые отрицательно в любом этнокультурном контексте, например, жадность).

В ходе опроса и русские, и немцы, и татары дали наиболее разнообразные характеристики представителям политически и численно доминирующего русского этноса. Кроме того, была обнаружена высокая степень согласованности стереотипов – одно-два качества присутствуют во всех без исключения наборах характеристик; особенно это характерно для представлений о русских. Это закономерно, поскольку контакты с его представителями в силу занимаемых ими позиций в обществе и в силу их численности жизненно важны для всех. Независимо от позитивной, либо негативной направленности подобных контактов их результатом является создание определенных представлений об этносе. Чем чаще и разнообразнее контакты, тем разнообразнее впечатления и выше вероятность формирования стереотипов.

Как показали результаты этого и ряда других исследований, у славянского населения Кубани вызывает неприязнь поведенческая активность и наступательность представителей национальных меньшинств, а также приоритет этнических интересов по отношению к любым другим (в ходе интервью славяне указывали, что для неславян национальная принадлежность – определяющий фактор поведения). Вербально эти стереотипы выражены такими характеристиками, как грубость, наглость, жестокость, агрессивность, склонность к совершению преступлений, национальная нетерпимость и пр. Эти характеристики, по-видимому, обусловлены осознанием славянами снижения своего собственного этнического статуса, специфического комплекса неполноценности, неспособности конкурировать с этническими группами, приспособленными к жесткой борьбе за материальные блага и статус. Так, в числе положительных характеристик представителей народов, к которым обследованные испытывали неприязнь, наиболее частотны сплоченность, взаимная ответственность и взаимопомощь, традиционность.

Сходные результаты были получены при анализе сплошной выборки опубликованных выступлений (как произнесенных, так и переданных для публикации) на Первом съезде народных депутатов СССР 1989 г. Очевидно, что данный текстовый массив можно оценить как достаточно репрезентативный, поскольку выступления принадлежат представителям этносов различных социокультурных типов, находящихся на разных уровнях социально-культурного развития, разобщенных территориально и тем самым представлявших этнически чрезвычайно разнообразную общность – Советский Союз. Для оценки репрезентативности текстового массива чрезвычайно важно, что выступавшие уже имели возможность говорить относительно свободно. На съезде депутатами различной этнической принадлежности в самых раз-

ных контекстах русскому народу были приписаны 11 характеристик, 9 из которых относятся либо к сфере теплоты и добросердечия, либо отрицают позитивные отличия в компетентности и экономическом успехе.

***

Можно сделать заключение по поводу одной из важнейших черт этностатусной системы на территории бывшего Советского Союза: численно и политически доминирующий этнос является относительно низкостатусной группой во многих ситуациях этнического контакта. Естественно, любое утверждение об этностатусной позиции русских во всесоюзном масштабе относительно. Однако необходимо учесть два феномена, которые способствуют унификации этностатусных систем в регионах, далеко находящихся друг от друга и территориально, и на цивилизационной шкале:

– широкая распространенность мнения о приоритете прав «коренных» наций в суверенных государствах ближнего зарубежья и национально-государственных образованиях в составе России; «некоренными» же во многих случаях оказываются именно русские;

– быстрое распространение в массовом сознании посттоталитарного общества любых стереотипов и представлений.

Важно подчеркнуть, что динамика стереотипов может служить индикатором межгруппового конфликта. Обобщая результаты ряда исследований, Г. Тэджфел отмечал, что социальные стереотипы становятся более отчетливыми и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами [1, с. 136]. Для долгосрочного прогнозирования динамики отношений между этническими общностями может быть использован сравнительный анализ этностатусных представлений по возрастным группам [6, с. 48–49]. Усиление негативности стереотипов этнических контакте-

ров от старших к младшим возрастным группам может свидетельствовать о росте напряженности в отношениях.

Этнические стереотипы не всегда отражают объективно реальность, однако они всегда являются социальными фактами (в дюркгеймовском смысле) в конфликте, ибо коллективные фантомы имеют трагическое свойство превращаться в реальность в той степени, в какой в них верят. В ходе суверенизации бывших союзных республик и нарастания межэтнической напряженности субъектами конфликтов целенаправленно формировался образ врага и искажались реальные социокультурные черты этнических групп.

В результате конфликта в массовом сознании активно идут процессы изменения этностатусных представлений, которые, в свою очередь, раскручивают «маховик» этнополитической нестабильности. Эта положительная обратная связь способствует превращению конфликта в относительно автономный процесс с кумулятивным эффектом разрушительного действия. Русские ассоциируются с имперским центром и выступают в образе этнического «врага» во многих ситуациях этнического конфликта, что ведет к дальнейшему понижению статуса группы. Дополнительным фактором этнополитической нестабильности и снижения этностатусной позиции доминирующего этноса является распад единого политического пространства СССР. Этот распад воспринимается весьма болезненно и дезорганизует группу: пространственная доминанта русского менталитета многократно зафиксирована отечественной философской мыслью и является фактом сознания, который необходимо учитывать [2, с. 65 – 67].

Исследование «Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа», проведенное в 1995 г. под руководством Е.В. Крицкого [11], также обнаружило низкий этнический статус русских. Практически по всем позитивным характеристикам представители кавказских этносов

оценили свои народы выше, чем русских. В то же время черкесы, чеченцы, кабардинцы, адыгейцы, аварцы, ингуши и карачаевцы считают, что у русских более выражено стремление к власти. Только даргинцы и осетины указали на большую выраженность этой характеристики у собственных народов по сравнению с русскими. В самооценках наибольшие отличия от русских были зафиксированы по таким качествам, как гордость, взаимопомощь, уважение традиций, гостеприимство, сплоченность; представления о собственных позитивных отличиях от русских сильнее всего было выражено у чеченцев (вероятно, в результате военных действий, связанных в массовом сознании горцев с «русской властью», которая начала войну ради защиты русских, проживающих в Чечне). Наименьшие различия в оценках себя и русских продемонстрировали осетины, что, по-видимому, объясняется их принадлежностью к христианству и сформировавшейся вследствие этого некоторой общностью с русскими. Однако сказанное не относится к качествам, выражающим сущностные отличия «культуры стыда» от «культуры вины» (гордость, взаимопомощь, уважение традиций, гостеприимство, сплоченность).

Вместе с тем опрошенные в ходе исследования Е.В. Крицкого представители кавказских этносов заявили о том, что предпочли бы соседствовать именно с русскими. Этот этносоциальный симбиоз уже служил объектом научных исследований, которые выявили его несимметричный и неравноправный характер. Опросы в Чечено-Ингушетии показали, что среди русских было больше лиц с негативным отношением к межэтническим контактам, чем среди титульного населения республики. Например Г.В. Заурбекова объясняла это «сохраняющимся эффектом субъективного восприятия недовольной частью русского населения возвращения чеченцев и ингушей на родину», приведшего к резкому изменению этносоциальной обстановки в республике [10, с.

309]. Однако причину можно видеть и в осознании русским населением Чечено-Ингушетии своего неравного положения в межэтнических контактах с представителями титульных этносов.

Неагрессивное поведение русских в межэтнических контактах имеет исторические корни. Русские на территории Российской Империи, выступая в качестве колонистов, были защищены официальной властью: государство избавляло русских от необходимости защищаться самостоятельно. С.В. Лурье приводит свидетельства дореволюционных авторов о мощной защите русских официальными властями в Средней Азии и, в частности, слова русской женщины: «Нас ни сарты, ни киргизы не обижают, ни Боже мой! Боятся русских!.. Потому что строгость от начальства. А если бы не строго, жить было бы нельзя!». То же рассказывали русские поселенцы из Туркмении: «Здесь на это строго. Чуть что, сейчас весь аул в ответе. Переймут у них воду дня на три, на четыре, – хоть переколейте все, – ну и выдадут виновного. А с ним расправа коротка. Дюже боятся наших» [5, с. 411].

На Северном Кавказе этностатусная система «коренных» и «некоренных» осложнена таким социальным феноменом, как современное казачество. Историческая память славянского населения региона сохранила позитивные отличия казачества как особой социокультурной группы, они не были уничтожены даже в ходе расказачивания времен Гражданской войны в России, когда значительная часть кубанских и терских казаков выступила против советской власти. В качестве таких позитивных отличий выступают характеристики, связанные с военной организацией сословия казаков, жившего на «фронтире» в условиях постоянного военного противостояния. Объединяющее влияние подобных отличий довольно велико: они стали основой для консолидации части славянского населения Кубани. Этот процесс нашел свое выражение в создании казачьих общественных органи-

заций на рубеже 1980–1990-х гг. (например, Кубанская казачья Рада, преобразованная позже во Всекубанское казачье войско), а затем казачьих обществ с особым правовым статусом. Отношение населения Краснодарского края к казачеству было неодинаковым на разных этапах его возрождения. Первые месяцы фиксировался интерес к движению и оптимистичные ожидания того, что на Кубани наконец-то появляется хозяин. Но это продолжалось недолго, и уже к началу 1991 г. негативные установки в массовом сознании стали преобладать над позитивными. Обратная тенденция обнаружилась лишь к 1995 г., когда доля респондентов, положительно относящихся к казачьему возрождению, вновь стала преобладать.

Исследование «Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа» на территории Краснодарского края показывает, что для края характерен довольно широкий размах казачьего движения. Так, 91,9% респондентов указали, что в местности, где они живут, существуют казачьи организации. В целом положительно относятся к возрождению казачества 54,3% кубанцев, отрицательно – 25,2% [7, с. 210].

Сравнительный анализ опросов последних двух лет показывает практическое отсутствие динамики в отношениях населения к казачеству. Значительная доля воздержавшихся от положительной или отрицательной оценки, видимо, свидетельствует о нереализованности движения. Следует также отметить, что самые комплиментарные оценки казачества обычно фиксируются не в местах традиционного расселения казаков, а в районах со сложной этнической структурой населения, где казачество воспринимается вне исторического контекста, а лишь как институт, защищающий интересы славян. В наше время, отмеченное этническими конфликтами и ростом чувства этнической депривации, эта роль казачьего движения представляется респондентам чрезвычай-

но актуальной. Даже само появление казачьего движения можно рассматривать как своеобразный «ответ» (один среди прочих) русского этноса на «вызов эпохи». Мобилизация некоторой части этноса в структуру, ставящую целью защиту этнических ценностей и интересов, имела место практически у всех народов на территории СССР на рубеже 1980–1990-х гг. Как правило, это выражалось в создании этнически ориентированных общественных организаций. У русских в силу большой численности, огромной территории расселения, высокого уровня урбанизации эта мобилизация принимала различные формы в разных регионах. На Кубани такой формой стало возникновение казачьих организаций.

Одним из механизмов повышения личного этнического статуса членов казачьего движения и конституирования этничности явилось использование позитивных прототипов идентичности из военного быта кубанского казачества. Прототипами групповой идентичности называют образы отдельных личностей, героев, олицетворяющих эту группу [15, с. 205–231]. Ярким примером актуализации таких прототипов являются проводящиеся в последние годы Тиховские поминовения в память о гибели 18 января 1810 г. двухсот защитников Ольгинского кордона во главе с полковником Л. Тиховским, отражавших нападение около четырех тысяч горцев.

Значительная часть руководства казачьего движения использует теорию «двойной этничности» кубанского казачества для повышения своего этнического статуса и в качестве инструмента быстрой перемены этничности, который позволяет ситуативно использовать преимущества принадлежности то к русским, то к казакам. Согласно этой теории, казачество на Кубани накануне революции 1917 г., оставаясь частью русского этноса, уже имело черты самостоятельного этноса с четко выраженным самосознанием, особенностями культуры и общественного устройства. Но про-

цесс этногенеза был искусственно прерван Гражданской войной и «расказачиванием» и возобновился лишь в конце 1980-х гг. При этом подчеркивается, что казаки являются коренным для Северного Кавказа этносом, который имеет исторически обоснованные преимущества перед некоренным населением, например, в праве на землю. Таким образом, теория «двойной этничности» имеет не только психологический, но и материальный аспект (по мнению авторов, доминирует все же психологический).

Казаки в большей степени, чем остальные русские, ориентированы на традиционные нормы, и в связи с этим более подвержены «этническому романтизму». Например, по данным Г.У. Солдатовой, терские казаки в своем автостереотипе ставят себя ближе к чеченцам, чем к русским. Особенно это заметно при сравнении таких важнейших для горских народов характеристик, как взаимоподдержка, сплоченность и верность традициям. Предложенные в опросе качества относятся к числу высокоодобряемых в северокавказских обществах, а их выраженность коррелирует с престижностью групп в восприятии респондентов. Таким образом, чеченцы оказались авторитетнее для казаков, чем русские, а также в глазах казаков авторитетнее, чем их собственная группа [10, с. 321]. Эту закономерность в оценке казаками себя, русских и горцев можно распространить и на кубанских казаков, для которых главными иноэтничными контактерами выступают адыгские народы.

Особый этнический статус казачества Кубани является фактом общественного сознания, который играет важную роль в политических процессах и влияет на уровень конфликтности этностатусной системы. Мигранты-неславяне из Закавказья и республик Северного Кавказа обычно ориентированы на безусловное доминирование в этнических контактах с русскими, руководствуясь привычным стереотипом принятия последними своей подчиненности. Однако

на территории края они встречают жесткое сопротивление попыткам установить доминирование в первую очередь со стороны членов казачьих организаций, и именно с противостоянием мигрантов-неславян и казаков связано подавляющее большинство конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений на Кубани.

Итак, исследования этностатусных систем и стереотипов этнических общностей в различных ситуациях этнического контакта на территории государств СНГ дают авторам возможность сделать вывод о том, что русские имеют относительно низкий этнический статус по сравнению с менее модернизированными группами, в том числе и там, где русское население численно доминирует в территориальном сообществе. Это проявляется, в частности, в авто- и гетеростереотипах русских: в них отсутствуют характеристики из сферы компетентности и делового успеха, но широко представлены признаки «душевной теплоты».

Комплиментарность в отношениях с русскими со стороны горских народов Северного Кавказа является случаем неравностатусного социального симбиоза. Взаимодействие с более модернизированным этносом (русскими) удобно представителям кавказских этносов в силу неконфликтности русских и их незащищенности традиционными узами взаимопомощи (в частности, кровной местью). В условиях падения авторитета официальной власти и ослабления силы закона «государственный» этнос проигрывает в конкурентной борьбе своим контактерам на Северном Кавказе.

Дистанцированность казачества как особой социально-культурной группы от русского населения находит выражение в идеологеме «двойной этничности» казачества (в частности, кубанского). Свойственный ему «этнический романтизм» питает готовность к более решительным ответам на вызовы этнических контактеров. Традиционалистские установки и героические прототипы идентичности способству-

ют более высокому уровню этнической мобилизации казачества, повышают конкурентность внутри конфликтной этностатусной системы Северного Кавказа и обеспечивают ему более высокий этнический статус по сравнению со статусом русского населения.

Библиографический список

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
4. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
5. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.
6. Савва М.В. Изучение возрастных различий восприятия этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаков этноса как инструмент исследования межнациональных отношений // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. Омск, 1990.
7. Савва М.В. К вопросу о восприятии населением казачьего движения на Кубани // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.
8. Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар, 1997.
9. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996.
10. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
11. Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. Краснодар, 1995.
12. Allport G.W. The Nature of Prejudice. N. Y., 1958.
13. Deschamps J.C. The Social Psychology of Intergroup Relations and Categorical Differentiation // The Social Dimension. Vol. 2. Cambridge,1984.
14. Huici C. The individual and social functions of sex role stereotypes // The Social Dimension. Vol. 2. Cambridge, 1984.

15. Zavalonny M. Ego-Ecology: the Study of the Interaction Between Social and Personal Identity // Identity: Personal and Socio-Cultural. Uppsala, 1983.

А.Н. Демин, Е.Ю. Кожевникова

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ «НОВЫХ БЕДНЫХ»

В условиях динамичной трансформации общества закономерно расширяется диапазон объектов психологического исследования, появляются новые понятия. Наша небольшая статья – дань обоим названным процессам.

Термин «совладание», или «преодоление» (английское coping), изначально использовался в рамках адаптационной проблематики [2; 4; 10; 11 и др.]. При этом хотелось бы обратить внимание на парадоксальную ситуацию: с одной стороны, трудно найти менее затертое понятие, чем «адаптация», с другой стороны, содержание понятия «совладание» до сих пор остается не вполне проясненным. В этой связи уместно начать с его краткой истории.

Первоначально coping связывалось с экстремальными ситуациями, когда обычного приспособления оказывалось недостаточно и от субъекта требовались дополнительные усилия. Затем coping распространилось на описание поведения в поворотные жизненные моменты, т.е. в связи со значимыми жизненными событиями. Наконец, данное понятие стало использоваться при описании поведения в повседневной действительности (например, в условиях хронических неприятностей). В результате эволюции наука «открыла» для себя повседневную жизнь человека и сделала ее полноценным объектом научного рассмотрения.

Проблематика совладающего поведения только сравнительно недавно стала перемещаться из периферийных об-

ластей социальных и поведенческих наук в центральные (см., например, [9]). Если в 1960-е гг. ей посвящалось относительно немного работ, то сейчас совладание стало популярным термином, и его применяют при описании проблем в учебной деятельности, борьбы с алкогольной зависимостью, поведения на рынке труда и в области сбережений, консультационном взаимодействии и т.д.

Важно обратить внимание на еще две особенности понятия совладания, отмеченные С.К. Нартовой-Бочавер [6]. Его использование инициируется, во-первых, важной для современной психологии личности тенденцией перенесения акцента с субъекта как такового на ситуацию, в которую субъект включен, частью которой он является, и, во-вторых, распространением (восстановлением в правах) идеографического подхода в социальных науках.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о нескольких взаимосвязанных атрибутах понятия совладания. Во-первых, оно приложимо к повседневному поведению, которое, ситуативно оформляясь, выстраивается в некоторую индивидуальную линию, и в этом смысле совладание является *частью жизненного пути конкретного человека* (в отечественной психологии Л.И. Анцыферова обратила на это внимание [1]). Если это так, то совладание может иметь непосредственные и отложенные биографические эффекты, а значит, является не только частью, но и механизмом жизненного пути человека.

Во-вторых, совладание неотъемлемо связано со стрессами, фрустрациями, депривациями и тому подобными феноменами. Поскольку эти феномены возникают в ситуациях угрозы, неожиданности, невозможности реализовать намерения и ценности, то степень распространенности подобных ситуаций, а также степень их типичности связаны с типичностью совладания как механизма поведения. На практике это означает, что существование социальных групп безра-

ботных, мигрантов, нетрудоустроенных выпускников учебных заведений и т.п. превращает совладание в *факт социальной динамики*, а следовательно, *в потенциальный объект социальной регуляции*.

Каковы основные содержательные параметры совладания? Многие авторы склонны ограничиваться констатацией приспособительного эффекта coping behaviour. Если человеку удалось сохранить свое физическое и психическое здоровье в стрессовой ситуации, значит, он совладал с ней, и не так важно, обесценил ли он эту ситуацию для себя или ему удалось найти в обстоятельствах удобный для себя шанс, позитивную перспективу. При внимательном рассмотрении оказывается, однако, что за процессом обесценивания стоит защитный механизм рационализации (синдром «зеленого винограда»), и в этом случае использование термина «совладание» вряд ли уместно. Таких примеров описано много, достаточно заглянуть в любой текст, где рассматривается психологическая защита.

Очевидно, что результат компенсаторного характера соответствует психологической защите, а совладание обеспечивает реальное разрешение проблемы, создавая тем самым основу для устойчивости в новых трудных ситуациях. Иными словами, это – *процесс конструктивной адаптации*, что специально подчеркивается в литературе (см. [5]).

Обращение к процессуальной стороне позволяет выделить дополнительные особенности совладания.

Это – скорее сознательно, чем бессознательно регулируемые действия (внешние или внутренние).

Эти действия имеют такие индивидуально-стилевые особенности, как эффект взаимодействия конкретных обстоятельств с конкретным человеком, в связи с чем общая картина приемов совладания может быть весьма пестрой. Данная особенность хорошо объясняется концепцией индивидуального стиля деятельности и поведения [5; 7].

Это – такие сознательно регулируемые действия, в которых когнитивные способы регуляции активизируются сильнее, чем эмоциональные, хотя и последние нельзя исключать. Например, классик совладающего подхода Р. Лазарус выделяет три когнитивные стадии преодоления: 1) осознание трудности; 2) оценку своих возможностей, в том числе возможностей своего окружения; 3) переоценку своих действий, выбор новых альтернатив и построение новых планов [10].

Наконец, обсуждая содержательные параметры совладания, важно обратить внимание на его ситуативность, поскольку оно является лишь одним из модусов поведения в трудной жизненной ситуации. К числу других модусов относятся уже упоминавшееся защитное (компенсаторное) поведение, хаотический поиск (активность без когнитивной проработки), избегание, амотивированность, или выученная беспомощность [3]. Очевидно, что человек может менять модусы своего поведения.

Изучать механизмы совладания удобнее всего в тех социальных группах, которые являются типичными носителями трудностей. Мы остановились на группе «новых бедных». В нее попадают люди: а) с низким уровнем доходов; б) работающие в тех отраслях, в которых за последние годы произошло наибольшее падение зарплат относительно других отраслей (например, военно-промышленный комплекс, машиностроение); в) чья зарплата задерживается, не выплачивается в связи с кризисным состоянием предприятий. «Новые бедные» депривированы материально, статусно, психологически. Гипотетически трудная жизненная ситуация должна запустить у части из них совладающее поведение. Наша цель заключалась в том, чтобы выяснить сам факт существования такого поведения, а также его конкретное психологическое содержание.

Для сбора сырых данных использовалось фокусированное интервью, в ходе которого выяснились особенности прошлой и текущей жизненной ситуации человека, его оценки, решения, планы, направленность действий в разных сферах. Интервью занимало в среднем 1,5 часа и записывалось на диктофон; транскрипты подвергались качественному анализу. Было проинтервьюировано 10 человек (6 женщин, 4 мужчины) в возрасте от 35 до 53 лет, имеющих разные уровни образования. Респонденты представляли 7 кризисных предприятий Краснодара: 5 машиностроительных, 1 научно-исследовательское, 1 текстильное, на которых были задержки зарплаты шесть и более месяцев. Уровень доходов в семьях опрошенных соответствовал первым двум градациям известной шкалы материального положения («едва сводим концы с концами, часто не хватает денег на необходимые продукты питания», «на еду денег хватает, но во всем остальном приходится себя ограничивать»).

Собранные интервью дали возможность рассмотреть внешнюю и внутреннюю работу людей по преодолению ой ситуации, в которой они оказались: осмысление обстоятельств и своих возможностей, конкретные «техники» и результативность поведения, эмоциональное самочувствие. В итоге одних респондентов нам удалось отнести к субъектам совладающего поведения, другие были квалифицированы как избегающие, амотивированные или реализующие защитное поведение. Придерживаясь качественной стратегии сбора и анализа данных, мы прежде всего попытались вычленить индивидуальные приемы совладания, обобщенные затем в несколько основных механизмов.

Активное осознание индивидуальных ресурсов. Суть механизма заключается в осознании своих индивидуальных свойств, себя в целом в качестве средства или источника достижения нужного результата, сдвига в лучшую сторону. Человека поддерживает уверенность в том, что определен-

ный навык или другая индивидуальная характеристика (например, способность сходиться с людьми, быстрая обучаемость) является его сильной стороной. Это сопровождается готовностью включаться в разнообразные подработки и начинания (как говорят опрошенные, они не боятся ни физической, ни умственной работы).

Способность видеть ситуацию как совокупность шансов. Одни воспринимают себя жертвой ситуации, другие видят в сложившихся и складывающихся обстоятельствах источник новых или дополнительных шансов, которые открываются, планируются, используются. «Главное, – рассуждает респондент о механизме поиска работы, – попасть лисичкой в теремок, а потом найти нужное, удобное для себя место. Это – обычное дело, тут даже думать не надо».

Сюда же относится использование возможностей, предоставляемых работой, будь то оргтехника, рекрутирование клиентов лично для себя, покровительство начальства. По-видимому, способность вступить в неформальные обменные отношения с работодателем (я тебе – труд, а ты мне – ресурсы своей структуры) является одним из реальных способов выживания в кризисной экономической ситуации.

Способность видеть множество сфер приложения своих сил. Если у человека существует только одна единственная ниша, где он реализует себя, то удар по ней парализует его мотивационную сферу; возникает убеждение, что «я ничего не могу сделать», «какой смысл что-то предпринимать?», и рождается агрессия. Не случайно наши респонденты отмечали в качестве основной проблемы преследующие их чувства безысходности и бесполезности.

Если человек видит мир как множество сфер приложения своих умений и сил, это позволяет ему легче пережить кризис. Новая перспектива заменяет утраченную, проблема не воспринимается тотальной, всеохватывающей, нет ощущения завершенного пути. Возможно, данная особенность –

одна из психологических основ мобильности на рынке труда, готовности к изменениям.

Предметность оценок, намерений, планов. Порой недостаточно видеть сферы самореализации, необходимо еще и построить конкретный путь к ней. Можно считать себя специалистом вообще, а можно видеть, какую конкретную работу ты в состоянии выполнить. Можно питать «чистую» надежду на улучшение, а можно указать причины, сдерживающие улучшение. Способность опредметить свои оценки, свои умения в той или иной области – важный элемент в преодолении трудностей.

Использование ресурсов своей межличностной сети. Данный механизм реализуется в нескольких формах: прямое обращение за помощью к родственникам и знакомым; внутрисемейная консолидация (семейные советы и взаимная поддержка членов семьи); использование окружения в качестве заказчиков и потребителей своих услуг и продукции (вязание, шитье, продажа овощей, выращенных на огороде, и пр.).

Вряд ли указанными механизмами исчерпывается совладающее поведение «новых бедных», однако у нас имеются основания для дальнейшего их обобщения. Например, первый, второй и третий механизмы, по сути, предполагают дистанцирование человека по отношению к себе и обстоятельствам, за счет чего приобретается контроль над ситуацией и возможность управлять ею. Это очень похоже на то, что Р. Ассаджиоли и его последователи назвали дезидентификацией и связали с функцией ядра личности – волей [8].

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т.15. №1.

2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
3. Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму. М., 1997.
4. Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. М., 1998.
5. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
6. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. №5.
7. Стиль человека: Психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. М., 1998.
8. Феруччи П. Кем мы можем быть // Психосинтез: теория и практика. М., 1994.
9. Gore S., Eckenrode J. Context and Process in Research on Risk and Resilience // Haggerty et al. (Eds). Stress, Risk, and Resilience in Children and Adolescents: Processes, Mechanisms, and Interventions. Cambridge, 1994.
10. Lazarus R.S. Psychological Stress and Coping Process. N.Y., 1966.
11. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. N.Y., 1984.

И.А. Сапогова

БУДУЩАЯ ПРОФЕССИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Возраст 14–16 лет традиционно считается переходным из мира детства в мир взрослых [5; 9; 11]. В это время старший школьник должен разобраться в собственных способностях и склонностях, иметь представление о будущей профессии и общей стратегии ее получения. От старшеклассников, по существу, общество требует профессионального самоопределения. Некоторые авторы, исследующие феномен профессионального самоопределения, рассматривают его в более широком контексте личностного самоопределения [5]. Среди наиболее важных, хотя и с трудом поддающихся операционализации, конструктов личностного самоопределения называют жизненный и личностный выбор [4; 6], психосоциальную идентичность [12], психологическую зрелость, пространственно-временную преемственность образа «Я» [10], отношение к различным сторонам жизни и к себе [3; 4].

Выбор профессии – это, как правило, не одномоментный акт, а развернутый во времени процесс, имеющий сложную структуру, элементами которого выступают экзистенциальные альтернативы, потребности, ценности, ресурсы; способность построения вариантов возможного будущего; готовность совершать выбор на основе существующей системы отношений [6]; кроме того, в процессе выбора аналитически можно выделить содержательный и собственно процессуальный аспекты.

Необходимость постоянно делать выбор между экзистенциальными альтернативами дает человеку возможность воспринимать себя как существо самотождественное, относительно неизменное в пространстве и непрерывное, преемственное во времени. Способность конструировать возможные варианты будущей деятельности, направленной как во

внешнее, так и во внутреннее (личностное) пространство, зависит от представленности в субъективной картине мира всех временных категорий: прошлого, настоящего и будущего. Эта способность обнаруживает себя через личностный опыт, приобретаемый субъектом в каждом конкретном случае жизненного выбора [1; 7]. Успешным профессиональное самоопределение можно считать лишь в случае интеграции смыслового пространства личности в единое целое, обеспечивающей чувство идентичности как во внутреннем, психологическом, так и во внешнем, бытийном, пространствах [8].

Данная статья посвящена изложению некоторых результатов обследования 189 учащихся девятых классов одной общеобразовательной (64 ученика СШ №56) и двух специализированных (102 учащихся гимназии №23 и 23 учащихся музыкальной школы №97) школ города Краснодара, проведенного в 1998 г.

Нами были поставлены две основные задачи: построить эмпирическую классификацию учащихся в зависимости от определенности профессионального выбора, типа обучающего учреждения, наличия опыта жизненно важного выбора и опыта практического знакомства с элементами возможной профессиональной деятельности; проанализировать когнитивные компоненты их образа своего будущего. Для решения исследовательских задач использовались следующие методики: анкета выявления профессиональных намерений, наблюдение, контент-анализ написанных по специальному заданию сочинений.

По результатам обработки данных обследованные старшеклассники были разделены на три группы. Первая группа (58,1%) – это учащиеся, которые имеют наиболее четкие представления о будущей специальности (называется конкретная профессия или профессиональная область, например: «буду адвокатом», «музыкантом-исполнителем», «бух-

галтером» и т.п., указывается соответствующее учебное заведение). Во вторую группу (37,4%) вошли учащиеся, продемонстрировавшие размытые представления о будущей профессиональной деятельности (указали одну и более профессий; тип учебного заведения, например: «хотел бы учиться в вузе», «поступить в какой-нибудь колледж»). Третью группу, самую малочисленную (6,5%), составили учащиеся, у которых отсутствуют представления о будущей специальности. Таким образом, у подавляющего большинства девятиклассников (93,5%) профессиональный выбор в той или иной степени сделан.

Учащиеся первой группы в основном выражали уверенность в окончательности профессионального выбора. Они не только называли избранную профессию и учебное заведение, но и указывали шаги, которые необходимо предпринять для реализации профессиональных намерений, и тем самым обнаруживали осознание необходимости прилагать собственные усилия для продвижения к намеченной цели. Большинство из них считают, что важно успешно учиться по предметам, соответствующим их профессиональным интересам, больше узнавать о содержании профессиональной деятельности, например, беседовать о профессии с людьми, уже работающими в этой области; некоторые намерены во время летних каникул попробовать устроиться на работу по профилю, а кто-то уже имеет такой опыт.

Список профессий, которые выбирают испытуемые, отличается разнообразием. Чаще всего назывались модные профессии экономиста, юриста, журналиста, программиста, психолога, а также более традиционные – врача, преподавателя, переводчика; упоминались и редкие профессии эколога, океанографа, дирижера, поэта/писателя. В числе привлекательных сторон избираемой профессии указывались перспективность, возможность профессионального роста в будущем, контакты с людьми, творческий характер и само за-

нятие данной трудовой деятельностью. Способности, которые обнаруживают у себя старшеклассники этой группы, достаточно конкретизированы: отмечались лингвистические, коммуникативные, математические, музыкальные, художественные, поэтические и другие способности.

Наше обследование подтвердило вывод Т.М. Горбатенко о том, что на выбор жизненного пути в старшем школьном возрасте большое влияние оказывают межличностные отношения [2]. Особого внимания заслуживает тот факт, что девятиклассники первой группы в выборе профессии ориентируются на рекомендации самого широкого круга референтных лиц: родителей, друзей, учителей. Свое свободное время они предпочитают проводить, посещая различные секции, кружки, работая за компьютером, общаясь с друзьями. Для них характерно построение жизненных планов; при планировании они ориентируются как на события, происходящие в настоящем, так и на события, которые могут произойти в будущем.

Приоритетным компонентом образа будущего выступает учебно-профессиональная деятельность. Свои сочинения эти учащиеся начинали, как правило, с описания профессии, которой собираются овладеть, или вуза, в котором собираются ее получить. Среди компонентов далее выделяются семья, общение с друзьями, родителями, а также материальная сторона. По сравнению с другими группами образ будущего отличается наибольшей когнитивной сложностью. Отношение к будущему носит позитивный характер, в нем присутствует выраженная ориентация на самостоятельное достижение успеха, за которой угадывается «взрослая» позиция и образ жизни человека, который сам делает свою судьбу.

Данную группу составили дети из профильных учебных заведений, общеобразовательные школы представлены лишь одним респондентом. Для понимания этого факта

важно иметь в виду, что учащиеся музыкальной школы №97 уже имеют, во-первых, опыт выбора учебного заведения и, во-вторых, реальную возможность попробовать себя в профессиональной деятельности в качестве музыканта-исполнителя. В гуманитарной гимназии №23 у учащихся не только есть опыт выбора дополнительных предметов, различных кружков, секций, начиная с 5-го класса, но и опыт участия в профессиональной деятельности, например, перевод учебников и художественной литературы с английского языка, сбор информации, умение брать интервью и писать статьи в школьную газету «Know how». Для большинства учащихся первой группы сама ситуация выбора профессии является достаточно значимой, о чем свидетельствуют их высказывания о желании не просто продолжить образование в 10-м классе, а пройти именно в тот профильный класс, который соответствует их профессиональным намерениям.

Респонденты второй группы, которую составили немногочисленные учащиеся профильных школ и большинство девятиклассников общеобразовательной школы, скорее говорят не о выборе конкретной профессии, а об интересе к целой сфере занятости. Для них характерен размытый образ профессиональной деятельности: они хотели бы работать вообще «когда-то в будущем», вообще «где-то поучиться». Участие в собственном будущем они обозначают содержательно небогатым высказыванием «хорошо учиться».

В выборе профессии они склонны ориентироваться на помощь покровителя, в роли которого могут выступать родители или (для девушек) какие-то «влиятельные люди». Учащиеся второй группы, как правило, выбирают либо популярные профессии (экономист, юрист, модельер, манекенщица, бизнесмен, программист), либо те занятия, которые, с их точки зрения, реально получить (слесарь, швея, кондитер). В профессии чаще привлекают высокая оплата, близость к месту жительства, полезность профессии для се-

бя, а также романтика. Собственные способности учащиеся не конкретизируют и выражают через описание какой-либо деятельности. Как и испытуемые первой группы, они занимаются в различных кружках и секциях, однако не связывают свои увлечения с будущей профессией.

Среди привычных видов деятельности, кроме учебной, чаще называют уборку по дому, помощь родителям, ремонт техники и изготовление одежды, в свободное время предпочтение отдается телевизору, прогулкам, музыке, чтению.

Отношение к будущему у испытуемых носит позитивный характер и основывается на удовлетворенности жизнью. Учиться они собираются обязательно в престижном вузе, желательно за рубежом. Большее внимание старшеклассники уделяют показателям уровня жизни: наличие квартиры или собственного дома, машины и т.п. Собственная активность уступает место внешней ориентировке на другого. Юноши, как правило, считают, что у них в будущем будет «все отлично», потому что родители помогут им поступить в престижный вуз или обеспечат работой в престижной фирме. Девушки надеются на удачное замужество или трудоустройство с помощью влиятельных знакомых. Для этой группы характерна ориентация прежде всего на создание семьи и лишь затем на профессию. У многих нет четких планов, относящихся к настоящему или к будущему, а скорее присутствуют мечты, связанные с представлением о «преуспевающем человеке».

Учащиеся, составляющие третью группу, испытывают трудности не только в выборе будущей специальности, но также в учебной деятельности и в общении. По признанию самих учащихся, они стараются не задумываться о своем будущем, так как не видят для себя определенных перспектив. Невозможность влиять на будущее они склонны объяснять трудностью получить образование из-за недостаточного уровня знаний («плохо учусь»), а также из-за материаль-

ных затруднений («нет денег, чтобы поступить»). В профессии их привлекает прежде всего высокая оплата и спокойная работа. Собственные способности эти учащиеся соотносят в основном с деятельностью в быту. Связь межличностных отношений с выбором профессии в этой группе не прослеживается, поскольку учащиеся целиком полагаются на родителей ввиду отсутствия конкретных жизненных планов.

Задание написать свою автобиографию вызвало у этих учащихся эмоциональный протест, и только после повторной просьбы психолога они согласились написать сочинение. Его содержание свелось к перечислению материальных благ. Само отношение к будущему носило амбивалентный характер: с одной стороны, выражалось желание в будущем жить красиво, быть очень богатым человеком, новым русским, а с другой – негативное отношение к себе.

Таким образом, можно предположить, что отсутствие опыта жизненного выбора приводит к разорванности смыслового пространства личности; отдельные компоненты образа будущего формируются без согласования друг с другом и, теряя в своей реалистичности, постепенно закрывают субъективные возможности для конструктивной деятельности; отсутствие реалистичной связи между представлением о будущем (целях) и представлением о способах его приближения (средствах) восполняется самоиронией, сообщающей необходимое напряжение для наполнения категории будущего в личном пространстве.

Проведенное обследование дает веские основания в пользу гипотезы о том, что старшеклассники, имеющие опыт выбора учебных предметов, могут переносить его на новую ситуацию выбора будущей профессии. Их выбор достаточно реалистичен и конкретен, осуществляется в единой пространственно-временной перспективе и носит позитивный, активный характер, ориентируя старшеклассников на успешность и формирование образа жизни взросло-

го, самостоятельного человека, а потому может считаться эффективным. Вначале учащиеся в своем выборе ориентируются на внешнюю опору, например, на опыт родителей, учителя, знакомых (такова ситуация, например, в музыкальной школе, которая образована не так давно), затем в ходе развития собственных способностей, непосредственного включения в профессиональную деятельность выбор осуществляется с ориентацией на внутреннюю опору. Знание своих личностных особенностей, ориентация на собственный жизненный опыт, умение планировать свою деятельность позволяют испытуемым не только справляться с трудностями, сопровождающими процесс вхождения во взрослую жизнь, но и строить более гармоничное представление о себе и своем профессиональном становлении.

Библиографический список

1. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.
2. Горбатенко Т. М. Межличностные отношения и профессиональные намерения старшеклассников // Вопросы психологии. 1988. № 2.
3. Джанерьян С.Т. Отношение личности к профессии // Психологический вестник РГУ. 1997. №4.
4. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М., 1998.
5. Кулагина И.Ю. Возрастная психология. М., 1997.
6. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1.
7. Осницкий А.К. Психология самостоятельности. М.; Нальчик, 1996.
8. Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной М., 1997.
9. Психологическое сопровождение выбора профессии / Под ред. Л.М. Митиной. М., 1998.
10. Снегирева Т.В. Личностное самоопределение в старшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1989. № 2.

11. Эльконин Б.Д. Основания прикладной психологии развития // Педагогика развития и перемены в российском образовании. Красноярск, 1995.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

А.С. Пивнюк

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАРЬЕР ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА УПРАВЛЕНИЯ*

В литературе существует многообразие точек зрения на проблему изучения карьеры. Большое внимание уделяется проблемам ее выбора [2; 12], профессионального самоопределения [5; 6; 9; 10; 11], профессиональной адаптации [1; 8], типологии карьерных процессов [13], влияния карьер на стиль жизни [14] и т.д. Автор полагает, что для эмпирического изучения перспективно рассматривать профессиональную карьеру как целый комплекс, включающий следующие формальные элементы: перемещение на свободный рынок труда, поиск работы, трудоустройство, адаптацию и самоопределение в профессиональной деятельности. Далее приводятся некоторые результаты эмпирического исследования, в котором ставились две главные задачи:

1) выявить стратегии, используемые выпускниками вуза в процессе трудоустройства, и определить возможности для оценки их эффективности;

2) основываясь на концепции Дж. Холланда, согласно которой уровень однородности и дифференцированности профессиональных интересов** влияет на успешность про-

---

* В основе статьи лежит глава дипломной работы, выполненной на кафедре психологии в 1999 г. Автор благодарит своего научного руководителя А.Н. Демина за помощь при проведении исследования и подготовке данной статьи.

** В концепции Дж. Холланда однородность и дифференцированность – две независимые переменные. Под однородностью понимается степень содержательной близости сфер деятельности, которые интересуют, привлекают человека; под дифференцированностью – степень выраженности одного или нескольких интересов по сравнению с другими.

движения человека в профессии и на его удовлетворенность профессиональной деятельностью, проверить гипотезу о связи между:

а) структурой профессиональных интересов выпускников;

б) их занятостью и уровнем адаптированности через год после окончания вуза.

На наш взгляд, такую связь, в случае ее обнаружения, допустимо интерпретировать в духе концепции Дж. Холланда, т.е. рассматривать показатели однородности и дифференцированности профессиональных интересов в качестве независимых переменных. Показатель уровня адаптированности конструировался нами из показателей удовлетворенности жизнью, уверенности в себе, социальной смелости и инициативности в социальных контактах. Сбор данных проводился в два этапа.

На первом этапе, в мае-июне 1998 г. (перед самым выпуском), обследовались по сплошной выборке студенты пятого курса двух отделений факультета управления Кубанского госуниверситета (отделения государственного и муниципального управления и отделения психологии) с помощью опросника профессиональных предпочтений Дж. Холланда, который позволяет определить уровень дифференцированности и однородности профессиональных интересов и, согласно концепции данного автора, предсказать успешность профессиональной адаптации личности.

Во время второго этапа, в апреле-мае 1999 г., методом фокусированного интервью было проведено повторное обследование, в ходе которого удалось охватить 52% выпускников (35 человек). Интервью состояло из трех основных блоков: вопросы о произошедших в течение года после получения диплома событиях трудовой биографии, о проблемах и способах их решения; вопросы о текущей жизненной ситуации; вопросы о планах на будущее. Содержание вопросов изменялось в зависимости от того, к какой группе

относился респондент: трудоустроен он на данный момент или не трудоустроен. В дополнение к интервью испытуемые заполняли опросник уверенности в себе В.Г. Ромека, который позволяет оценить такие качества человека, как уверенность в себе, социальная смелость, инициатива в социальных контактах, и определить степень субъективной удовлетворенности жизнью с помощью модифицированной шкалы О.С. Копиной [7].

Результаты исследования

На момент интервьюирования занятость обследованных выпускников выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Занятость выпускников факультета управления, %

Отделение	Работают по специальности	Работают не по специальности	Не работают
ГМУ (N=16)	63	0	37
Психология (N=19)	63	26	11

В целом доля работающих выпускников факультета управления несколько выше общероссийских показателей для выпускников вузов [4]. Пользуясь материалами интервью, мы выявили основные стратегии трудоустройства выпускников и их эффективность. Для этого были классифицированы по стратегиям все упомянутые выпускниками попытки найти работу, и вычислена доля успешных попыток. Анализируя данные табл. 2, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, один человек может использовать несколько стратегий, что свидетельствует о вариативности поведения выпускников на данном этапе профессионального становления.

Во-вторых, самые эффективные – предпринимательская и репутационная стратегии. Репутационную стратегию мы делим на первичную (человек устраивается по рекомендации преподавателей, проявив себя в процессе обучения) и вторичную (человек устраивается на работу, зарекомендовав себя на одном из прежних мест работы).

Таблица 2

Использованные стратегии трудоустройства и их эффективность, % по отделениям

Стратегия	ГМУ (N=16)		Психология (N=19)	
	Попытки	Успешность	Попытки	Успешность
Связи знакомых	13	69	13	85
Связи родителей	5	60	4	75
Услуги государственных и негосударственных служб занятости	5	60	6	17
Чтение объявлений и телефонные звонки	12	50	7	14
Хождение по организациям	5	20	9	33
Предпринимательство	0	0	2	100
Репутационная	2	100	2	100

Под предпринимательской мы подразумеваем организацию своего дела. Демонстрацией этой стратегии служат следующие высказывания выпускников: «*Сейчас я работаю самостоятельно. Решила, что надо попробовать себя там, где всегда хотела. Сначала собрала тренинговую группу, получила результат, проследила динамику, потом еще несколько раз – и вот сейчас уже вышла на индивиду-*

альный консультационный уровень» (выпускница отделения психологии). Или другой пример: «*Всегда занималась танцами, вышла из профессиональной категории, сейчас набираю группу детей- школьников и с ними занимаюсь. Кроме того, что это хорошо с финансовой стороны, я при этом получаю просто эстетическое удовольствие. Мне совсем не сложно этим заниматься, к тому же это профессиональный танцевальный рост*» (выпускница отделения психологии).

Обе стратегии подразумевают активное использование выигрышных личностных качеств, умение найти для них точку приложения и ответственное участие в профессиональной межличностной сети, где человек способен не только взять, но и отдать, выполнить задачу или обязательство. Именно поэтому данные стратегии являются самыми эффективными среди выделенных.

Таблица 3

Стратегии трудоустройства и удовлетворенность жизнью (N=35)

Стратегия	Ранг удовлетворенности
Репутационная	1
Связи родителей	2
Хождение по организациям	3
Предпринимательская	4
Услуги служб занятости	5
Чтение объявлений и телефонные звонки	6
Связи знакомых	7

Таблица 4

Связь однородности профессиональных интересов и занятости (N=35), %

Уровень однородности	Работают	Не работают
Высокий	82	18
Невысокий	83	17

Таблица 5

Связь дифференцированности профессиональных интересов и занятости (N=35), %

Уровень дифференцированности	Работающие выпускники	Неработающие выпускники
Высокий	75	25
Невысокий	81	19

Таблица 6

Соотношение однородности и дифференцированости профессиональных интересов с уровнем удовлетворенности жизнью (N=35), %

Удовлетворенность	Высокая однородность	Высокая дифференцированность
Высокая	60	40
Невысокая	40	60

Таблица 7

Соотношение однородности и дифференцированости профессиональных интересов с уровнем уверенности в себе (N=30), %

Уверенность в себе	Высокая однородность	Высокая дифференцированность
Высокая	46	26
Невысокая	64	27

Таблица 8

Соотношение однородности и дифференцированности профессиональных интересов с уровнем социальной смелости (N=30), %

Социальная смелость	Высокая однородность	Высокая дифференцированность
Высокая	56	28
Не высокая	60	20

Таблица 9

Соотношение однородности и дифференцированности профессиональных интересов с уровнем инициативы в социальных контактах (N=30), %

Инициатива в социальных контактах	Высокая однородность	Высокая дифференцированность
Высокая	50	30
Невысокая	59	29

В-третьих, выяснилось, что несмотря на свою эффективность предпринимательская и репутационная стратегии являются самыми малочисленными (первая вообще отсутствует у менеджеров). Больше всего попыток трудоустройства было сделано через знакомых (типичные высказывания: «*Бесполезно искать хорошую работу, если нет связей, знакомых*»; «*В наше время все делается через знакомых*»), и такая стратегия оказалась достаточно эффективной. Интересно, что 26% выпускников вообще не пытались использовать другие стратегии.

В-четвертых, для представителей двух отделений разные стратегии обладают разной эффективностью. Например, для выпускников ГМУ использование службы занятости и объявлений/телефонных звонков гораздо более эффективно, чем для психологов. По-видимому, это объясняется спецификой профессий и их статусом на рынке труда. Хотя самостоятельное хождение по предприятиям – не самый эффек-

тивный способ для выпускников обоих отделений, тем не менее у психологов он более результативен.

Сопоставление данных интервью с показателями удовлетворенности жизнью (табл. 3) позволяет высказать еще ряд соображений. Наибольшей адаптированностью (т.е. более высоким уровнем удовлетворенности жизнью) характеризуются те, кто придерживался репутационной стратегии, а наименьшей – те, кто ориентировался на знакомых. Несмотря на то что обе стратегии связаны с использованием своей социальной сети, между ними есть существенная разница: в первой выпускник сначала отдает свои собственные ресурсы, а во второй сначала получает ресурсы от других. Иными словами, эти стратегии предполагают разную исходную активность и ответственность молодых людей, что сказывается на уровне их итоговой адаптированности.

Полученные данные о влиянии однородности и дифференцированности профессиональных интересов на характер занятости и различные уровни адаптированности приводятся табл. 4–9.

Согласно нашей гипотезе обладатели разных уровней однородности и дифференцированности профессиональных интересов должны были бы отличаться друг от друга по наличию или отсутствию работы. Однако анализ табл. 4 и 5 свидетельствует об отсутствии какого-либо выраженного влияния структуры профессиональных интересов на трудоустройство выпускников. На занятость, вероятно, влияют какие-то другие факторы.

Также не подтвердилось выведенное из концепции Дж. Холланда теоретическое ожидание о влиянии однородности и дифференцированности профессиональных интересов на итоговый (через год) уровень адаптированности выпускников, в содержание которой мы включили удовлетворенность жизнью, уверенность в себе, социальную смелость, инициативность в социальных контактах. Мы, в частности, полага-

ли, что среди обладателей высоких показателей удовлетворенности, уверенности и т.д. будут существенно более высокие доли лиц с высокой однородностью и дифференцированностью интересов.

Анализ данных табл. 6–8 показывает, что выпускники с высокими степенями однородности и дифференцированности профессиональных интересов демонстрируют примерно одинаковый уровень адаптированности. Так, среди высокоуверенных в себе 46% имеют непротиворечивую структуру интересов и 26% обладают четко определенными профессиональными устремлениями. Среди лиц, не обладающих высокой уверенностью в себе, соответствующие показатели равны 64 (различие с высокоуверенными незначимо по t-критерию для долей) и 27% (см. табл. 6 и 7).

В целом данные, представленные в табл. 4–9, свидетельствуют о том, что гипотезу о влиянии профессиональных интересов на карьеру следует отвергнуть. Этому может быть дано два объяснения. Во-первых, в нынешней социально-экономической ситуации непротиворечивость и четкая определенность профессиональных устремлений у выпускника вуза непосредственно не связаны с характером его занятости и уровнем адаптированности*. Существуют какие-то другие факторы, оказывающие выраженное позитивное или негативное влияние на карьеру (по крайней мере в первый год после окончания вуза).

Во-вторых, концепция Дж. Холланда имеет ограничения в своем применении и не может использоваться для прогнозирования поведения на рынке труда.

---

* Это, в свою очередь, может объясняться спецификой психологического механизма адаптации молодежи к социальным изменениям, который включает допущение человеком изменчивости своего жизненного пути и проявляется в вариативности планов, проектов и ожиданий – прежде всего в социально-трудовой сфере [3].

Итак, сконцентрировав свое внимание на проблеме занятости, нам удалось выявить эффективные стратегии поиска работы. Было замечено, что один человек использует несколько стратегий, но не все они ведут к трудоустройству. Самыми эффективными являются предпринимательская и репутационная стратегии. Они же сопровождаются высокими показателями удовлетворенности жизнью.

Эти две стратегии позволяют говорить о значении для успешной карьеры таких психологических факторов, как *ответственная включенность в межличностные профессиональные связи и способность к направленной рефлексии (осознание собственных ресурсов и активное их использование*). Также можно говорить о том, что простое использование знакомств, будучи достаточно эффективным для трудоустройства, не всегда приводит к высокой итоговой удовлетворенности жизнью.

Исследования показали, что структура профессиональных интересов (однородность и дифференцированность) не связана с характером занятости и адаптированностью выпускников в первый год после окончания вуза, а следовательно, в современной социально-экономической ситуации на карьеру влияют какие-то иные факторы, не затрагиваемые концепцией Дж. Холланда.

Библиографический список

1. Березин Ф.Б. Психическая и психологическая адаптация человека. М., 1988.
2. Воробьев А.Н., Сенин И.Г., Чирков В.И. Опросник профессиональных предпочтений: Руководство. Ярославль, 1993.
3. Демин А. Адаптация молодежи к социальным изменениям // Социальные изменения в России и молодежь. М., 1997.
4. Забродин Ю.М. Очерки теории психической регуляции поведения. М., 1997.
5. Климов Е.А. Как выбирать профессию. М., 1990.

6. Климов Е.А Психолого-педагогические проблемы профессиональной консультации. М., 1983.
7. Копина О.С, Суслова Е.А., Заикин Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии. 1995. №3.
8. Корнеева Л.Н. Самооценка как механизм саморегуляции деятельности // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб., 1991.
9. Крягжде С.П. Управление формированием профессиональных интересов // Вопросы психологии. 1985. №3.
10. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. М., 1996.
11. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар, 1995.
12. Укке Ю.В. Разработка психологических проблем профессиональной ориентации в США // Вопросы психологии. 1971. №1.
13. Krumboltz J.D. Rational career decision making. Columbus, OH, 1981.
14. Osipow H. Samuel. Career issues through the life span // Counselling Psychologist. 1982. № 10.

А.Н.Демин

«КАРЬЕРНЫЕ» РАЗМЫШЛЕНИЯ, или ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ А.С. ПИВНЮК

На следующий день после защиты диплома Анна улетела в США – там ее ждет работа. А мне подумалось, что наша выпускница собственным примером подтверждает результаты проведенного ею исследования, а именно, значение и эффективность репутационной стратегии трудоустройства. В Америку она едет в третий раз и пусть работать будет не по специальности, но ее-то искали и приглашали в этот раз специально, потому что зарекомендовала себя, потому что сложился устойчивый неформальный круг профессиональных коммуникаций, где ждут ее, Анну, а не кого-то другого.

Чтобы результат был признан научным, личного примера недостаточно. Однако то, что студент должен уметь использовать получаемый результат в построении собственной жизни, у меня сомнений не вызывает. Вопрос в том – как использовать?

По модной ныне терминологии, мы стоим перед проблемой формирования индивидуального культурного капитала. Чем успешнее происходит капитализация достигаемых результатов, тем более умело человек встраивает их в свой опыт, тем увереннее он чувствует себя в новых и неопределенных ситуациях, тем легче ему выдержать конкуренцию на рынке труда, совладать с трудностями в других сферах.

От чего это зависит? Решает ли эти проблемы наше профессиональное образование?

Молодой человек, получивший некоторый набор предметных знаний и умений, далее вынужден добиваться предложения на эти знания и умения от других людей, экономических структур, общества. Наблюдения за выпускниками обнаруживают один интересный факт. Оказывается, что академические успехи не являются самостоятельным прогностическим показателем в профессиональной карьере – можно учиться на тройки, но быть конкурентоспособнее «подготовленных» однокурсников и наоборот.

Проблема выпускников далеко не всегда в том, что полученные ими знания недостаточные: как известно, знаний на все случаи жизни не напасешься. Проблема состоит в отсутствии связующего звена между знаниями и неопределенной жизненной (профессиональной) ситуацией. Можно сказать, что успешная профессиональная деятельность осуществляется благодаря приложению своих индивидуальных свойств к профессиональным знаниям в соответствии с пониманием требований конкретной ситуации (заданных целей, должностной структуры, рыночных перспектив и т.д.). Это означает, что для профессионального успеха помимо

всего прочего требуются представления о хозяйственной жизни плюс представления о личных ресурсах плюс намерение использовать личные ресурсы в хозяйственной жизни. Ресурсом может быть свойство характера, профессиональный навык или социальная связь. Они рассматриваются в качестве своей сильной стороны, в качестве инструмента для решения жизненной задачи, по отношению к которым человеку удается занять внутреннюю позицию пользователя. Эффективность такого механизма обнаруживается не только у выпускников, о чем написала А. Пивнюк, но и в группах «новых бедных», безработных [2]*.

Актуализация проблемы осознания и использования личных ресурсов в профессиональном развитии объясняется новой социально-экономической ситуацией в России, с одной стороны, и новым пониманием профессиональной ориентации (объектом которой, собственно, и является карьера) – с другой.

У каждого времени свое понимание целей, критериев, субъектов профессиональной ориентации, которое транслируется в соответствующие структуры, предписания и направления деятельности. Например, во втором (1984 г.) издании «Краткого словаря системы психологических понятий» К.К. Платонова профессиональная ориентация определяется как «система государственных психолого-педагогических, медицинских и экономических мероприятий, предусмотренных Конституцией СССР, помогающих человеку, вступающему в жизнь, научно обоснованно и устойчиво выбрать профессию с учетом нужд общества и своих способностей и призвания» [4, с. 105]. Спустя 12 лет в нормативном документе Министерства труда и социального развития Российской Федерации мы находим такое определение профессиональной ориентации: «Это обобщенное поня-

* См. также статью А.Н. Демина и Е.Ю. Кожевниковой в этом номере.

тие одного из компонентов общечеловеческой культуры, проявляющегося в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, а также проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально-экономической ситуации на рынке труда» [3, с. 1].

Если сравнить оба определения, то можно обратить внимание на расширение представления о главном субъекте профессиональной ориентации (было государство, стало общество); она уже не ограничивается только выбором профессии, тем более устойчивым; ее критерии задаются рынком труда.

Анализ ситуации, складывающейся на рынке труда, позволяет сделать вывод о том, что сейчас существенно возрастает роль саморегуляции населения в процессах занятости. Анализируя возможные сценарии динамики занятости и безработицы в ближайшие годы, специалисты полагают, что наряду с макроэкономическими факторами будет возрастать значение собственно политики на рынке труда, ключевой задачей которой должно стать «повышение и поддержание «высокой способности к занятости» рабочей силы» [5, с. 171].

В методологическом плане это закономерно приводит к стремлению исследователей искать ответы на социальные вызовы в самом человеке. Не случайно А.В. Брушлинский, обобщая результаты исследований Института психологии РАН, пишет, что «общественные движущие силы переместились в последнее время на личностный и социально-психологический уровень деятельности, сознания и поведения реальных людей как субъектов» [1, с. 31].

Осознание возросшей роли субъективных начал в социально-экономических процессах позволяет дать следующее

рабочее определение профессиональной ориентации: *это система мероприятий, направленных на адаптацию человека к изменениям в социально-трудовой сфере через активное использование им своих индивидуальных и социальных ресурсов; целью профессиональной ориентации является формирование и поддержание готовности к эффективному поведению на свободном рынке труда.*

Из данного определения вытекает несколько следствий. В частности, имеет смысл говорить о двух формах подготовки профессионала: *предметном обучении и профориентационном сопровождении личности обучающегося*, в рамках которого осуществляется помощь студенту в прояснении, применении и расширении своих психологических и социальных возможностей для эффективного решения типичных или особых профессиональных задач. В конечном счете от этого зависит усвоение достигаемых результатов, их капитализация в личном опыте.

Подготавливая студента к перемещению на свободный рынок труда, профориентационное сопровождение не может на этом завершаться. Диапазон и характер проблем, возникающих в начале и по ходу профессиональной карьеры, предполагают новые технологии и организационные формы сопровождения. Не случайно Анна Пивнюк в тексте своего диплома, обобщая результаты бесед с выпускниками факультета управления, пишет о необходимости разработки конкретных программ помощи молодым специалистам, развития системы профессиональной коммуникации с ними.

Библиографический список

1. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал. 1996. Т.17. №6.
2. Демин А.Н., Крылова Н.А. Типы трудового сознания незанятых женщин // Психологические проблемы самореализации личности: Сб. научных трудов / Под ред. О.Г. Кукосяна. Вып. 3. Краснодар, 1998.

3. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Положение о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации от 27.09.96. Приложение №1. М., 1996.
4. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984.
5. Прокопов Ф. Главная альтернатива безработице // Государственная и корпоративная политика занятости / Московский Центр Карнеги. М., 1998.

Н.В. Шабанова

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ

Термин «культура» происходит от латинского слова, означавшего возделывание почвы, ее культивирование. Позже под культурой стали понимать результаты целенаправленно производимых человеком изменений в природе и считать ее «второй природой», надстроенной над первой, – естественной. Созданные людьми социальные институты аккумулируют, формируют и транслируют культурный опыт. Одним из таких социальных институтов является целевая организация, или предприятие, внутри которой взрослый член современного общества проходит свое профессиональное становление, ведет насыщенную контактами деятельность, организует своё поведение и поведение других сообразно существующим на предприятии принципам. Важно иметь в виду, что профессиональная деятельность в современном обществе – один из основных факторов, определяющих место индивида в социальной структуре общества, его социальный статус.

Несмотря на обилие различных трактовок феномена организационной культуры (ОК), можно говорить о принципиальном их сходстве и даже родстве с трактовками культуры, представленными в разных дисциплинах.

С философской точки зрения культура представляет собой определённый уровень развития общества, выраженный в типах и формах организации человеческой деятельности, а также в материальных и духовных ценностях, которые создаются в ходе развития данного общества. Культура – это не только результаты предметной деятельности человека, но и его способности, уровень знаний и умений, формы и способы общения людей [2, с. 152].

Социология оперирует двумя терминологическими толкованиями: в широком смысле под культурой понимается

специфическая, генетически не наследуемая совокупность средств, способов и ориентиров взаимодействия со средой, которые вырабатываются в совместной жизни для поддержания определенных структур деятельности и общения; в узком смысле – система коллективно разделяемых обществом в целом или группой людей смыслов, символов, ценностей, убеждений, образцов поведения [4, с. 43].

Сходные аспекты культуры выделяют и исследователи ОК. Так, Э. Шейн с позиций стратегического анализа рассматривает ОК как процесс становления и функционирования духовной основы жизнедеятельности организации, определяемой набором базовых представлений, сформировавшихся в результате попыток организации интегрироваться и адаптироваться к внешней среде, оправдавших себя в прошлом и сохраняющих свою действенность в настоящем [6, с. 50]. Особенность этих базовых представлений, или неявных допущений, состоит в том, что они нерефлексивно принимаются членами организации как изначально верные и в этом своем качестве определяют выбор схемы анализа, принятия решения и способа действия.

О.С. Виханский и А.И. Наумов считают, что ОК есть набор наиболее важных предположений*, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявленных организацией ценностях, задающих людям ориентиры поведения. Эти ценностные ориентации передаются индивидам через символические средства духовного и материального внутриорганизационного окружения [1, с. 421].

Э.А. Уткин пишет, что «культура организации – это сложная композиция разных предположений и предпосылок

---

* Встречающиеся в некоторых работах отечественных авторов термины «предположения», «предпосылки» и др., с нашей точки зрения, являются неудачными вариантами перевода английского «presuppositions», который более адекватен русским сочетаниям «базовые представления» или «неявные допущения» *(примеч. ред.)*.

(причем часто даже не поддающихся формулированию), бездоказательно, априорно принимаемых и разделяемых членами коллектива. Нередко корпоративная культура трактуется как принимаемые основной частью коллектива организации философия и идеология управления, ценностные ориентации, верования, ожидания, расположения и нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействия внутри организации и за ее пределами» [5, с. 111].

В философски ориентированных работах культуру сравнивают с атмосферой или средой протекания жизнедеятельности человека; интегральность подобных понятий, по нашему мнению, затрудняет проведение эмпирического исследования, поскольку предполагает модель «отражения всего во всем».

Более адекватной для эмпирического анализа нам представляется метафора ОК как вектора, задающего направление всем процессам жизнедеятельности организации посредством различных символьных систем: содержание такого вектора составляют ценностно-смысловая и ценностно-эмоциональная системы, а его процессуальная сторона обеспечивается двумя моментами, один из которых связан с идеальным планом – с тем, как тот или иной факт представлен в сознании (и укоренен в бессознательном) общества (индивидов), а другой – с феноменологическим рядом – с тем, как идеальный план проявляется в продуктах жизнедеятельности общества (индивидов). В этом случае у исследователя остается больше шансов для поиска эмпирических индикаторов ОК, который он может начать с изучения существующих типологий ОК.

Структура ОК по Э. Шейну

Придерживаясь рационально-прагматического взгляда на характер и функции культуры, Э. Шейн предложил при описании конкретных организаций выделять три уровня ОК. Ценность данной концепции, по нашему мнению, заключа-

ется в том, что выделенные уровни могут послужить категориальной основой для эмпирической типологии ОК.

Первый уровень составляют неосознанные базовые представления, определяющие способы и содержание восприятий, мыслей и чувств членов организации; второй уровень включает организационные ценности; третий уровень конституируют все видимые культурные артефакты, к которым автор относит формальную иерархическую структуру, систему лидерства, технологию, устойчивые способы отношения со средой, поведение членов в организации, планировку и оформление помещений фирмы и т.п.

Весьма сходную трехуровневую структуру приводит Э.А. Уткин [5, с. 111].

Первый уровень составляют *базовые предположения,* разделяемые социальными агентами (индивидом, группой, организацией, обществом и т.д.) и регулирующие их восприятие окружающей среды (природы, времени, работы, взаимоотношений и т.д.) и поведение по отношению к ней.

Уровень *ценностей* регулирует, какое поведение можно считать допустимым, какое – недопустимым. Например, в некоторых организациях считается, что «клиент всегда прав», поэтому в них нельзя обвинять клиента за неудачу в работе; в других – наоборот. Принятая ценность подсказывает работнику, как он должен действовать в конкретной ситуации.

Третий уровень – уровень *символики* – служит для трансляции ценностных ориентаций членам организации. Некоторые фирмы имеют специальные документы, в которых детально описаны «принятые» ценностные ориентации, однако содержание и значение последних наиболее полно раскрываются через «ходячие» истории, легенды и мифы, которые оказывают иногда больше влияния на людей, чем официальные «миссии организации».

Наименее доступным для исследования является уровень базовых установок, составляющих сердцевину культуры, поскольку их содержание в повседневной жизни редко рефлексируется.

Рассматривая *связь организации со средой*, Э. Шейн, по аналогии с отношением человека к природе, выделил три культурные традиции: западную, восточную и юго-восточную. Согласно западной традиции человек склонен покорять и контролировать природу; в организации сотрудники будут проявлять инициативу, стремиться «диктовать» свои правила окружению. В соответствии с восточной традицией организация будет стремиться к гармонии с окружением, к поддержанию баланса со средой. Юго-восточной традиции автор приписывает стремление человека подчиняться природе и следовать условиям окружающей среды.

Э. Шейн включает в свою концепцию категорию отношения организации к пространству и выделяет три уровня *реальности,* на которые сотрудники организаций могут преимущественно ориентироваться в своей деятельности:

1) уровень внешней физической реальности, включающей явления, подлежащие объективному объяснению, научной проверке и т.п.;

2) уровень социальной реальности – коллективные убеждения, представления о смысле жизни и т.п., принципиально не наблюдаемые и не верифицируемые;

3) уровень индивидуальной реальности, или личного опыта человека.

К пространственным категориям добавляются временные:

1) монохронический взгляд – время понимается как некая протяжённость, разбитая на отрезки; при таком восприятии считается, что сотрудник в определённый отрезок времени может заниматься только одним делом, от него требуют точности и скрупулезности в выполнении заданий; для таких

организаций характерно разделение пространства на изолированные кабинеты и ограниченный доступ к руководству;

2) полихронический взгляд – время не уподобляется разделенной на отрезки прямой, а движется по кругу; в таких организациях считается, что человек одновременно может заниматься несколькими делами; высоко ценятся взаимоотношения между людьми и открытость информации; пространство организуется для удобства рабочих контактов сотрудников между собой и с руководством.

Э. Шейн также выделил три основные ориентации по отношению к целям *человеческой активности* в организации.

Ориентация на делание. При такой ориентации господствует вера в неограниченные возможности человека – надо лишь найти правильную технологию воздействия на среду. Главным является критерий «хорошо–плохо», с помощью которого оценивают практическую полезность действий оцениваемого объекта.

Ориентация на бытие характеризуется тем, что существующий порядок вещей принимается таким, каков он есть.

Для *ориентации на бытие через становление* свойственно стремление к гармонии человека и окружения. Основное внимание при этом уделяется развитию личности, раскрытию ее творческого потенциала, самореализации.

На основе базовых представлений о принципах должных взаимоотношений между людьми Э. Шейн выделяет «индивидуально-соревновательные» культуры (характерные для США и европейских стран) и культуры «группового сотрудничества». Конфигурации тех или иных базовых представлений формируют ядро, которое становится определяющим при формировании следующих уровней. В зависимости от целей исследования организацию можно классифицировать и по отдельным уровням, и как систему в целом.

Типология Р. Харрисона и ее модификации

Роджер Харрисон описал четыре типа ОК [3, с. 105] в зависимости от их доминирующей ориентированности на:

– власть;
– выполнение роли;
– достижение;
– поддержку.

В ОК, ориентированной *на власть*, основным является принцип выживания. Такая организация будет пытаться подчинить себе окружение, всячески стараться уничтожить любые формы внешней конкуренции. Внутри организации менеджеры видят своей целью личный выигрыш любой ценой; ключевую позицию занимает тот, кто обладает наибольшим потенциалом власти и, аккуратно делегируя ее, осуществляет контроль над деятельностью организации.

Ориентированная на *выполнение роли* культура стремится внести в организацию максимальную упорядоченность. Поведение и взаимоотношения сотрудников обезличиваются и нивелируются четкой регламентацией в соответствии с формальными нормами и правилами, зафиксированными в официальных документах. Такая организация проводит непрозрачную границу между собой и внешней средой.

Предприятия, ориентированные *на достижение*, видят своей целью производительную работу и реализацию намеченных планов. Эффективность решений, скорость их принятия и внедрения стоят выше личных интересов. Полномочия распределяются в зависимости от умения и компетентности. В своих отношениях с внешней средой такая организация чаще руководствуется стратегией компромисса.

Последняя из названных ОК, ориентированная *на поддержку*, характерна для организаций, смысл существования которых состоит в обеспечении своим сотрудникам (такого) удовлетворения (таких) потребностей, которые больше нигде не могут быть удовлетворены.

Развивая подход Р. Харрисона, Чарльз Хэнди построил собственную типологию по характеру распределения власти в организации и соответствующим ценностным ориентациям личности, которые, по его мнению, определяют специфический характер отношений между индивидом и организацией, а также структуру организации и характер ее деятельности на различных этапах развития. В зависимости от доминирующей в организации ценности он метафорически обозначил типы ОК именами древнегреческих богов. В свою очередь, Джойс Олдхэм, большое внимание уделявший связям ОК со структурой организации, постулировал соответствие между структурой организации и типом ОК [7, с. 15]. Итоговая модель Харрисона–Хэнди–Олдхема выглядит следующим образом.

Культура власти (культура Зевса). Структура организации этого типа сравнима с паутиной: власть находится в центре и распространяется посредством центробежных волн. Лидер, обладающий особыми личными качествами и способностями, добивается контроля над ресурсами, который и является источником власти. Харизматический лидер допускает только разрозненные элементы бюрократической системы управления. Специально подобранные сотрудники централизованно осуществляют текущий контроль, руководствуясь отдельными, не составляющими системы формальными правилами. Все процессы на предприятии детерминируются не логикой технологического цикла или формальной рациональности, а логикой конкурентной борьбы. Отбор и продвижение персонала производится прежде всего по критерию личной преданности, и только потом учитываются остальные качества выдвиженца. Концентрация власти в руках «вождя» при условии его личной успешности и небольших размеров организации позволяет быстро и успешно реагировать на изменения в окружающей среде. Такая ОК особенно характерна для небольших частных ком-

паний в сфере риэлторских услуг, торговли, финансов, а также для профсоюзных и политических организаций.

Ролевую культуру (культуру Аполлона) олицетворяет бюрократическая, в веберовском значении этого слова, организация со строгим функциональным разделением труда, которое координируется сверху специализированным аппаратом управления, регулирующим всю деятельность организации в соответствии с правилами, фиксирующими в письменной форме границы компетенций и полномочий, способы взаимодействия и разрешения конфликтов внутри организации. В такой культуре основным источником власти является положение в иерархии, а влияние регулируется правилами и процедурами. Эффективность обеспечивается рациональным распределением функций и ответственности, а не личными качествами отдельных личностей. Ролевой тип организации успешно действует в стабильной, предсказуемой и контролируемой среде, где устойчивость производства важнее гибкости, а техническая компетентность и глубина специализации важнее внедрения новой продукции и ее себестоимости. Отдельному служащему эта культура дает защищенность и возможность стать компетентным специалистом; исполнительность в определенных пределах поощряется системой вознаграждения и функциональным продвижением по службе. Однако она оказывает разрушительное воздействие на тех, кто честолюбив, стремится самостоятельно регулировать свою трудовую деятельность, кого больше интересует не методичность процедур, а результат; такие персоны могут найти себе удовлетворение, только добившись поста в высшем руководстве.

Культуру задачи (культуру Афины) лучше всего представить в виде сети, где некоторые нити толще и прочнее других, а власть и влияние располагаются на пересечении нитей, в узлах сети. Этот вид культуры ориентирован прежде всего на решение конкретных задач или реализацию про-

ектов. Ради достижения результата – своевременности и качества выполнения работы – культура предоставляет персоналу значительную свободу выбора организационных форм и методов; организация существует для обеспечения оптимального соединения имеющихся ресурсов и подходящих сотрудников на нужном уровне и в нужном месте. Это – культура команды, которая способна объединить личные цели работников с целями организации и получить эффект от группового сотрудничества, где общий результат работы всех важнее целей, положения в иерархии и стилевых особенностей индивида. Полномочия распределяются в зависимости от профессионализма и информационных ресурсов; влияние обусловлено силой экспертного знания, а не силой мускул, положения или духа. Культура задачи гибко адаптируется к меняющимся внешним условиям, так как каждое подразделение организации в идеале имеет все необходимые элементы для самостоятельного принятия решений. Она характерна для временных проектных бригад, специальных комиссий, отрядов, групп, создаваемых для достижения конкретных целей.

В условиях длительного существования, расширения круга задач и разрастания численности перед организацией встает нелегкая дилемма. Можно пойти на создание рациональной структуры управления и профессиональной специализации своих сотрудников, передав высшему руководству распределение проектов, людей и ресурсов и умеренный текущий контроль за работой без нарушения норм культуры; это возможно в благоприятных условиях, когда ресурсов хватает всем, кто в них нуждается. Однако в ситуации дефицита высшее руководство начинает испытывать необходимость контролировать эффективность трудового процесса и его результаты; руководители групп начинают открытую конкурентную борьбу за ресурсы с использованием политического влияния, угрожая тем самым целостно-

сти организации. Ради устранения угрозы может потребоваться разработка и установление регулирующих правил и процедур, которые немедленно повлекут за собой некоторое закрепление должностной иерархии.

Таким образом, культура задачи представляет собой шаткое равновесие, которое при ограниченности ресурсов и/или неэффективности решения проблем может нарушиться и трансформироваться либо в ролевую культуру, либо в культуру власти.

Культуре личности (культуре Диониса) соответствует структура в виде пчелиного роя или галактики. Основу такой организации составляют творческие личности, которые являются «центром» всех процессов, происходящих на предприятии; они работают не для решения общих задач, а для того, чтобы добиваться собственных целей. Организация, не имея никакой собственной цели, существует только для обслуживания интересов своих сотрудников. Разумеется, это редкий случай, ибо корпоративные цели, возвышающиеся над личными интересами отдельных участников, обеспечивают единство организации. Культура же Диониса не терпит никакого управления личностью, никакой надличностной иерархии, но предполагает добровольное согласие. Организация подчиняется индивидам, поскольку обязана им своим существованием. Индивид вправе покинуть организацию, но у организации едва ли есть сила избавиться от индивида. Влияние распределяется между членами поровну, а в экстренных случаях все добровольно подчиняются «экспертам».

По мнению Ч. Хэнди, указанные типы культуры обнаруживаются в любых организациях, ибо каждая организация в своем развитии проходит четыре основных этапа (зарождение, рост, развитие, распад), и каждому из этих этапов соответствует определенный тип ОК. На стадии зарождения преобладает «культура власти», так как в этот период все со-

трудники объединяются личностью ее основателя и находятся в личностно обусловленных отношениях. На стадии роста, характеризующейся расширением организации, появлением новых людей, не имеющих непосредственных контактов с основателем, происходит рутинизация деятельности, которая ведет к формированию ролевой культуры и т.п.

Позднее Р. Харрисон предложил описывать ОК любой организации по 10 характеристикам:

1) осознание сотрудниками себя и своего места в организации;

2) доверие, расположение к чему-то (вера в руководителя, в себя, во взаимопомощь и т.п.);

3) образ времени и его использование;

4) набор ценностей и ориентиров;

5) коммуникационная система, язык общения;

6) презентация себя на рабочем месте: одежда, внешний вид и т.п.;

7) образцы приема пищи в организации: что и как едят;

8) взаимоотношения между людьми в зависимости от пола, возраста, статуса и т.п., степень формализации отношений;

9) профессиональный и должностной рост работника, повышение его квалификации;

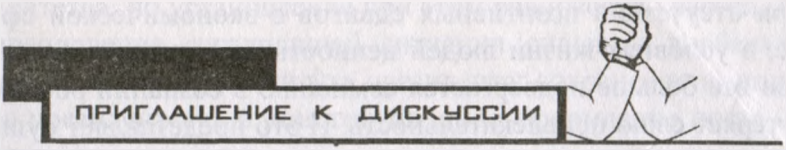
10) трудовая этика и мотивация.

Обе типологии представляют собой видение одного и того же объекта в разных ракурсах – в статике и динамике. В эмпирических исследованиях выбор типологии будет обусловлен программными целями и доступностью данных для исследователя.

Библиографический список

1. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. М., 1998.
2. Краткий словарь по философии. М., 1970.
3. Офман Д. Вдохновение и качество в организациях. М., 1996.

4. Радугин А. А., Радугин К. А. Введение в менеджмент: Социология организаций и управления. Воронеж, 1995.
5. Уткин Э.А. История менеджмента. М., 1997.
6. Щербина С.В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социс. 1996. №7.
7. Эффективный менеджер: Культура организации. Кн. 8. М., 1992.



В.И. Буренко

ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Проблема взаимодействия общества и власти вызывает сегодня все более возрастающий интерес у исследователей различной профессиональной ориентации – философов, правоведов, социологов, историков, психологов, политологов, специалистов в области управления. В России усиливающееся внимание к этой проблеме обусловлено состоянием общества и власти на протяжении всей ее истории, но прежде всего в двадцатом столетии и в последние полтора десятка лет. Переходные процессы в современном российском обществе протекают в крайне болезненных и длительных формах. За десять лет произошла смена экономических укладов и политических систем, менялись политические режимы и правительства, проходили неоднократно парламентские и президентские выборы, однако ни экономические, ни политические преобразования не приводят к реально ощутимым результатам: безопасности и улучшению жизни людей. Конечно, незначительная часть населения стала жить существенно лучше, чем 15–20 лет назад, но основная масса находится в состоянии неудовлетворенности либо от нищенского существования, либо от огромного напряжения сил, которое требуется для достижения и поддержания нормальной жизни. Некоторые реформаторские результаты (парламентаризм и разделение властей, многопартийность, выборы, действенность оппозиции, свобода слова и др.), безусловно, имеют значимость и *самоценность*, но

при отсутствии позитивных сдвигов в экономической сфере, в условиях жизни людей ценность названных результатов все больше подвергается сомнению в сознании россиян и теряет свою привлекательность. И это представляет существенную угрозу дальнейшему реформированию общества и перспективам цивилизованного выхода из глубочайшего кризиса.

Каковы причины столь неэффективного реформирования России? Почему страна, обладающая 30 % мировых запасов природных ресурсов и высочайшим интеллектуальным потенциалом, по уровню жизни населения находится на одном из последних мест?

Самый общий ответ на поставленный вопрос, по нашему мнению, следует искать в состоянии и особенностях общества и власти в России, в их взаимоотношении на протяжении всей российской истории, в принципиальном следовании современной российской власти исторически сложившимся принципам поведения ее в обществе. Взаимоотношение общества и власти в России (за исключением незначительного периода первоначальной истории) характеризуется бесконтрольностью и беспрекословным доминированием воли властвующих. Как отмечают многие исследователи, представители «центральных органов (власти. – **В.Б.**) продолжают избегать любого рода институционализированных отношений ответственности, которые характеризуют демократическое управление» [6].

Неспособность России преодолеть кризисное состояние общества вызывает острые дискуссии о переустройстве власти. Многие политики и политологи высказываются о необходимости пересмотра Конституции.

Большинство предположений, касающихся изменений в Конституции, – это устранение института президентства в российской политической системе и преобразование ее в парламентскую республику; сохранение института прези-

дентства, но установление при этом равновесия властей, т.е. преодоление сегодняшней ситуации сильного дисбаланса власти в пользу института президента; сохранение института президентства и конституционное оформление поста вице-президента и т.п.

Дискутируются и процедуры изменения Конституции. В действующей Конституции порядок ее изменения прописан четко, но при этом оставлен простор для политической борьбы. Так, указывается, что положения глав 1, 2, 9, в которых речь идет соответственно об основах конституционного строя, правах и свободах человека и гражданина, поправках и пересмотре конституции, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Если предложения о пересмотре положений этих глав поддерживается тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то созывается Конституционное Собрание. Судьба Конституции оказывается в руках Конституционного Собрания, однако федерального конституционного закона о Конституционном Собрании пока не принято. Следовательно, перспектива пересмотра Конституции будет обусловлена той процедурой формирования и функционирования Конституционного Собрания, которая будет определена законом. Положения Конституции в этой части, как уже отмечалось, отличаются, с одной стороны, четкостью, а с другой – неопределенностью, которая связана с неясностью процедур формирования состава и функционирования Конституционного Собрания. Последнее как раз и может быть важным фактором против будирования в обществе идеи изменения Конституции, особенно если предполагаемый состав (соотношение сил) Конституционного Собрания нельзя спрогнозировать.

Непредсказуемость состава и результатов работы Конституционного Собрания побуждает некоторых политиков выдвигать предложения о внеконституционных процедурах

изменения государственного устройства. Так, на страницах «Независимой газеты» от 24.10.98 один из депутатов Государственной Думы РФ утверждает, что «необходимо соборное согласие о будущем государственном устройстве России». Высказываются также предложения о выборах президента через систему выборщиков. Подобная система превратится в систему партийно-номенклатурных выборщиков, которыми можно будет легко манипулировать.

Как видим, все эти предложения направлены на передел власти внутри политического сообщества (президент – правительство – парламент; центральная власть – региональные власти и т.п.). За рамками обсуждений остается важнейший вопрос политического обустройства страны, а таковым вопросом является *проблема перераспределения власти между политическим и гражданским обществом*. Власть в России – это, без преувеличения, центральная проблема ее более чем тысячелетней истории. Бесконтрольная власть в России часто становилась безнравственной, разлагающей, преступно влияющей на общество. Поскольку власть является элементом более широкой системы, эта система, а именно общество, должна задавать определенные параметры ее функционирования через регулирующие, направляющие воздействия.

Однако следует учитывать особенности регулирующего воздействия общества на государственную власть. В системе социальных интересов государство представляет особый, специфический интерес. Специфика интересов в сфере деятельности государства имеет, на наш взгляд, три аспекта.

Во-первых, через государство реализуется общезначимый интерес, включающий в себя такие вопросы, как обеспечение безопасности общества (обороноспособность, гарантии национальной независимости, правопорядок и др.) и защита прав и свобод человека. В решении этих вопросов государство должно обладать суверенитетом.

Во-вторых, государство само становится предметом интереса. Речь идет о заинтересованности общества и власти в обеспечении стабильности государственных органов, их способности эффективно решать назревающие проблемы и др. Одна из существенных опасностей, угрожающих эффективному функционированию государственных органов в современной России, – попытка их приватизации различными корпоративно-экономическими и партийно-политическими структурами.

И, в-третьих, в деятельности властвующей элиты и чиновников государственной службы проявляется корпоративный интерес, заключающийся в закреплении этим слоем своих статусных позиций, обособлении своего интереса, особого социального положения. Данная тенденция находит завершение в стремлении к приватизации государства и его институтов властно-бюрократической элитой. Этот третий аспект в функционировании государства как раз и предполагает регулирование всей государственной системы в первую очередь со стороны общества. Обособление собственного интереса политиков и чиновников, приватизация ими государства приводит к тому, что и первые два аспекта функционирования власти неизбежно трансформируются, становятся органами обслуживания узкокорпоративных интересов как самих властвующих, так и других сильных групп, стремящихся приватизировать государственные институты либо их функции.

Усилиями политической практики и политической теории в западных странах в ходе последних столетий были созданы механизмы контроля и регулирования власти со стороны общества. «При демократии, – констатирует известный французский политолог Ж. Бешлер, – всякой власти должна быть противопоставлена другая – или другие, – чтобы уравновесить ее» [2, с. 154]. Первый способ – это внутривластное конструирование противовесов. Но Бешлер совершенно

справедливо подчеркивает, и это подтверждается современной российской практикой, что там, где политическая власть не контролируется обществом, конституционное закрепление принципа разделения властей становится фикцией.

Остается второй способ: государственным властям противопоставить *частные власти,* политической сфере – неполитическую или *государству* противопоставить *гражданское общество* [2, с. 154].

Однако следует отметить, что гражданское общество на Западе сложилось как противовес государству в условиях формирования национальных государств, вызревания политической власти и утверждения государственного суверенитета, в противоборстве частных интересов и интересов усиливающейся власти. В европейских странах частным властям удалось противостоять нарождающемуся Левиафану, и в результате этого сформировалось реально функционирующее гражданское общество. Отсюда и вывод западных исследователей о том, что в «демократическом обществе решающую роль играют частные противовесы власти» [2, с. 184]. В России же частные интересы были подавлены властным центром. Вот как формулирует политические результаты борьбы общества и власти в российской истории известный русский мыслитель консервативного направления Л.А. Тихомиров: «Эта страшная система (речь идет об опричнине. – **В.Б.**), действительно глубоко задуманная и выполненная с железной энергией, сломала княжеско-боярскую аристократию бесповоротно». И далее: «С утверждением Петром Великим духовной коллегии…наше церковное управление явилось как отрасль государственного управления, под Верховной властью Государя» [10, с. 265].

Гражданское общество в России так и не сложилось. Власть разрослась и усилилась. И совет Бешлера “государственным властям противопоставить частные власти” [2, с. 154] в современной России просто нереализуем, потому что

этих частных властей практически нет. Истребление частного интереса или его подчинение государству привело к проституированию частной сферы, к ее поглощению властной сферой.

Таким образом, гражданское общество в современной России, находясь в зачаточном состоянии, по-прежнему в полной зависимости от государства и не способно контролировать власть, направлять ее деятельность в русло общезначимых проблем. Политические партии слабы, и их ресурсы растрачиваются на борьбу за власть. Представлять и защищать интересы общества и его различных слоев, контролировать власть партии пока не в состоянии. Да и ментальность российского общества и политической элиты такова, что многие партии в России становятся и скорее всего будут долгое время еще одним средством аккумулирования и агрегирования интересов чиновников, политиканов и разнообразных лоббистских групп, продвигающих свои собственные узкогрупповые, корпоративные интересы.

Внутривластные формы контроля либо не работают, либо работают слабо. Российская власть не способна к самоограничению и самоконтролю на основе принципа сдержек и противовесов. К примеру, по поводу состояния и методов «ожирения» властвующих между различными ветвями власти в последнее время как-то незаметно установилось взаимное и молчаливое согласие. Так, выступая с ежегодным посланием президента России Федеральному Собранию (март 1999 г.), Б. Н Ельцин напомнил властно-чиновному люду о том, что «мы забыли о борьбе с привилегиями, с чего все начиналось». Но за этим признанием президента скрывается и другое. Следует констатировать, что это свидетельство полнейшего бессилия общества. Власти забыли, а общество не может и не в состоянии им «напомнить».

Таким образом, в современной России ни во властных структурах, ни в гражданском обществе не находится сил,

способных противостоять деградации и растущему отчуждению власти, сделать ее хотя бы в каких-то своих проявлениях подконтрольной обществу, открытой, "прозрачной" для общества. Очевидность слабой эффективности способов контроля и воздействия на власть четко фиксируется и общественным мнением. Так, по результатам одного из авторитетных социологических исследований, в российском обществе растет доля граждан, не верящих в возможность эффективного влияния на власть*. Если в 1995 г. 42,6% опрошенных считали, что в России не существует эффективных способов влияния на власть, то в 1997 г. их доля выросла до 53,4%, а в 1998 г. – до 62,6% [8, с. 50]. При этом указанная тенденция фиксируется на фоне огромного числа тех, кто убежден, что главное в жизни – это собственные интересы (84%). Лишь 14,5% опрошенных указывают, что для них главное – это общественные интересы. Эта тенденция отмечается не только в России. И на Западе на протяжении последних лет все чаще высказывается обеспокоенность тем фактом, что гражданское общество уступает место обществу «массовому», в котором связи между людьми носят все более формальный, безличный характер, а маргинализация значительной части населения приводит к тому, что эти люди фактически становятся псевдогражданами [8, с. 57]. Это свидетельство того, что и на Западе в новых условиях будет обостряться проблема эффективного контроля власти со стороны гражданского общества.

В современной российской литературе существует несколько подходов к решению проблемы контроля власти, которые, на мой взгляд, содержат положительный заряд, но в своей основе являются недостаточными.

Некоторые авторы, к примеру, А.С. Панарин, видят решение проблемы в «революции сознания», «пробуждении

---

* Исследование проводилось по всероссийской репрезентативной выборке для 12 социально-профессиональных групп.

совести и ответственности» интеллектуальной и политической элиты [7, с. 8]. Собственно такой же выход намечает известный исследователь проблем государства Л.С. Мамут: «Чтобы существовал, креп и развивался демократический правовой строй, разумеется, нужна отвечающая его духу и букве институционально-нормативная система. Но еще более нужны граждане, из которых он бы органически вырастал. Императив гражданина – изменяйся к лучшему в первую очередь сам, иначе не изменится к лучшему государство, в котором живешь ты и твои сограждане» [5, с. 97]. Авторы, придерживающиеся такой точки зрения, по моему мнению, совершенно правильно акцентируют внимание на важности духовно-нравственного фактора в выходе России из поразившего ее кризиса. И в этом направлении необходимо предпринимать общественные усилия, тем более что это направление поисков соответствует российской традиции. Так, известный русский философ В.В. Зеньковский, характеризуя специфику русского философствования, отмечал: «Я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия не теоцентрична (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), не космоцентрична (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов) – она более всего занята темой о человеке, его судьбе и путях, смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) моральная установка» [3, с. 16]. Более того, социальная психология второй половины XX в. подтверждает, что некоторые моральные ценности являются не столько спецификой определенной группы людей или достоянием определенной национальной культуры. «Такие идеалы, как истина, справедливость, свобода, хотя они часто оказываются лишь пустыми словами или рационализациями, могут быть подлинными

стремлениями человека… любой анализ, не учитывающий эти стремления в качестве динамичных факторов, ошибочен» [11, с. 244]. По словам Э. Фромма, «стремление к справедливости и правде является столь же неотъемлемым свойством человеческой природы, хотя и оно может быть подавлено и извращено, как и стремление к свободе» [11, с. 239].

Однако сегодня духовно-нравственных исканий и рекомендаций, связанных с необходимостью «воспламенения сознания», крайне недостаточно. Революции сознания – дело длительное, охватывающее столетия. И чтобы избавить российский менталитет от безгосударственности, анархизма, неуважения к праву и многого другого, нужны десятки лет последовательной работы, подкрепляемой политической и правовой практикой, нужны последовательные усилия как гражданского общества, так и политической власти. История этих десятков лет России не отпустит. Поэтому необходимо инициировать «пробуждение совести», дополнять это направление российских преобразований институциональными нововведениями.

Некоторые авторы при глубоком анализе сложившейся ситуации высказывают рекомендации сомнительного порядка в силу того, что они обращены к власти. Так, исследователь современной российской политической культуры А.И. Соловьев рекомендует: «В условиях повальной зараженности общественного мнения патриархальными настроениями властям надлежало бы не столько прокламировать свою приверженность к определенным политическим идеалам, сколько стремиться к их нравственно-этическому оправданию» [9, с. 76]. Снова мы здесь встречаем фактор нравственно-этического порядка, еще раз один из авторитетных исследователей российского политического процесса указывает на его важность. Но не тщетны ли надежды на власть? Полнейшая иллюзия полагать, что власть, тем более

российская власть, развращенная столетиями ограбления народа, окажется во главе движения за нравственно-этическое очищение. Насилие и грабеж – генетически природные качества российской власти [4]. Их выкорчевывание требует новых подходов, решений, которые смогут принудить саму власть хотя бы к минимуму нравственности.

Сходные возражения вызывают и рекомендации теоретика государственного управления Г.В. Атаманчука. Он указывает на то, что любая унификация отношений между участниками управленческих процессов ведет к формализации и омертвению жизни, от которой не спасают даже периодические реформы. Однако, по мнению автора, «выход существует, он найден многими странами, но в наших условиях требует совершенно нового мышления, фактически прорыва традиционных подходов. Речь идет не просто о реализации концепций разделения властей, федерализма, деконцентрации и других в государственном управлении. Имеется в виду признание системы государственного управления в качестве органической системы, составные части и элементы которой многообразны и способны к непрерывному саморазвитию» [1, с. 106]. Итак, если выделить из этой пространной цитаты самое существенное, то суть *совершенно нового мышления оказывается в признании системы государственного управления, способной к непрерывному саморазвитию.* Мечта власть предержащих о том, чтобы общество уверовало в ее способность к непрерывному саморазвитию дополняется теоретическими аргументами ученого-государственника. Однако политическая практика и политическая теория достаточно убедительно свидетельствуют о том, что из себя представляет саморазвитие государственного управления. В управленческом самосовершенствовании как закономерность проявляются разрастание институтов и учреждений, разбухание управленческого аппарата, неимоверное увеличение бюджетных финансовых затрат,

потеря способности к самоуправлению и самоконтролю, возрастание усилий к решению проблем самоорганизации, выдвижение в качестве приоритетов интересов корпоративных (власть предержащих и управленцев), забвение интересов общезначимых и как обобщающий итог – возрастающее отчуждение системы государственной власти и управления от общества .

В условиях невозможности в России естественного развития гражданского общества как силы, способной контролировать власть, необходимо формировать гражданское общество посредством своего рода социальной инженерии. На мой взгляд, в России необходимо институциональное оформление мнения и воли общества в своего рода институт гражданской власти. Важнейшая и, пожалуй, единственная функция этого института гражданского общества – принятие решений относительно политической власти. Политическая власть не должна принимать решения относительно самой себя. Процедуры выборов властей, медицинского освидетельствования, порядка декларирования доходов, статуса неприкосновенности, бюджетных расходов на содержание властей и т. п. – все это вопросы, подлежащие рассмотрению и утверждению иным органом, но не действующей властью. Власть не должна назначать себе оклады и пенсии, определять, кто может и кто не может иметь персональные авиалайнеры, государственные дачи и прочее за счет налогоплательщика. Власти не должны иметь права награждать друг друга. Все это – та сфера решений (решений по поводу самих себя), принимая которые любая власть, а российская тем более, перерождается и все более отчуждается от общества.

Подобного рода решения должен принимать авторитетнейший институт гражданского общества, состоящий из людей, пользующихся высочайшим доверием в России и субъектах РФ (как академики А. Сахаров и Д. Лихачев, пи-

сатель А. Солженицын), не работающих в структурах власти, обязующихся и впредь не работать в органах политической власти и не выдвигаться кандидатами на те или иные властные позиции. Эти люди, выбираемые в субъектах Российской Федерации – к примеру , по два-три представителя от каждого субъекта РФ, – представляя институт гражданского общества, являясь своего рода гражданской властью, определяют накануне выборов в те или иные структуры власти условия содержания гражданским обществом этой власти и принимают решения по ряду названных вопросов. Наиболее общий критерий полномочий данного органа – ранее названный принцип: политическая власть не принимает решений относительно самой себя, эти решения принимает гражданская власть*. Подобного рода институт гражданского общества, обладающий реальной способностью влиять на политическую власть, будет выступать одним из эффективных механизмов институционализации гражданского общества, сближения власти и общества, снижения отчужденности власти от интересов, проблем и забот рядового налогоплательщика. Следует ожидать повышения эффективности в работе различных ветвей власти. В настоящее время огромная энергия и время властвующих уходят на борьбу друг с другом.

В этой связи в сегодняшние дискуссии о проблемах переустройства власти следует внести вопрос о введении в Конституцию РФ особого раздела под условным названием «Гражданская власть». В этом разделе необходимо законодательно, на уровне Конституции, зафиксировать разделение властей между гражданским и политическими обществами исходя из названного принципа, раскрыть функции гражданской власти, процедуры формирования и т. п. Среди процедур формирования и функционирования института

---

* Есть и должны быть исключения из этого принципа, но в данной статье мы не будем их касаться.

гражданской власти должно быть закреплено безвозмездное выполнение от имени общества полномочий представителя гражданской власти. Одно из условий работы в институте гражданской власти – возможность и способность работать на безвозмездной основе. Вероятно, речь может идти лишь о возмещении расходов представителей гражданской власти во время периодически проводимых сессий.

Чтобы не возникали конфликты между действующей политической властью и властью гражданской, следует установить принцип, согласно которому последняя не принимает решений относительно избранных и функционирующих структур власти. Все решения гражданской власти касаются структур политической власти последующих сроков полномочий (легислатур). Решения эти принимаются на основе предложений действующих властей, институтов гражданского общества (отдельных граждан, партий, движений, профсоюзов и др.), инициатив самой гражданской власти. Все решения принимаются не позднее начала очередной предвыборной кампании. Выдвигающиеся кандидатами в президенты, депутаты, губернаторы, мэры должны иметь четкое представление об условиях их предвыборной борьбы и условиях их содержания обществом в случае победы. Как институт гражданской власти ее представители входят в состав Конституционного Собрания и в качестве института, представляющего общество, обладают правом вето в том случае, если в составе Конституционного Собрания будут должностные лица Российской Федерации и делегаты от представительных органов Российской Федерации.

Утверждение института гражданской власти не решит всех проблем современной России. Но проблема регулирования власти гражданским обществом в условиях России может быть решена только путем институционализации гражданского общества, путем социально-политической инженерии. Этап естественного формирования гражданско-

го общества и утверждения цивилизованных отношений с государством остался в прошлом и завершился атрофией и сегодняшней немощью гражданского общества. Подняться с колен и контролировать власть оно может только с помощью специализированных инъекций в форме реализации нетрадиционных социально-политических технологий.

Библиографический список

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997.
2. Бешлер Ж. Демократия: Аналитический очерк. М., 1994.
3. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т.1. Ч.1. Л., 1991.
4. Макаренко В.П. Российская власть. М., 1998.
5. Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
6. Меррит М. Ответственность и российская политика: как об стенку горох // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1998. №2.
7. Панарин А.С. Реванш истории. М., 1998.
8. Петухов В., Седова Н., Холмская Н. Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Власть. 1999. №1.
9. Соловьев А. И. Cause и каверзы политической демократии // Общественные науки и современность. 1998. №6.
10. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.

О.А. Оберемко, Е.Е. Чупилка

УНИВЕРСИТЕТ КАК ХРАНИТЕЛЬ «НАУЧНОГО ПРЕДАНИЯ»: концепция С.И. Гессена

Несмотря на то что история университетов насчитывает несколько веков, в течение которых многие институты европейского общества успели под давлением сменившихся историко-культурных контекстов претерпеть многократные превращения (в том числе и в свою противоположность), в самой Идее Университета угадывается устойчивая конфигурация понятий, которую каждый сезон исторического времени «раскрашивал» по-своему [см., например, 3; 6–9]. Даже легкое знакомство с библиографией по вопросу показывает, что попытки произвести «ревизию», т. е. дать более или менее полную сравнительно-историческую систематизацию концепций образовательных (да и не только образовательных) институтов, предпринимаются «во дни сомнений», предвещающих очередной период «бури и натиска».

В предлагаемом обзоре (который, надеемся, будет иметь продолжение) предполагается рассмотреть по единой концептуальной схеме несколько моделей университета, имеющих по тем или иным категориальным основаниям принципиальные различия. Здесь мы ограничимся рассмотрением концепции идеального университета, разработанной учёным-педагогом, философом Сергеем Иосифовичем Гессеном (1887–1950).

Цели, объект и предмет образования

В каждой концепции образования более или менее четко проступают контуры двух сущностей: личности и общества; цель всякого образования – произвести улучшения в обеих. Из трудов любого значительного мыслителя можно отобрать цитаты, свидетельствующие о «совмещении перспектив» и «всесторонности подхода». Однако содержательный

анализ должен обнаружить, что большинство концептуальных схем образования нацелены *прежде всего* на совершенствование либо *человека*, либо *общества*. В данном случае очень важно отличать «прежде всего» от «в конечном счете», так как одним из главных инструментов классифицирующего различения является вопрос о том, какая из названных сущностей выступает целью, а какая – средством.

Концепция С.И. Гессена по своему строению близка к концепции известного немецкого социального психолога и педагога Э. Шпрангера [10], которую упрощенно можно изложить следующим образом. В основе лежит список постулируемых *apriori* предельных культурных ценностей, среди которых фигурируют власть, благосостояние, красота, истина, любовь, вера. Психологически и поведенчески людей по их стремлению к одной (идеально-типический случай) или нескольким перечисленным ценностям можно отнести к одному из шести типов личности: homo politicus, oeconomicus, aestheticus, theoreticus, socialis, religiosus. Стремящиеся к названным ценностям «типичные» индивиды находят свою наиболее полную реализацию в соответствующих общественных институтах (политических, экономических и т.д.), которые собственно и призваны обеспечивать производство и воспроизводство определенных ценностей, т.е. опять-таки политических, экономических и т.д. Общая схема, таким образом, напоминает готический собор, в котором каждый элемент на своем уровне представляет всю тотальность мироздания через явленные в нем доминирующие предельные ценности, что, в свою очередь, открывает возможность для удачного совмещения холистской и индивидуалистской перспектив, отчетливо реализуемого в деятельностном подходе [4; 5] и в феноменологической традиции [1].

Несмотря на конструктивное сходство схема С.И. Гессена имеет некоторые принципиальные отличия. Во-первых,

он предлагает несколько иной набор постулируемых культурных ценностей: нравственность, красота, справедливость, религиозность, истина. Во-вторых, не полагаясь на естественное воспроизводство социальных институтов, Гессен гораздо большее значение придавал образовательным учреждениям, утверждая, что каждой ценности соответствует свой вид образования – *нравственное, художественное, правовое, религиозное и научное* (или теоретическое). Именно в процессе образования формируются личности с соответствующими ценностными ориентациями [2, с. 35], которые в своей деятельности достигают актуальных жизненных целей современного им общества [2, с. 17].

Как высшую культурную ценность науки Гессен почитал *метод открытия истины*. Частью научного образования и его последней ступенью является университетское образование, задача которого – приобщать человека к культурным ценностям науки и быть «высшим хранителем научного предания, передающего последующему поколению для приумножения научное предание современности» [2, с. 36; 327]. Овладение методом научного исследования может быть достигнуто только путём вовлечения учащегося в самостоятельную исследовательскую работу, поэтому университетское образование нельзя вести без научных исследований, без создания научных школ последователей, могущих продолжить работу после того, как её зачинатель сам отойдет от активной работы, предварительно обеспечив воспроизводство образования.

Третье важное отличие от шпрангеровской схемы заключается в том, что указанные в списке культурные ценности являются конечными только в обществе, для общества, с точки зрения общества и индивида, а не в абсолюте; несмотря на то что они «ценны и сами по себе» и являются *для общества и индивидов* «по самому своему существу задачами неисчерпаемыми», они все же служат орудиями для

других целей. Это относится и к науке, поскольку «всякое отдельное знание передаётся здесь не ради себя, а ради некоего более глубокого начала, лежащего позади того, что преподаётся, и его порождающего» [2, с. 17]. Таким образом, научная (университетская), как и всякая культурная деятельность, по своей природе безусловно социальна, но необязательно имеет непосредственное практическое приложение. Ради чего тогда производится вся культурная деятельность?

«Человек рождается рабом окружающей его действительности, и освобождение от власти бытия есть задание жизни и, в частности, образования» [2, с. 61]. Высшей жизненной ценностью оказывается свобода, понимаемая как «творчество нового, в мире дотоле не существовавшего» [2, с. 17], и достигаемая личностью через познание своих прав и понимание того, что может угрожать ее свободе; общество дает человеку возможность быть свободным, предоставляя различные общественные институты для саморазвития посредством культурной деятельности. Следовательно, в данной концепции общество выступает по отношению к индивиду не средством и тем более не целью, а скорее необходимым условием для освобождения личности «от власти бытия».

Процесс образования и устройство университета

Для реализации идеального существа университета как очага научного знания необходимо соблюдение трех принципов: принципа полноты научного знания; единства и свободы исследования, преподавания и учения; принципа самоуправления.

Полнота научного знания выражается в органической целостности самой науки (universitas scientiarum*), однако она никогда не может быть абсолютной в конкретном универ-

* Universitas scientiarum – (*лат.*) *буквально* целость наук.

ситете, где все основные ветви научного метода должны быть представлены лишь по возможности. На основании анализа традиционного строения университета и скрытых в нём тенденций развития С. И. Гессен наметил следующий список необходимых компонентов: факультеты естественно-математический, медицинский, историко-филологический и общественных наук; далее, особое подразделение, отвечающее за преподавание блока философских дисциплин, и педагогический институт. Ради целостности науки необходимо поддерживать постоянное живое взаимодействие между представителями различных дисциплин через особые организационные формы.

Традиционно сложившиеся типы университетских занятий – лекция, лабораторные и семинарские занятия – отражают принцип единства и свободы преподавания и исследования в университете. Смысл лекции заключается в выражении преподавателем своих научных убеждений и сообщении результатов собственных научных исследований, на которых строятся его убеждения. На лекции воспроизводятся не только основные этапы исследования, но и данные, которые слушатели должны проверить собственными исследованиями, а также разные точки зрения, существующие по данному вопросу, дабы студент мог выработать самостоятельный взгляд на предмет. Настоящая университетская лекция показывает, как учёный-лектор пришёл к результатам исследования, и тем самым неизбежно вводит в современное состояние излагаемого вопроса в науке.

Семинарские занятия заставляют учащегося сосредоточиться на определенной специальной проблеме, подвергаемой им углублённому и самостоятельному исследованию, а организуемая преподавателем полемика позволяет развить практические способности и умение аргументировать свою точку зрения. Таким образом, хорошие лекции и научно поставленные семинары дополняют друг друга и возбуждают

активное отношение слушателей к науке, стремление по-своему проработать изучаемый материал и самостоятельно проверить выводы преподавателя.

При этом процесс преподавания ничем не регламентируется, «кроме как требованиями, вытекающими из самого существа исследовательской работы», поскольку никакие программы и никакие внешние предписания не могут предвидеть, куда именно приведёт учёного внутренняя логика его научной работы. Даже методика преподавания научного курса не только обосновывается методологией существующей науки, но и совпадает с ней [2, с. 312], так как преподавание истины совпадает с её исследованием: педагогическое образование профессора исчерпывается его научным образованием, ибо его задача не в том, чтобы учить уже известному, а в том, чтобы учить открывать новое.

В учёное сообщество входят преподаватель-исследователь и студент. Так как высшая научная школа есть прежде всего очаг научного исследования, то её преподаватель – активный исследователь, самостоятельный учёный, расширяющий своей научной работой область познанного. Студент является участником исследовательской работы преподавателя и тем самым начинающим учёным. В аудиториях, лабораториях, семинариях в процессе взаимодействия преподавателей и студентов открываются новые научные истины, излагаются и проверяются результаты только что сделанных открытий. Поэтому в высшей научной школе, каковой является университет, преподавание идет через производимое на глазах учащихся исследование, которое ищет своего расширения и своего увековечения в школе последователей, могущих продолжить изыскания после того, как зачинатель её сам уже отойдет от исследовательской работы.

Профессор избирается по научным заслугам. Ораторское искусство профессора заключается в его способности мыслить во время речи, открывать на лекции новые доказатель-

ства и оттенки развиваемой мысли. Внешняя шероховатость речи, поскольку она есть выражение борения мысли со словом, составляет часто подлинную прелесть научной речи. Тот, кто слишком много сил и времени отдаёт технике преподавания, – плохой преподаватель; хороший преподаватель и в своей деятельности, и в своей речи направляет все силы на исследование самого предмета, а не на способы его удобопонятного изложения. Конечно, некоторый минимум выразительных средств нужен и преподавателю, и учёному, самое исследование которого не ограничивается узрением истины, но включает в себя и работу над адекватным ее выражением, удержанием и закреплением в точной формуле. Не владение риторическими фигурами необходимо преподавателю-учёному, но энтузиазм и стремление распространять свои научные взгляды.

Здесь можно угадать идею о том, что истина, как и талант, непременно пробьет себе дорогу, идею, родственную формуле М. Булгакова «рукописи не горят», рожденную верой в существование *реальных* ценностей (несмотря на все конструирования Воландом фантасмагорической социальной реальности). Однако можно обойтись и без мистики: если изложение учебного материала требует особых методических ухищрений, следовательно, либо преподаватель сам не «узревает» истины, а потому не может ее описать, либо «узревается» не истина, а искаженная, субъективная иллюзия, не подлежащая транслированию в университетской аудитории.

Свобода преподавания неразрывно связывалась со свободой учения, которая предполагала предоставление учащемуся права выбирать из массы ежегодно предлагаемых университетом курсов те, которые, независимо от предписанности их учебными планами, отвечают его научному интересу. Наличие нескольких преподавателей одной и той же науки и свободный выбор учащимся учителя характеризует

дух университетского учения. Из него необходимо вытекает предоставление учащемуся возможности сосредоточиться на тех науках, к которым ведет индивидуальный характер его научных занятий, а не предписанная извне программа преподавания. Именно индивидуализация, одинаково не совпадающая ни со специализацией, ни с энциклопедичностью, отличает университет от специальной школы. Свобода обучения предполагает ещё и такую организацию университетского преподавания, которая позволяет свободу духовного передвижения, т. е. перехода с отделения на отделение, с факультета на факультет, из университета в университет. Единство университетов, взаимное признание зачётов и степеней является предпосылкой свободы учения, которая также предполагает:

– низведение до минимума экзаменационного бремени;

– исключение системы конкурсных испытаний, дающих успех не самостоятельным исследователям, а тем, кто умеет применяться к чужим требованиям;

– перенесение центра тяжести на самостоятельную работу учащихся и качество предоставляемых ими диссертаций;

– выбор темы учащимся по добровольному соглашению со свободно избранным учителем;

– практическую незаинтересованность студента в результатах своего исследования.

Студент тем лучше, чем больше он выказывает самостоятельности в научной работе, чем больше надежд подаёт как будущий учёный. Учащийся не просто учится, но занимается наукой, он – studiosus* . Учение и исследование идут рука об руку: это равно касается и студентов, приобщающихся через учение в университете к самостоятельному исследованию, и профессоров, которые в исследованиях продолжают своё никогда не кончающееся учение.

---

* Studiosus – (*лат.*) старательный, усердный.

Понятно, что перечисленные положения, взятые сами по себе, не требуют буквального и стопроцентного внедрения, поскольку речь идет об *идеальной* модели. Поэтому автор, несмотря на заявленную «практическую незаинтересованность», признает, что университет обязан считаться с требованиями государства и общества и приобщать к методу научного исследования не только «жрецов» научной истины, но и будущих практических деятелей.

И совсем уж утопичными могут показаться идеи о перенесении центра тяжести на самостоятельную работу студентов и низведении до минимума экзаменационного бремени, поскольку ясно, что даже не все аспиранты готовы к такому режиму обучения. Однако автор предполагает, что всякий современный университет организует чтение вспомогательных систематических курсов по целому ряду базовых предметов наряду с чисто университетским преподаванием.

Таким образом, внутри университета намечаются три слоя преподавания: подготовительные занятия систематического характера, соединение систематических курсов с научными в целях профессиональной подготовки и чисто научное преподавание [2, с. 319–320]. Последнее, по мысли Гессена, пронизывает собою весь университет в целом, а не является неким придатком, рассчитанным для немногих избранных. Будущих ученых должны интегрировать особые исследовательские институты, органически вырастающие из университета и занимающиеся специальными научными проблемами. Для людей же практических метод отыскания научной истины будет необходимым инструментом построения реалистического образа окружающей действительности.

Принцип *самоуправления*, или автономии, также необходимо вытекает из существа университета как очага научного знания. Допустимы только те ограничения, которые безусловно доказаны в своей необходимости. Следить за тем,

чтобы свобода преподавания и обучения не вырождалась в произвол, – дело самого университета; только в этом случае ограничения свободы вытекают из потребностей самой науки, т.е. являются не столько ограничениями свободы науки, сколько её внутренними определениями.

Гессен отмечает, что сюда входят не только право самоуправления в узком смысле (определение предметов преподавания, учебных планов, основание вспомогательных учреждений, избрание органов управления), но и право самопополнения (избрание профессоров и преподавателей, наделение учёными степенями). «Самоуправление и самопополнение университета имеют цену не сами по себе, а как средства ограждения в нём свободы исследования и преподавания» [2, с. 323].

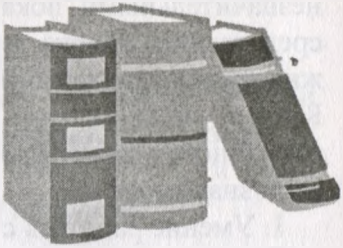
Внутренняя свобода научной корпорации в целом возможна лишь в общении отдельных очагов научного знания. Поэтому единство всех университетов сочетается с их децентрализацией и автономией, что охраняет научную жизнь от подстерегающего её догматизма. Учреждение высшего учебного заведения носит свободный характер и конституируется как автономный союз учёных. Только наука должна определять университет в его внутреннем бытии, а не посторонние для науки интересы государства, вероисповедания, политического режима и т.п.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. М., 1995.
2. Гессен С.И. Основы педагогики. М., 1995.
3. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.
4. Леонтьев А.Н. Личность. Сознание. Деятельность. М., 1975.
5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
6. Хьюсен Г. Идея университета: эволюция, функции, проблемы // Перспективы: Вопросы образования. 1992. № 3.

7. Brubacher J. Rudy W. Higher Education in Transition. A History of American Colleges and Universities, 1636–1968. N.Y., 1968.
8. Jaspers K., Rossmann K. Die Idee der Universitaet. Berlin etc., 1961.
9. Kerr C. The Uses of the University. N.Y., 1963.
10. Spranger E. Types of Men: The Psychology and Ethics of Personality. Halle (Salle), 1928.

КАФЕДРА



Т.А. Мясникова

СПЕЦИАЛИСТ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ЧЕМУ И КАК УЧИТЬ

1990-е гг. внесли коренные изменения в положение местных сообществ. Смена политической ориентации государства, введение рыночных рычагов в экономику, демократизация и децентрализация привели к формированию новой системы местного самоуправления. С изменением статуса местного сообщества у местного правительства (городской, сельской и прочих администраций) появились новые функции, потребовавшие изменений в структуре, методах и формах работы.

Наполнилась новым содержанием и роль муниципального служащего. Из технического исполнителя воли центра он становится творческим работником, которому присущи инициативность и умение решать конкретные проблемы в пределах своих полномочий. Он теперь призван *оказывать управленческие услуги населению*.

От его профессионализма и внутренней готовности отстаивать интересы местного населения зависит, будет ли он своей работой способствовать развитию местного сообщества (а значит, и повышению качества жизни местного населения) или же наоборот – «ставить палки в колесо развития».

Проблемы, которые решает управленец, порой кажутся незначительными, пока человек не столкнется с ними непосредственно: уборка территории, вывоз мусора, бездомные животные, удовлетворение просьб и жалоб граждан и т.д. Какими же качествами должен обладать специалист муниципального управления? (Качества перечислены не по степени значимости.)

1. Умение работать с документами.

Вся наша жизнь так или иначе документируется на бумаге или электронных носителях. Управленцу приходится работать с огромным количеством документов, иногда неграмотно, туманно и непрофессионально составленных (особенно обращения граждан). Для принятия решения управленец нуждается в ясной, достоверной информации, а потому он должен уметь анализировать и систематизировать документы и содержащуюся в них информацию.

2. Обладание интуицией.

Управленец всегда действует в условиях недостатка информации и информационного шума (загрязнение второстепенными данными), а потому должен обладать таким ценным качеством, как интуиция. Интуиция – это не поддающееся формализации явление, результат работы нашего подсознания, которое оперирует данными, не проявленными в сознании. Правильность интуитивного решения зависит не столько от непостижимого таланта, сколько от опыта и профессионализма человека, принимающего решение.

3. Умение быстро принять решение.

В критические моменты, когда необходимо не столько правильное решение, сколько наличие хоть какого-нибудь решения, интуиция является незаменимой. Приведем пример. Два человека, переплывая реку, почувствовали, что устали и могут утонуть. Необходимо срочно принять решение: плыть вперед или повернуть назад. Один из пловцов поплыл вперед. Это было «неправильное» решение – проти-

воположный берег был дальше. С трудом, но он все-таки доплыл. Другой в поисках правильного решения замешкался и утонул.

4. Умение брать ответственность на себя.

Кроме высокого профессионализма, управленец должен обладать развитым чувством ответственности: осознавать, как много от него зависит, понимать, что именно он и никто другой должен взять на себя решение проблемы.

5. Умение работать в команде.

Один управленец в поле не воин (и не управленец), так как многие проблемы можно решить, только используя все ресурсы команды. Существует тип руководителей трудоголиков, которые всю работу берут на себя, не позволяя своей команде (сослуживцам, подчиненным) проявить свои профессиональные качества. Результатом этого является безынициативность сотрудников и чрезмерная загруженность руководителя, мешающая ему выполнять собственную работу в полном объеме.

6. Умение ладить с людьми.

В административно-командной системе управленец был «начальником» для местного населения. Сейчас он работает с людьми и для людей. Недаром один из важнейших пунктов городского проекта* – связь с общественностью. Функционирование муниципалитета, муниципальных предприятий, реализация проектов экономического и социального развития во многом зависят от доброй воли и поддержки местного населения. Управленец должен уметь заинтересо-

---

* Городской проект – это программа развития местного сообщества, инициатором которой является местная администрация; программа включает в себя развитие городской среды, совершенствование муниципальных служб, экономическое развитие местного сообщества и т.д. Городской проект применяется в основном во Франции в малых, средних городах и населенных пунктах сельского типа.

вывать, вникать в проблемы отдельного человека, выказывать истинное уважение и собственную заинтересованность в общем благе. Одно угрюмое лицо, грубое слово могут на корню уничтожить все начинания муниципалитета.

7. Ориентированность на общественные интересы.

В отличие от бизнес-менеджера, работающего в коммерческих структурах, управленец должен быть ориентирован не на достижение максимальной прибыли, а на интересы и потребности местного сообщества (местного населения). Обычно вознаграждение управленца (заработная плата, премии и т.п.) не зависит напрямую от эффективности его деятельности. Часто результаты проявляются только через какое-то время, т.е. имеют временной лаг. Например, «экономия» на уходе за общественными парками может сказаться только через 5–6 лет, когда территория придет в запустение и начнут гибнуть деревья.

8. Инициативность, открытость всему новому и перспективному.

Именно управленец отвечает за процветание своего местного сообщества, а значит, и за его развитие. В современных условиях, когда страна находится в глубоком экономическом и политическом кризисе, местные (особенно провинциальные!) сообщества оказались предоставленными самим себе. Необходимо изыскивать внутренние ресурсы для обеспечения жизнеспособности местного сообщества и использовать малейшую возможность для его развития.

9. Умение обращаться с оргтехникой.

Управленец должен уметь обращаться с компьютером, ксероксом и т. п., иначе он будет тормозить работу.

Итак, специалист муниципального управления – это вежливый, приятный в общении, ответственный профессионал, умеющий принимать решения и творчески работать как в команде, так и самостоятельно, не гнушающийся кропотли-

вой повседневной работы и ориентированный на интересы местного населения.

Административно-командная система оставила нам определенный тип «начальников», использующих жесткий авторитарный стиль управления, часто не являющихся специалистами в той области, в которой они работают, игнорирующих интересы населения, а самое главное, привыкших спускать готовые решения сверху вниз. Администрациям всех уровней хронически не хватает квалифицированных специалистов.

В 1998 г. факультет управления КубГУ выпустил первых профессиональных управленцев, и некоторые из них сразу нашли себе место в администрации Краснодарского края и мэрии города Краснодара. Профессиональная подготовка управленцев имеет свои особенности, отличающие ее от подготовки специалистов других областей.

Во-первых, муниципальное управление – это прикладная наука, непосредственно связанная с практикой. Управленец не может себе позволить излишнее абстрагирование, поскольку он – практик и принимает решение в конкретном месте и в конкретное время.

Во-вторых, управленец должен быть хорошо подготовлен теоретически, но ориентироваться не на прошлое, а на будущее, иначе рано или поздно он станет рабом одной из «традиционных» теорий и не сможет работать творчески, находить новые решения. Необходимо разумное сочетание теории и практики.

В-третьих, управленец должен хорошо знать и уметь ориентироваться не в местном сообществе вообще, а в том городе, селе и т.д., где он непосредственно работает.

В-четвертых, государственное и муниципальное управление – синтетическая, комплексная специальность. Краеугольным камнем подготовки специалистов муниципального управления является дисциплина «Основы развития ме-

стного хозяйства» (ОРМХ), дающая представление о местном сообществе как единой экономической, социальной, культурной, психологической общности. Включая в себя экономический, социальный, правовой и управленческий блоки дисциплин, ОРМХ рассматривает функционирование местного хозяйства/сообщества в его развитии и содержит установку на созидание.

До последнего времени специфика и индивидуальность местного сообщества, интересы местного населения выводились за рамки изучения местного хозяйства, которое часто рассматривалось как синоним коммунального хозяйства. Современная концепция трактует местное хозяйство как взаимодействие предприятий различных форм собственности, домохозяйств, местного правительства, объединенных общими социальными и экономическими интересами. Эти интересы обусловлены совместным проживанием на определенной территории, образующей исторически сложившееся единое экономическое, культурное и информационное пространство, которое характеризуется сочетанием факторов производства, достаточных для осуществления хозяйственной деятельности, обеспечивающей нормальные для данной общности доходы и соответствующий им уровень удовлетворения потребностей населения в индивидуальных и общественных жизненных благах [2, с. 14]. От состояния местного хозяйства зависит благополучие местного сообщества, а значит, и качество жизни местного населения, что и является целью работы управленца.

Традиционные методы обучения не могут передать студентам полный объем знаний, выработать необходимые навыки поведения: умение работать в команде, быстро принимать решения, не только анализировать прошлый опыт, но и находить новые решения. Поэтому для освоения предмета ОРМХ в полном объеме требуются специфические ме-

тоды обучения и особые, по содержанию и форме, подходы к построению учебного процесса (табл. 1).

Как видно из сопоставления, роли преподавателя и студента в бизнес-образовании меняются: главную роль творца знаний играет студент, а преподаватель является помощником, советником, организатором. Очень важно разрушить жесткую связку «начальник (преподаватель) – подчиненный (студент)»: студент учится работать самостоятельно, творчески (что очень важно, особенно для менеджера).

Таблица 1

Построение учебного процесса

ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД	БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ
Общая направленность учебного процесса	
На то, что преподается, т.е. на «вход»	На то, что получает студент, т.е. на «выход»
Монодисциплинарная	Проблемная, междисциплинарная
На прошлое	На будущее
На школярское научение предметам	На умение обучаться самостоятельно
На теоретическую подготовку	На практические умения
На поиск единственно правильного решения	На умение формулировать проблему
Основной критерий оценки информации	
Научная значимость	Практическая применимость
Роль преподавателя	
Начальник	Помощник и организатор
Режим передачи знаний	
Монологовый	Диалоговый
Роль студента	
Пассивный слушатель	Равноправный участник

Контроль за учебным процессом осуществляется	
Преподавателем	Студентами
Принцип контроля	
Задания на воспроизведение материала	Задания на умение решать проблемы

Поскольку семинарские занятия являются упрощенной моделью будущей практической деятельности студента, они должны содержать следующие элементы:

– работу в группе;

– распределение ролей;

– анализ и поиск решения реальных проблем;

– осознание приоритетных целей;

– ответственность;

– применение теоретических знаний на практике и др.

Студент как бы выбирает и проигрывает свою будущую профессиональную «роль». Придя на рабочее место, он первое время будет неосознанно придерживаться этого «сценария» поведения, чему будут способствовать неуверенность и ажитация молодого специалиста, вызванные резким изменением его статуса. Поэтому бизнес-образование предполагает активное участие студента в процессе обучения: преподаватель не должен навязывать знания и умения – студенты обязаны сами осознавать их важность и необходимость. Это достигается во многом благодаря применению на семинарских занятиях по «Основам развития местного хозяйства» *кейс-метода* (или метода рассмотрения случая), *графического метода* и *метода деловых (ролевых) игр*.

Сущность *кейс-метода*[*] состоит в обучении на примере конкретной жизненной ситуации. Учебное задание по изучению случая (case-study) включает три этапа:

1) описание конкретной реальной ситуации, сложившейся на настоящий момент или имевшей место в прошлом;

[*] Кейс (от англ. case) – случай.

2) методические указания по формулировке проблемы и ее решению;

3) анализ взятого из практики управленческого решения (выявление его достоинств и недостатков) и/или выбор одного из нескольких вариантов, предложенных экспертами.

Таблица 2

Особенности современных методов обучения

Метод	Суть метода	Этапы проведения	Результат
Кейс-метод	Обучение на конкретной ситуации	1. Индивидуальный анализ кейса обучающимся 2. Работа в малой группе 3.Обсуждение кейса в группе обучения; оценка преподавателем ее работы	Письменный отчет
Метод деловых игр	Имитация профессиональной деятельности	0.Объяснение материала, положенного в основу игры 1. Объяснение преподавателем общего хода игры, ролей каждого участника 2.Разбивка на подгруппы, распределение ролей, работа по подгруппам 3. Сопоставление промежуточных результатов 4. Проигрывание описываемой ситуации; оценка преподавателем работы подгрупп	Письменный отчет и разыгрывание действий по сценарию
Графический метод	Графическое отображение объекта	1.Представление информации обучающимся 2. Отображение информации в графической форме 3. Обсуждение рисунка или схемы в группе	Рисунок, схема, диаграмма

Выделяют четыре типа кейсов [1, с. 48].

1. Кейсы для обучения анализу и оценке ситуаций могут описывать обстановку внутри организации (в данном случае под «организацией» понимаются органы местного самоуправления) и вне ее (т. е. в местном сообществе).

Рассмотрение кейсов с описанием структуры и стратегии организации, ее кадровой, финансовой политики и т. п. позволяет лучше понять тип организации, общие закономерности и внутренние проблемы ее функционирования, прививает навыки анализа и прогнозирования внутриорганизационных изменений. Для анализа среды специально подбираются кейсы с подробным описанием федерального и краевого законодательства, регулирующего деятельность «организации», настроения местного населения, состояния местного делового сектора, культурной и социальной сферы, экологии и т.д.; в таких кейсах данные о самой «организации», как правило, отсутствуют. В ходе выполнения заданий учащиеся приобретают навыки анализа внешних факторов, выявления их значимости, изменчивости и т. п.

2. Кейсы проблемных ситуаций предлагают сделать выбор одного из нескольких вариантов решения. Как и в реальной жизни, обсуждение обнаруживает неполноту данных, необходимых для принятия обоснованных решений. Этот тип заданий вырабатывает у обучающегося интуитивное мышление, ответственность, приучает делать «информационный запрос» на недостающие данные.

3. Исторические кейсы описывают функционирование организации за определенный отрезок времени (в нашем случае деятельность органов местного самоуправления на различной территории и в разное время). Для этого типа за-

даний особенно важна достоверность изложения фактов; цель – найти «ключ к успеху».

4. Иллюстративные кейсы содержат показательное описание принятия решения в конкретной ситуации и его последствий. Этот наиболее простой тип целесообразно применять в начале обучения.

В работе с кейсами выделяют три этапа (второй этап реализуется не всегда):

1) индивидуальный анализ кейса, по результатам которого каждый студент составляет письменный отчет;

2) разбор кейса в малой группе (до 5 человек):

а) представление индивидуальных отчетов;

б) обсуждение в малой группе;

в) написание группового отчета.;

3) обсуждение кейса со всей группой обучения:

а) представление отчетов малых групп;

б) обсуждение в группе обучения;

в) оценка преподавателем работы студентов.

В числе прочего кейс-метод позволяет развивать навыки:

– анализа решений реальных управленческих проблем;

– выработки новых решений на основе прошлого опыта;

– работы в команде;

– терпимого отношения к мнению других;

– творческого и ответственного отношения к делу.

Кейс-метод существенно отличается от традиционных методов обучения, и его применение, несмотря на кажущуюся простоту, таит ряд специфических трудностей.

1. *Склонность к конформизму.* Студенты стесняются высказывать свое мнение, боятся показаться некомпетентными и непонятыми другими, стремятся следовать общепринятым стандартам. Поскольку это свойственно любому несложившемуся коллективу, преподаватель должен стимулировать инициативу студентов и создать атмосферу открытости и доверия.

2. *Субъективность (оценочность) суждений.* Так как результаты работы заранее не определены, многое зависит от компетентности преподавателя, настроений в группе и т.п. Одним из путей решения этой проблемы является «заготовка» ответов, составленных экспертами.

3. *Уход от целей работы.* Обучающиеся сосредоточиваются на цифровой стороне кейса, теряя управленческий и экономический смысл. Преподаватель должен следить за ходом обсуждения и по необходимости корректировать его содержание.

4. Качество кейса. Для составления кейсов необходим, во-первых, доступ к данным о внутренних процессах различных организаций и, во-вторых, весьма тщательный отбор информации.

5. Проблема взаимоотношений между преподавателем и студентами. При сохранении вертикали «начальник – подчиненный» обучающиеся утрачивают инициативу и доверие к преподавателю; последний начинает диктовать группе свое мнение. От преподавателя требуется тактичное и терпимое отношение к мнению студентов для поддержания диалогового режима работы.

Метод деловых (ролевых) игр во многом схож с кейс-методом (см. табл.2). Материалом для проведения деловой игры («условиями»), как правило, служат кейсы; для анализа случая обучаемая группа разбивается на подгруппы, каждой из которых отводится специфическая функция (роль) по решению только своей части проблемы. Игра позволяет имитировать реальные ситуации столкновения разных точек зрения и интересов, обыгрывать на конкретных примерах действие важнейших факторов социальной и экономической среды, способствует сознательному выбору обучающимися «своих ролей». Играющие сталкиваются с необходимостью рисковать, учитывать практически неуловимые факторы. Игровая обстановка способствует возникновению

интереса, духа соперничества, одновременному вовлечению в активный учебный процесс практически каждого обучающегося. Теоретический материал обогащается конкретными примерами, закрепляется практическими действиями и надолго запоминается.

Выделяют следующие типы деловых игр:

– игры на отработку конкретных понятий и алгоритмов действия;

– поведенческие игры, обучающие общению и взаимодействию в группе;

– игры, помогающие заранее адаптироваться к сложившейся реальной ситуации;

– игры по выработке решения конкретных проблем.

Деловые игры включают следующие этапы.

0. Игру предваряет вводная лекция, дающая общую проблематику и максимально полную и разнообразную информацию об обыгрываемой ситуации, включая сведения, которые на первый взгляд к проблеме игры не имеют прямого отношения.

1. Непосредственно перед началом игры преподаватель обрисовывает ее общий план, объясняет роль каждого участника в имитируемой ситуации, излагает последовательность действий.

2. Группа разбивается для работы в подгруппах (2–5 человек) в соответствии с ролевым набором.

3. Сопоставляются промежуточные результаты, полученные разными подгруппами.

4. В соответствии со сценарием и результатами работы подгрупп разыгрывается описываемая ситуация, после чего преподаватель оценивает работу подгрупп.

В силу некоторого сходства игрового метода с кейс-методом при проведении игры преподавателю приходится преодолевать все трудности, свойственные изучению случая. Однако метод деловых игр, являясь, пожалуй, наиболее

сложным из перечисленных, имеет и свои специфические проблемы.

Задержка или неправильное выполнение задания одной из подгрупп влечет за собой остановку всей работы, поэтому преподаватель должен контролировать ход работы в подгруппах и фиксировать промежуточные результаты.

Команды должны быть примерно одинаковы по силам и формироваться с учетом личных симпатий; в каждой целе-

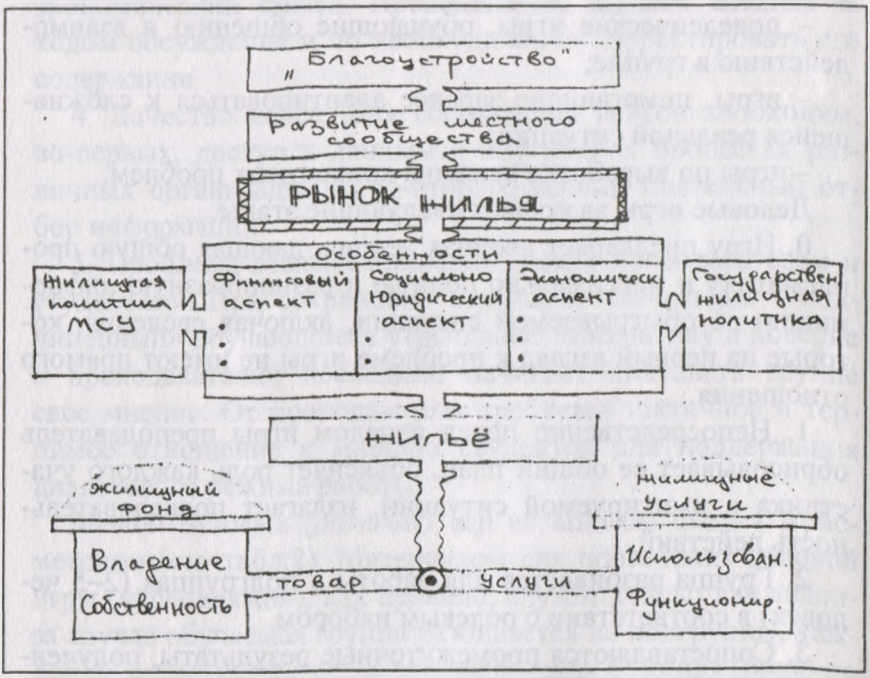


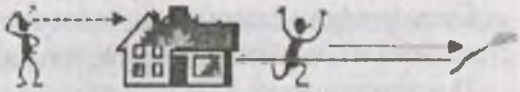
Рис. 1. Местный рынок жилья*

---

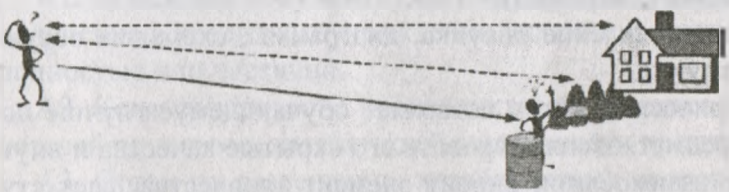
* Выполнил студент 3-го курса отделения государственного и муниципального управления Д. Чуйков.

1. Проактивный

2. Реактивный



3. Проактивный



4. Интерактивный

Рис. 2. Типы реакции местного сообщества на изменения*.

---

* Выполнил студент 3-го курса отделения государственного и муниципального управления П. Муравей.

сообразно наличие одного-двух лидеров, которые могли бы «вести» подгруппу.

На начальных этапах обучения команды, увлекаясь, могут вести себя достаточно агрессивно и утрачивать объективность; в таких случаях необходимо апеллировать к профессиональной этике и разъяснять участникам, что все они делают одно общее дело.

Суть *графического метода* состоит в графическом представлении изучаемого объекта, которое проходит в три этапа:

1) представление информации обучающемуся;

2) отображение информации в графической форме (рисунок, схема, диаграмма);

3) представление рисунка, диаграммы, схемы на обсуждение группе.

Графический метод позволяет обучающемуся лучше понять предмет, эксплицировать его скрытые качества и внутренние взаимосвязи; вносит элемент творчества, дает студенту возможность выразить себя (см. рис 1 и 2).

Три рассмотренных метода целесообразно комбинировать: представлять информацию в виде кейса, вырабатывать решение проблем в форме деловой игры, а результаты оформлять в виде рисунка или схемы.

Библиографический список

1. Виханский О.С., Наумов А.И. Практикум по курсу «Менеджмент». М., 1998.
2. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т., Пенюгалова А.В. Основы развития местного хозяйства: Препринт курса лекций. Краснодар, 1998.

С.Н. Бунчук

КРОССВОРДЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «Мировая экономика и международные отношения»

Терминологические кроссворды по дисциплине «Мировая экономика и международные отношения» предназначены для проверки знаний. При правильном заполнении в выделенных столбцах можно будет прочитать термины, широко используемые в мировой экономике.

Задание к кроссворду №1

А1. Денежный документ, удостоверяющий право лица на получение в кредитном учреждении указанной в нем суммы полностью или частично.

А2. Консультирование производителей, продавцов и покупателей по вопросам экономической деятельности предприятий.

А3. Орган по разрешению хозяйственных споров между государственным предприятием, фирмами и организациями.

А4. Organization of Petroleum Exporting Countries.

А5. Процесс погашения стоимости основных фондов путем постепенного по мере их износа перенесения ее на производимую продукцию.

А6. Исключительное право производства, торговли, промысла и т.д.

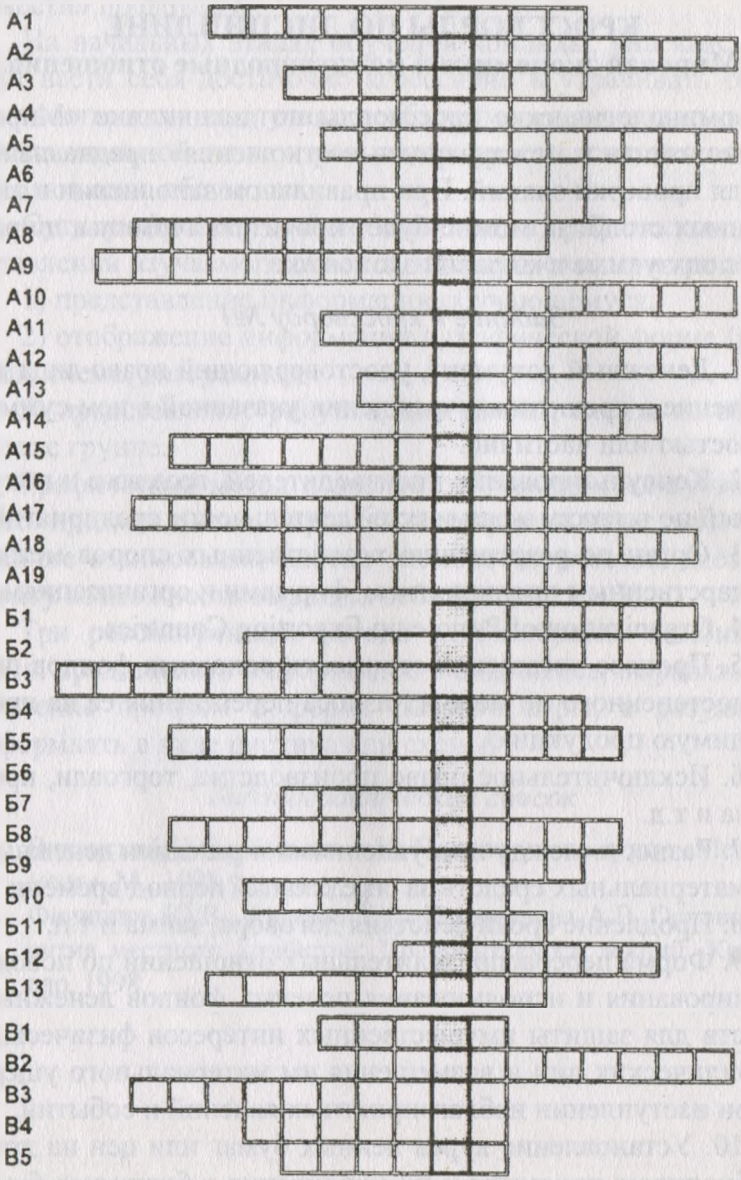
А7. Разность между поступлениями и расходами денежных или материальных средств за определенный период времени.

А8. Продление срока действия договора, займа и т.п.

А9. Форма перераспределительных отношений по поводу формирования и использования целевых фондов денежных средств для защиты имущественных интересов физических и юридических лиц и возмещения им материального ущерба при наступлении неблагоприятных явлений и событий.

А10. Установление курса ценных бумаг или цен на другие биржевые продукты и их публикация в биржевых бюллетенях и других информационных изданиях.

КРОССВОРД № 1


А1
А2
А3
А4
А5
А6
А7
А8
А9
А10
А11
А12
А13
А14
А15
А16
А17
А18
А19
Б1
Б2
Б3
Б4
Б5
Б6
Б7
Б8
Б9
Б10
Б11
Б12
Б13
В1
В2
В3
В4
В5

А11. Основанное на договоре срочное возмездное владение и пользование имуществом.

А12. Комплексная система организаций и управления хозяйственной деятельностью предприятия, основанная на изучении состояния рынка и обеспечивающая целенаправленное формирование спроса на продукцию потребительского и производственного назначения.

А13. Система обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды, взимаемых с юридических и физических лиц.

А14. Разница между суммой, обозначенной на векселе и выплачиваемой векселедержателю.

А15. Предоставление крупной компанией лицензии на производство товаров или услуг под своей фирменной маркой, обычно на определенный период и на ограниченной территории.

А16. Установленная законом денежная единица страны.

А17. Льготная таможенная пошлина, установленная государством на товары некоторых стран и не распространяемая на товары других стран.

А18. Возможность превращения статей актива в деньги для оплаты обязательств по пассиву.

А19. Обесценение бумажных денег, находящихся в обращении, т.е. падение их покупательской способности.

Б1. Вид предпринимательской деятельности по приобретению контрольных пакетов акций различных компаний.

Б2. Долговая несостоятельность, отказ юридического или физического лица платить по своим долговым обязательствам из-за отсутствия средств.

Б3. Экономическое учение (и политика ряда европейских государств в XV–XVIII вв.), согласно которому благосостояние общества достигается преобладанием вывоза товара над ввозом.

Б4. Регулярные платежи по лицензионному соглашению, установленные в процентном отношении от объема добычи ми-

нерального сырья или стоимости произведенной продукции.

Б5. Государственный финансовый орган, ведающий кассовым исполнением бюджета.

Б6. European Free Trade Association.

Б7. Масса товара с упаковкой.

Б8. Форма страхования, сведение до минимума потерь от складирования и уменьшения прибыли из-за неблагоприятного изменения цен в будущем.

Б9. European Economic Community.

Б10. Государственное учреждение, осуществляющее учет и контроль при перемещении груза и лиц через границу.

Б11. Форма изъятия в бюджет части прироста стоимости, которая создается на всех стадиях процесса производства товаров, работ и услуг и вносится в бюджет по мере их реализации.

Б12. Соглашение двух или более сторон об установлении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Б13. Сумма, которую должник обязан уплатить кредитору при неисполнении или некачественном исполнении обязательств.

В1. Доход посредника, определяемый разницей между ценой покупки и ценой продажи.

В2. Ситуация, когда на рынке действует небольшое число крупных компаний, контролирующих большую часть рынка.

В3. Влиятельная школа экономической мысли, сторонники которой выступают за свободный рынок, где ведущая роль отводится деньгам.

В4. Денежные сборы, взимаемые государством с граждан, предприятий и организаций за определенные виды услуг.

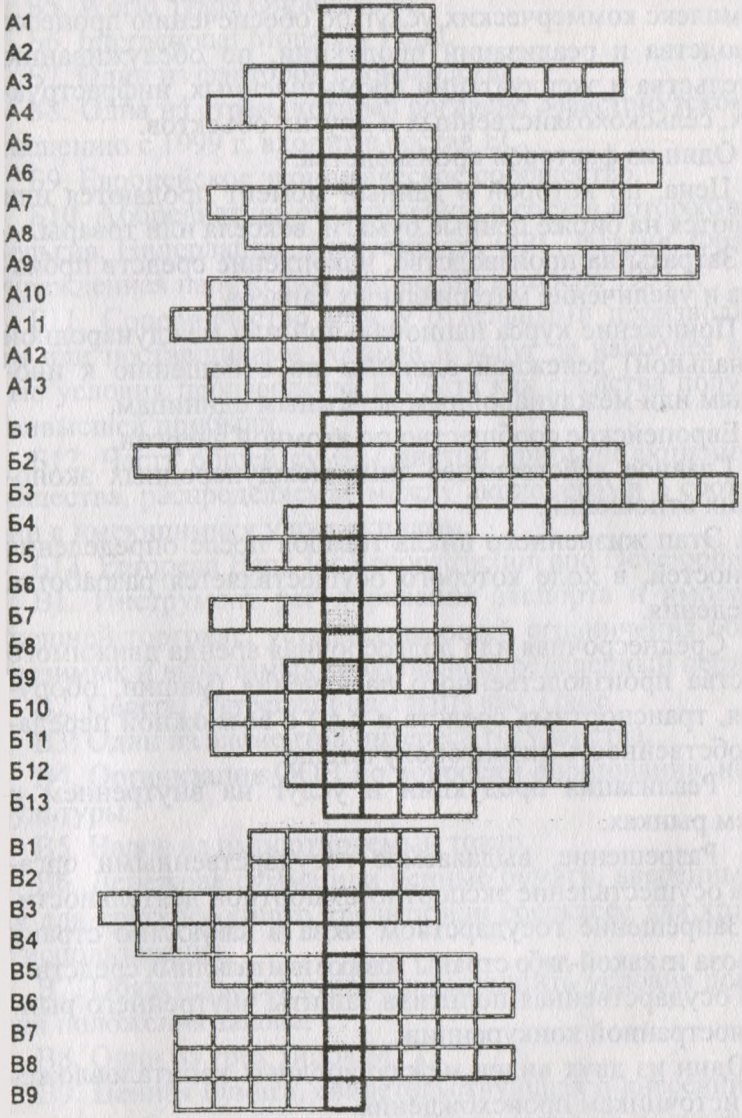
В5. Правая сторона бухгалтерского баланса.

Задание к кроссворду №2

А1 Специализация отдельных стран на производстве отдельных видов продукции для взаимного обмена.

А2 Европейский валютный союз.

КРОССВОРД № 2


А1
А2
А3
А4
А5
А6
А7
А8
А9
А10
А11
А12
А13
Б1
Б2
Б3
Б4
Б5
Б6
Б7
Б8
Б9
Б10
Б11
Б12
Б13
В1
В2
В3
В4
В5
В6
В7
В8
В9

А3. Обособленный в самостоятельную сферу деятельности комплекс коммерческих услуг по обеспечению процесса производства и реализации продукции, по обслуживанию строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и других объектов.

А4. Один из факторов производства.

А5. Цена, по которой в данный момент продаются или покупаются на бирже ценные бумаги, векселя или товары.

А6. Затраты на производство, накопление средств производства и увеличение материальных запасов.

А7. Понижение курса национальной или международной (региональной) денежной единицы по отношению к иностранным или международным денежным единицам.

А8. Европейское сообщество по атомной энергии.

А9. Главное действующее лицо международных экономических отношений.

А10. Этап жизненного цикла товаров после определения потребностей, в ходе которого осуществляется разработка нововведения.

А11. Среднесрочная или долгосрочная аренда движимого имущества производственного назначения (машин, оборудования, транспортных средств и т.д.) с возможной передачей в собственность лизингополучателю.

А12. Реализация продукции и услуг на внутреннем и внешнем рынках.

А13. Разрешение, выдаваемое государственными органами на осуществление экспортно-импортной деятельности.

Б1. Запрещение государством ввоза в какую-либо страну или вывоза из какой-либо страны товаров или валютных средств.

Б2. Государственная политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции.

Б3. Один из двух видов международных капиталовложений по источникам происхождения.

Б4. Юридическое или физическое лицо, осуществляющее капиталовложения.

Б5. World Trade Organization.

Б6. International Monetary Fund.

Б7. Один из факторов производства.

Б8. Одна из стран, которая согласно Маастрихтскому соглашению с 1999 г. входит в состав ЕС.

Б9. Европейское экономическое сообщество.

Б10. Аббревиатура объединения, в состав которого входят Бельгия, Нидерланды, Люксембург, ФРГ, Италия, Франция, учрежденная парижским договором в апреле 1951 г.

Б11. Соперничество между отдельными производителями или поставщиками товаров и услуг за наиболее выгодные условия производства и сбыта как средства получения наивысшей прибыли.

Б12. Часть общей суммы чистой прибыли акционерного общества, распределяемая между акционерами в соответствии с имеющимися у них акциями.

Б13. European Bank for Reconstruction and Development.

В1. Инструмент регулирования экспорта и импорта во внешней торговле, устанавливающий ограничения объемов ввозимых и вывозимых товаров на определенный период.

В2. General Agreement on Tariffs and Trade.

В3. Один из элементов интереса государства.

В4. Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры.

В5. Налог на импортируемый товар.

В6. Денежная сумма или ценные бумаги, вверенные банку для краткосрочного кредита или сберкассе для хранения и использования.

В7. Обязательства субъекта выполнить условия договора или положения закона.

В8. Один из трех типов МРТ.

В9. Ценная бумага, свидетельствующая о внесении пая в капитал АО и дающая ее владельцу право на получение дохода в виде дивиденда.

М.Ю. Горожанина

МАТЕРИАЛЫ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ ПО КУРСУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА»

Тема № 1. Политическая этика как общественная дисциплина

1. Предмет и объект исследований политической этики. Основные категории.

2. Факторы, влияющие на развитие политической этики. Взаимосвязь с другими общественными дисциплинами.

3. Основные сферы деятельности и функции политической этики.

Контрольные вопросы

1. Назовите главное отличие политической этики от других дисциплин.

2. Выделите основные подходы к определению политической этики.

3. Почему в разных странах политическая этика неодинакова? Что оказывает влияние на ее развитие?

4. Какая разница между моралью и нравственностью?

5. Назовите основные сферы в политической этики.

Рекомендуемая литература

Абаньяно Николо. Мудрость жизни. СПб., 1996. С. 3–24.
Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Игра по правилам. М., 1995. С. 3–12.
Гаджиев К.С. Этика и политика // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 3. С. 35–51.
Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Люди и власть: от тоталитаризма к демократии // В человеческом измерении. М., 1989. С. 11–38.
Гусейнов А.А. Этика ненасилия. М., 1991. С. 3–14, 21–40.
Зеленкова И.Л., Беляева Е.В. Этика. Минск, 1997. С. 3–6.
Ильин И.Н. О природе политики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. №2. С. 16–30.

Мигранян А.Н. Демократия и нравственность. М., 1995. С. 3–12, 18–20.
Принципы ненасилия. М., 1991. С. 3–9, 12–25, 31–40.
Шевченко А.М. Культура. История. Личность. Киев, 1991. С. 6–9, 15–21.
Шепель В.М. Управленческая этика. М., 1990. С. 3–7, 12–20, 31–37.
Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990.
Шрейдер Ю.А. Этика. Введение в предмет. М., 1998. С. 6–12, 24–28, 35–40.
Этика: Словарь афоризмов и изречений М.,1995.

Тема № 2. Мораль и политика

Занятие 1

1. Политика и мораль. Основные подходы.
2. Этапы становления и развития общественной морали, общее и особенное.
3. Механизмы взаимодействия политики и морали.

Контрольные вопросы

1. Какого подхода придерживаетесь вы по вопросу соотношения политики и морали и почему?
2. Раскройте основные этапы становления общественной морали.
3. Назовите общие ценности, присутствующие в морали любого народа.
4. Какие факторы влияют на формирование общественной морали?
5. Должен ли политик быть моральным?

Рекомендуемая литература

Азаров Н.И. Взаимоотношение морали и политики // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 20–27.
Гоббс Т. Левиафан. СПб., 1902. С. 3–32.
Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995. С. 49–72.

Дарендорф Р. О морали и политике // Полис. 1997. № 6. С. 5–14.
Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М., 1994. С. 3–44.
Мелихов А.И. Честность против праведности // Звезда. 1997. № 10. С. 226–228.
Поздняков Э.А. Политика и нравственность. М., 1995. С. 3–9, 50–84.
Санистебал Л. Политика и идеология // Диалог. 1993. № 3–4. С. 40–43.
Сенека. Честерфилд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 6–40, 92–110.
Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992. С. 6–12, 21–56.
Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999. С. 8–18, 50–84, 213–222.
Шишкин А.Ф. Человеческая природа и мораль. М., 1979. С. 12–18, 20–34.

Занятие 2

1. Роль политической этики в современном обществе.
2. Политический конфликт и пути его преодоления.
3. Смысл жизни для политика.

Контрольные вопросы

1. Совместима ли мораль с политикой? Обоснуйте свой ответ.
2. Назовите основные условия мирного разрешения политического конфликта.
3. Почему политический конфликт ликвидируемый посредством силы, возрождается вновь? Проанализируйте все способы силового разрешения политического конфликта.
4. Раскройте основные этапы разрешения политического конфликта посредством компромисса.
5. В чем, с вашей точки зрения, заключается смысл жизни политика? Аргументируйте свой ответ.

Рекомендуемая литература

Аврелий Марк Антоний. Размышления. Л., 1985. С. 3–32.
Гурков И.Б. Политические конфликты и кризисы: Консенсус и политические методы его достижения // Государство и право. 1993. № 6.
Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И. Конфликты и технология их предупреждения. Белгород, 1994.
Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.
Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М., 1990. С. 12–31.
Макаренко В.П. Революция и власть. Ростов-на-Дону, 1990. С. 7–18, 25–30, 37–40.
Мур. Д. Принципы этики. М., 1984.
Ницше Ф. Утренняя заря // Соч: В 2 т. М., 1990. Т.2.
Новгородцев П.И. Политические идеалы древнего и нового мира. М., 1919.
Петросян Д.Н. Нравственные основы ненасильственного разрешения социальных конфликтов // Современные социальные технологии: сущность, многообразие форм, технологии и внедрение. Белгород, 1991.
Фрейдс Н., Гринстайн А. Личность и политика // Социально-политические науки. 1991. № 10.
Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1990.

Тема № 3. Генезис политической этики

Занятие 1

1. Своеобразие античного общества. Политическое сознание древнего грека.
2. Основные этические школы классической Греции.
3. Особенности античной демократии. Основные принципы общественной морали.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные отличия античной демократии от современных демократических обществ.

2. Проанализируйте, как изменение политического сознания и культуры отразилось на формировании основных этических школ. Идеи какой школы вам близки и почему?

3. Можно ли утверждать, что в классической Греции существовала политическая этика? Если да, то в чем заключалось ее своеобразие?

4. Выделите главные качества, которыми, по мнению античного общества, должен обладать политический лидер.

5. Проанализируйте основные политические ценности античного общества, а также его отношения к морали.

Рекомендуемая литература

Аристотель. Никомаховая этика. Собр. соч: в 4 т. М., 1984. Т.3.
Аристотель. Политика. Афинская полития. М.,1997.
Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995. С. 9–56.
Гусейнов А.А. Этика Аристотеля. М., 1984. С. 6–70.
Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 9–42.
Иванов В.Г. История этики. Л., 1989. С. 9–31.
Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979. С. 12–38; 56–71.
Нерсесянц В.С. Сократ. М., 1977. С. 3–21; 41–54.
Платон. Государство. Политика. Собр. соч: В 4 т. М., 1984. Т.3–4.
Порфирий. Жизнь Пифагора. М., 1986. С. 3–15; 42–54.
Сенека. Луций. Аней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1979. С. 3–20; 28–41; 52–82.
Смоленцев Ю.М. Мораль и нравы. М., 1989. С. 10–38; 56–72; 81–110.
Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 3–20; 28–52.

Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 3–28.

Занятие 2

1. Общественная и политическая жизнь средневековья. Основные периоды.

2. Роль христианства в формировании нравственности.

3. Этические концепции в эпоху раннего и классического средневековья. Эволюция общественной морали.

4. Особенности западноевропейского общества в эпоху Возрождения.

5. Основные этические идеи Н. Макиавелли. Проблема свободы и индивидуальности у гуманистов.

6. Причины падения нравов в позднее средневековье. Своеобразие политических отношений народа и власти.

Контрольные вопросы

1. Назовите главное отличие средневекового общества от античного.

2. Проанализируйте главные ценности рыцарской, церковной и цеховой морали на каждом этапе средних веков.

3. Как вы думаете, изменялась ли общественная мораль на протяжении средних веков? Какими главными качествами должен обладать правитель?

4. Как соотношение политики и морали отражается на жизни средневекового общества?

5. Каковы основные политические идеи Н. Макиавелли. Кто он для вас: злой гений или великий гражданин Италии?

6. Проанализируйте этическую концепцию гуманистов.

7. В чем заключается своеобразие политической этики в средние века?

Рекомендуемая литература

Библия: Книга Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (любое издание).

Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975. С. 17–42.

Виппер Р.Ю. Рим и раннее христианство. М., 1984. С. 12–32.
Грановский Т.Н. Лекции по истории средних веков. М., 1986. С. 10–12; 52–54; 67–70; 88–102; 253–256; 289–291.
Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1983. С. 20–35.
Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982. С. 9–24.
Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 48–81.
Иванов В.Г. История этики. Л., 1984. С. 3–10.
Исповедь Августина Блаженного. М., 1990.
Майоров Г.Г. Этика в средние века. Л., 1986. С. 3–56; 71–80.
Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1997.
Мор Томас. Утопия. М., 1976.
Смоленцев Ю.М. Мораль и нравы: диалектика взаимодействия. М., 1989. С. 40–76.
Хейзинга И. Осень средневековья. Л., 1988. С. 5–14; 18–61; 118–139; 191–208.
Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С.12–21; 30–54.

Занятие 3

1. Своеобразие политической и общественной жизни в новое время.

2. Истоки становления политической этики и гражданского общества.

3. Буржуазная и пролетарская мораль. Этические концепции нового времени.

4. Марксистская политическая этика.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные политические ценности западноевропейского общества в новое время.

2. Что такое гражданское общество? Каково его происхождение? Плюсы и минусы гражданского общества.

3. Раскройте основные этические концепции нового времени.

4. Проанализируйте своеобразие буржуазной и пролетарской морали. Сравните общественную мораль нового времени со средневековой.

5. Почему политический конфликт внутри французского общества вылился в Великую французскую буржуазную революцию? Можно ли было ее избежать?

6. Какими качествами должен обладать политик в новое время?

7. Как соотносится политика и мораль в марксизме?

Рекомендуемая литература

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Игра по правилам. М., 1991. С. 10–18.

Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательство. М., 1997.

Будь лицом. Ценности гражданского общества. Томск, 1993.

Гегель Г. Политические произведения. М., 1978.

Гоббс Т. Левиафан. СПб., 1902.

Гуссейнов А.А. Мораль и насилие. М., 1991. С. 21–58.

Кант И. Метафизика нравов. СПб., 1995.

Ленин В.И. О коммунистической нравственности. М., 1975.

Локк Дж. Два трактата о правлении. Собр. соч: В 3 т. М., 1985.

Манифест коммунистической партии. М., 1985.

Мигранян А.М. Демократия и нравственность. М., 1989. С. 15–24.

Монтень М. Опыты. М., 1985.

Мораль, личность, общество. М., 1981. С. 3–20.

Нравственный идеал коммуниста. М., 1987. С. 3–41.

Оссовская М. Рыцари и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987. С. 3–12; 20–32; 48–71.

Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1998.

Фаркаш Э. Мораль и революционность. М., 1979. С. 3–71.

Фритуханд М. Марксизм, гуманизм, мораль. М., 1976. С. 3–64.
Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. М., 1994. С. 18–63.
Хеффе Отфрид. Политика. Право. Справедливость. М., 1994. С. 23–25; 61–71; 106–114; 195–211; 240–242; 269–289.

Тема № 4. Роль морали в политической истории дореволюционной России

1. Особенности российского государства и русского народа.
2. Своеобразие взаимоотношений народа и власти на основных этапах российской истории. Православная церковь и власть.
3. Эволюция общественной морали в условиях становления коммунистического режима.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные отличия российского государства от стран Западной Европы и США.
2. В чем заключается своеобразие взаимоотношения политики и морали в российской истории? Ответ аргументируйте примерами из жизни российского общества.
3. Сравните отношения к государству, закону и свободе в российском обществе с западноевропейским. При ответе используйте политические работы российских авторов и западноевропейских мыслителей, а также основные законы России и стран Европы.
4. В чем причина социально-политических конфликтов внутри российского общества в начале XX в.?
5. Можно ли было избежать национальной катастрофы 1917 г. посредством усиления общественной морали, гражданских прав и российского законодательства?
6. Что оказало влияние на выбор российского общества не демократического пути развития, а тоталитарного?
7. Становление однопартийной системы, политические репрессии и диктатура коммунистической партии – ошибка правящего режима или неизбежность российской истории?

8. Какими главными качествами должен обладать политический деятель России с позиции общественной морали?

Рекомендуемая литература

Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск,1997. С. 3–56.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1989. С. 3–25; 41–74.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 1–29; 74–89; 213–235.

Бирюков Н.И. Соборность как парадигма политического сознания // Полис. 1997. № 3. С. 65–73.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 54–91; 220–301.

Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986.

Исаев И.А. История российского государства и права. М., 1996.

История России. Народ и власть. СПб., 1997.

Катасонов В.Н. Великодержавность: геополитика и психология // Москва. 1998. №4. С. 82–96.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1987.

Опыт русского либерализма: Антология. М., 1997.

Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986.

Практикум по истории СССР XIX в. М., 1989.

Русакова А. Загадка русской идеи // Молодая гвардия. 1998. № 1. С. 39–40.

Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1989.

Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С. 5–9; 16–89; 207–230.

Шамшурин В.М. Политические традиции в исторической ретроспективе // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 1. С. 79–92.

Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: Имперский идеал и научный интерес // Полис. 1994. № 4. С. 88–96.

Тема № 5. Политическая этика и современное российское общество

1. Особенности политической этики в современной России.
2. Демократия, гражданское общество – миф или реальность?
3. Основные трудности на пути демократического развития и механизм их преодоления.

Контрольные вопросы

1. Возможна ли демократия в современной России?
2. В чем причина основных политических проблем российского общества и усиления аморальности в политике?
3. Необходимо ли сегодня возрождение политической идеологии и какой она должна быть?
4. Назовите основные противоречия, связанные со становлением политической этики в современной России.
5. Как вы думаете, реставрация коммунистического режима – это панацея или прыжок в пропасть?
6. Определите основные политические ценности современного российского общества. Нужны ли сегодня россиянам гражданские политические свободы и плюрализм?

Рекомендуемая литература

Архипов И.Н. Карнавал Свободной России // Звезда. 1996. № 1. С. 182–191.

Ворожейкина Т.Е. Гражданское общество и религия // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8. С. 113–121.

Гаджиев К.С. Этика и политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 3. С. 35–51.

Грачев А. Коммунизм: хоронить или выкапывать? // Новое время. 1997. № 45. С. 31–40.

Ильин М.В. Умножение идеологий, или Проблемы переводимости политического сознания // Полис. 1997. № 4. С. 78–87.

Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг, или Как предать вождя // Полис. 1997. № 5. С. 12–21.
Кротов А.И. Русская смута // Молодая гвардия. 1996. № 8. 1997. № 9. С. 3–10.
Львов Д.Ф. Образование новой России: истоки формирования // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 3–18.
Мелихов А.Н. Честность против праведности // Звезда. 1997. № 10. С. 226–230.
Национально-государственная идея России: верность историческому признанию // Москва. 1997. № 5. С. 3–13.
Осипов В.Г. Российская национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 3–12.

Тема № 6. Основные проблемы политической этики

1. Экстремизм в политике и его последствия (политический терроризм, национал-социализм, расизм).

2. Свобода и необходимость, индивидуальность и всеобщее благо, патриотизм и космополитизм.

3. Политико-психологический анализ современного политика.

Контрольные вопросы

1. Необходим ли экстремизм в политике? Что такое политический терроризм?

2. В чем опасность популяризации национал-социализма в современной России?

3. Каким должен быть политический лидер в современной России?

4. Что же все-таки главнее в государстве: соблюдение всеобщего блага или защита индивидуальности, гражданских прав и свобод, или это все понятия одного порядка?

5. Должен ли гражданин России быть патриотом?

6. Космополит – враг государства или гражданин мира?

Аксенов Г.А. Личность есть драгоценнейшая и величайшая ценность. М., 1990. С. 3–18; 28–31; 72–81.

Белов В.А. В защиту индивидуальности. М., 1997. С. 3–12; 41–62; 68–71.

Бурдерон Р. Фашизм. Идеология и практика. М., 1983. С. 3–20; 29–38; 56–72.

Венедиктов А.Д. Деловая репутация. М., 1996. С. 9–15; 24–36; 51–80.

Кантор В. Личность и власть // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 14–22.

Мораль. Этические нормы. Война. Окружающая среда. М., 1989. С. 3–24; 37–41.

Морозов Г.И. Международный терроризм // США. Экономика. Политика. Идеология. 1997. № 11–12. С. 61–73.

Нестерова С.В. Воспитание политических лидеров: Особенности сознания россиян // Полис. 1996. № 6. С. 73–79.

Одесский М. Террор как идеология // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 155–166.

Пригожин А. Патология российского лидерства // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 23–29.

Психология национальной нетерпимости. М., 1998. С. 114–174; 267–295; 306–338; 380–457.

Рыскова Г.М. Политический портрет лидера // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 3. С.12–28.

Халипов В. Приглашение на власть // Деловая жизнь. 1994. № 3–4. С. 73–75.

Человек. Этика. Природа. М., 1992. С. 12–24; 30–48.

Темы контрольных работ для студентов заочной формы обучения*

1. Политическая этика как общественная дисциплина. (категории, функции, истоки).

---

* Объем контрольной работы – не меньше 15 страниц.

2. Политика и мораль. Противоречия и взаимодействие.

3. Политический конфликт и пути его преодоления.

4. Этическая мысль античности: соотношение политики и морали у Платона, Аристотеля, софистов и др.

5. Особенности общественно-политической жизни античности (своеобразие античной демократии, политического сознания и культуры; основные политические ценности).

6. Своеобразие политической жизни средневекового общества (раннее средневековье IV–IX вв., классическое средневековье IX–XIII вв.; генезис общественной морали).

7. Главные политические ценности в эпоху Возрождения.

8. Макиавелли и его учение о политике и морали.

9. Проблемы свободы и необходимости в трудах западноевропейских гуманистов.

10. Становление гражданского общества в новое время. Мораль буржуа и пролетариата.

11. Этические концепции нового времени (Гоббс, Кант, Гегель, Гольбах, Монтень; анализ всех или одной из них).

12. Марксизм в политике и морали: (Маркс, Энгельс, Ленин).

13. Роль морали в политической истории России (анализ всей истории или одного периода).

14. Политический терроризм и его последствия.

15. Своеобразие политической жизни в современной России. Основные задачи политической этики.

16. Особенности политического сознания россиян и роль морали в его дальнейшем развитии.

17. Церковь и политика: вчера, сегодня, завтра (механизм взаимодействия).

18. Политик и мораль (на примере анализа деятельности любого известного исторического или современного политического деятеля России, США или Западной Европы).

19. Общественная мораль и политическая карьера.

А.Н. Кимберг

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ

> В основе проблем современного мира лежит тот факт, что … туннели реальности более не изолированы друг от друга. Еще каких-нибудь сто (а в некоторых регионах мира вообще двадцать) лет назад человек мог спокойно прожить жизнь в уютном коконе местного туннеля реальности. Сегодня мы постоянно сталкиваемся с людьми, живущими в совершенно разных туннелях реальности. Это создает огромную враждебность в самых невежественных умах, метафизический и этический беспорядок в умах более сложных и растущую дезориентацию у всех без исключения…
>
> *Р.А. Уилсон*

Существенной проблемой для исследователя, пытающегося сегодня изучить и понять социальные процессы, является идея множественности реальностей. Она пришла на смену естественнонаучной парадигме единства мира, которая с начала века обеспечивала психолога и социолога надежными принципами познания. Мир материален и един, поскольку подчиняется единым законам. Психика есть отражение, которое может быть более или менее точным и адекватным миру. Индивидуальные отражения суть варианты одного и того же, различающиеся по степени полноты, детальности проработки. Единое идеальное отражение реальности может быть концептуально проработано, и тогда оно становится научным мировоззрением. Единство мира при правильном методе отражения закономерно приводит к единственно возможному отражению. Люди понимают друг

друга, поскольку обладают пусть неполной, но основанной на едином содержании моделью мира. Иные модели, кроме правильной, суть результаты заблуждения, т. е. ошибочного отражения, и не заслуживают (как тупиковые или ошибочные варианты) особого внимания. Инакоотражение мира является патологией средств восприятия или результатом злонамеренного заблуждения. Поэтому неправильности (отклонения) отражения, такие как религия, маоизм или генетика, следует изучать только для того, чтобы лучше понять механизмы адекватного психического отражения.

Единство понимания мира обеспечивало и единство понимания проблем человека в мире, постановки задачи и нахождения правильных решений. Эта парадигма обосновывала и единый проект переустройства мира, хорошо известный нам как социалистический путь развития. Неудачи в реализации глобальных социальных проектов и наступившее разочарование бросило нас в объятия постмодерна: отсутствует единый проект, все индивидуальные пути развития равнозначны, но главное, индивидуальные модели мира равноправны. Коммунисты не более правы, чем консерваторы, буддисты не менее точны в описании мира, чем иудеи, а психиатр не имеет преимуществ в понимании перед своим пациентом. Г. Гурджиев рассказывает притчу о купце, которого ангел предупредил о том, что через день все источники в городе будут отравлены и люди, испившие из них, сойдут с ума. Они будут называть белое черным, бегать по городу нагишом, почитать животных. Купец поблагодарил ангела и запасся чистой водой. Наутро все жители города, кроме купца, сошли с ума и стали называть белое черным. А через неделю купца из-за странного поведения посадили в сумасшедший дом [2].

Для успешной коммуникации субъекту (мне) нужно попасть в «туннель реальности» (это точное название, схватывающее как семантику узости и ограниченности, так и

функцию направления движения, предложил в 1980-е гг. Роберт Уилсон [3]) своего (моего) партнера. Различаются ли эти тоннели между собой в достоверности или близости к истинному миру? Сам вопрос в новой парадигме становится неприличным, а задача исследователя социальности формулируется Зигмунтом Бауманом как организация коммуникации между носителями разных картин мира, перевод текстов с одного «языка» на другой [4].

Между тем новая парадигма не лучше старой, она закрывает глаза на «проклятые» вопросы, будучи не в силах совладать с ними. В попытке оценить возможности обеих парадигм обратимся к представлениям о том, как возникает сама индивидуальная картина мира. Здесь мы периодически будем обращаться к понятиям, предложенным Альфредом Шюцем [5].

***

Наше сознание не только отражает, но и конституирует мир. Собственно говоря, психическое отражение и есть конституирование, т. е. придание определенной структуры неисчерпаемому многообразию свойств мира. Опыт встречи с миром требует его обработки и изложения в модели путем некоторой интерпретации. Каждый акт интерпретации основывается на двух источниках: моем индивидуальном опыте и знании (социальном знании), большей частью полученном мной от других людей. Весь этот полученный и непосредственно приобретенный опыт создает, как его называет Шюц, индивидуальный запас знания. Его можно определить как схему связей и отношений, установленных или выявленных мной в мире. Все объекты и события мира вначале воспринимаются как типичные, т. е. отнесенные к основным конструктам индивидуальной схемы. Это происходит настолько само собой, что разговор об этом выглядит тривиальным.

Для меня само собой разумеется, что мир таков, каким я его привык воспринимать. Любая интерпретация совершается в рамках уже истолкованной и близко знакомой мне реальности. Путешествия в неизведанное я совершаю с некоторой твердой точки, в которой абсолютно уверен. Я также полагаю, что мир устойчив, что мой опыт, пережитый в нем и переданный мне другими, будет оставаться пригодным для действия. А значит, я смогу повторять мои предыдущие успешные действия. Пока структура мира воспринимается мной как устойчивая, пока мой личный опыт эффективен, принципиально сохраняется моя возможность влиять на этот мир. Как только мир начинает ускользать от меня, нарушать мои ожидания, моя способность что-то делать в нем и с ним начинает стремиться к нулю. В чем прелесть усвоенного мной опыта, в том числе и группового, так это в том, что он не требует повторных проверок. Содержащееся в нем знание относится к некоторым частям реальности, ограниченным конкретным ситуациям. Этот «само собой разумеющийся» опыт нерефлексивен: я не делаю его в нормальных условиях предметом теоретической работы. Мое мышление не протекает в рамках и способах, оно само есть эти рамки и способы. Нерефлексивность позволяет моему жизненному знанию быть фрагментарным, причем фрагменты его могут быть не особенно логически связаны. Недостаточное согласование отдельных частей моего знания о мире принципиально не ослабляет, с моей точки зрения (и кочки действия), его «разумеющность» и пригодность для действия. Противоречия и недостатки моего знания о мире становятся для меня очевидными только тогда, когда новый опыт не вписывается в безупречную до сих пор схему. Правда, если схема кажется безупречной, то противоречащий ей опыт нелегко осознать. Психологи говорят здесь либо о вытеснении (в психоаналитической традиции), либо о

селективности восприятия и стремлении к согласованной когнитивной схеме (когнитивистской модели).

Итак, что мы знаем о структуре этого плохо осознаваемого жизненного опыта? Интимно очевидная сердцевина его, из которой исходит наше познающее Я, ограничена. Вокруг неопределенный, но принципиально интерпретируемый мир. Когда я наблюдаю его, я вижу границу между знаемым и неопределенным, которая предстает передо мной как горизонт. Горизонт дан мне феноменологически более явственно, чем моя «точка стояния». Последнюю я не могу охватить иначе как посредством рефлексивных процедур, но реальные глубокие основания ее, возможно, ускользают от моего взгляда. Здесь уместна аналогия с известным нам опытом зрительного восприятия: мы видим картину окружающего нас мира и готовы обсуждать ее друг с другом, уточнять впечатления и т.д. Но без специально заданного рефлексивного вопроса мы не видим в ней себя, т. е. реальную точку отсчета, точку видения. Только обратив на это внимание, мы начинаем замечать, что в каждой «картине» присутствуют привычно игнорируемый кончик носа, прядь волос перед глазами и носки туфель, а также две руки – слева и справа от того, что является нашим «смотрящим» Я.

Субъективная данность (Шюц употребляет термин fragelose – бесспорно, «безвопросно» данное) не образует закрытую, определенно структурированную и обозримую сознанием область. Бесспорно данное в каждой жизненной ситуации окружено более расплывчатым знанием и просто неопределенным. Я субъекта находится в центре освещенного пятна понятности и простой содержательной определенности. Оно окружено менее определенным горизонтом, переживаемым, однако, как принципиально определимый, доступный интерпретации. Важно подчеркнуть, что субъективная данность организуется вокруг жизненной ситуации, а само выделение ситуации из потока событий говорит о ее

типизации субъектом. Определенность ситуации связана с опытом успешного решения проблемы, т. е. мир субъекта определен (ситуатирован) настолько, насколько ситуации в нем эффективно разрешаются. При этом мы должны помнить, что эффективность решения ситуации (проблемы) является субъективной. Невротик, заболевая органически перед неприятной поездкой и испытывая облегчение при ее отмене по «объективным» причинам, по-своему эффективно решает проблему.

Поэтому базовое жизненное знание субъекта следует понимать не как хорошо структурированную и прозрачную для самого субъекта целостность связей сущностей, а как совокупность меняющихся от ситуации к ситуации очевидностей, выделяющихся на фоне неопределенности. Эта модель не переживается индивидом как таковая, но устойчиво всплывает в ходе повседневной практики как уверенная и знакомая ему почва обусловленных ситуациями интерпретаций происходящего.

Аккумулированный мной индивидуальный опыт содержит варианты решения проблем из моего прошлого опыта: мой запас знаний состоит из таких решений. Они конституируются в интерпретации опыта или толкованиях модели мира. Опыт каждой новой ситуации и опробованные в ней способы действий упорядочиваются и встраиваются в уже существующее толкование мира и, в свою очередь, модифицируют его. Толкование, которое принципиально никогда не бывает законченным, расширяется и продлевается ровно настолько, насколько необходимо для решения обусловленных прагматическими мотивами жизненных ситуаций. Если новые впечатления в сходной с прошлыми ситуации непротиворечиво встраиваются в схему отношении, то такой опыт подтверждает надежность и достоверность запаса знаний [1].

Каждый новый опыт изначально кажется мне в своей основе знакомым и бесспорным, хотя он принципиально является «новым». В восприятии происходит категоризация опыта в соответствии с теми категориями, которые субъект имеет до этого опыта. Только в последующем я начинаю устанавливать отличия, но и это происходит только тогда, когда я вовлекаюсь в практику, требующую большей дифференциации объектов нового опыта.

Непроблематичное течение моего опыта может нарушиться появлением опыта, не вписывающегося в мою базовую схему. Схема обычно снабжает меня прогнозом, некоторыми антиципациями последствий моих действий. Такое опережающее «просвечивание» реальности позволяет мне ориентироваться в действиях и видеть не только происходящее «здесь и теперь», но и бесспорно ожидаемое. Если развитие событий (или взаимодействие с объектом) опровергает мой неосознаваемый интуитивный прогноз, я испытываю чувство удивления, вспышку внимания и осознание.

Можно сказать, что «бесспорность» моего опыта взрывается, когда прогнозируемый аспект моего опыта или антиципированный конструкт моего сознания оказываются неконгруэнтными разворачивающемуся опыту. То, что раньше было для меня бесспорным, вдруг ставится под вопрос. Жизненная действительность требует реструктурирования моего опыта и прерывает цепочку очевидностей моих взаимодействий с миром.

В каждой ситуации нового типа я получаю кусочки новых знаний; при первичном определении (классификации) ситуации я их не соотношу со знакомыми схемами. Я встречаю свою жену с ее сослуживцем. Поскольку я лучше всех, то ситуация классифицируется так: «коллеги в свободное время говорят о работе». Только при неоднократном переживании противоречий (повторные встречи и блеск в глазах) можно осознать недостаточность имеющихся схем и

до сих пор релевантных интерпретаций. Тогда я обращаюсь за помощью к другим интерпретациям, пусть и кажущимся не вполне релевантными. Только тогда мне может броситься в глаза противоречивость нескольких областей моей схемы отношений.

На самом деле я не подвергаю мое мировоззрение логической ревизии, поскольку это невозможно сделать, не объективируя его или не применяя его в различных классах ситуаций. Действительно, различные схемы отношений (вербальные установки) и схемы деятельности (поведение) могут существовать отдельно, не затрагивая друг друга (вспомним нашумевший опыт Лапьера*).

Установка оказывается в большей мере связанной с ситуацией, а такие ситуативные установки реализуются достаточно устойчиво. Роль ситуации оказывается гораздо большей, чем обычно предполагалось. Нам представляется, что здесь не возникает конфликт установок или давление ситуационных установок на мировоззренческие. Просто сама ситуация и выстроенная в ней схема отношений может существовать как отдельная часть субъективной реальности, не взаимодействующая с другими. Так, известная проблема расхождения нравственного знания и социального поведения приобретает более ясное содержание: соблюдение норм «правильного», т. е. законопослушного, поведения есть ситуация обнаружения человеком знания формулировок социально требуемого поведения. На вопрос «Как следует по-

---

* Лапьер в 1930-е гг. провел нашумевший в социальной психологии эксперимент. Он собрал заявления испытуемых об их предполагаемом поведении в ситуации, требующей выбора (согласия поселить в свою гостиницу гостя азиатского происхождения), а затем реально создал эту ситуацию. Полученные результаты говорили о катастрофическом расхождении заявлений людей о своих позициях и их реальных действиях в конкретной ситуации.

ступить?» он располагает эффективным и конгруэнтным ответом «Так и так». Ситуация решена эффективно, т. е. принесла индивиду ожидаемое удовлетворение. Теперь же в реальной ситуации социального взаимодействия, когда возникает возможность присвоить собственность, применить насилие, нарушить слово и т.п., индивид опять действует конгруэнтно и, в его оценках, эффективно. Противоречие между двумя разными типами ситуации, ведущее к пересмотру базовой схемы, возникает тогда, когда появляется третья ситуация, объединяющая эти две, или же когда одна из них оказывается неэффективна.

Так, я могу найти в практических проблемах, окружающих меня, повод и толчок к теоретическому мышлению или, по меньшей мере, к частичной интеграции моих схем отношений в модель субъективного знания. В то время как общая непрозрачность (необозреваемость) совокупности субъективного опыта с точки зрения теоретического знания кажется недостатком, следует вспомнить, что в естественных условиях активность человека направляется прагматическими мотивами. Знания служат мне для решения практических проблем. В теоретическом мышлении заявленное знание становится в первую очередь предметом проверки на достоверность и определения его области применения.

Но в повседневности речь идет о том, чтобы ориентироваться в действии привычным рутинным образом. Укоренившиеся в моем запасе знаний интерпретации имеют статус инструкции: если вещи расположены так и так, я буду действовать так и так. Через успешное следование этим указаниям я никогда не приду к новым решениям проблем, интерпретациям горизонта и т.д., но зато я могу уверенно действовать так, как действовал всегда в подобных ситуациях. Эти «инструкции» могут быть совершенно непрозрачны в своих теоретических основаниях, т. е. никак не встраиваться в мое систематичное мировоззрение, но в «практических»

положениях казаться само собой разумеющимися. Их постоянный практический успех гарантирует мне их надежность, укрепляет мое доверие к ним и поднимает их на уровень рецепта. Далее заметим, что мой запас знаний большей частью передан мне социально, рецепты действий подтверждены другими. Первая гарантия эффективности рецепта – его социальный характер.

Теперь мы можем вернуться к сравнению парадигмы единого проекта и постмодернистского релятивизма. Независимо от уровня осознания мой набор схем действий и инструкций существует и поддерживается в своем функционале тогда, когда он эффективен. Круг моего взаимодействия с миром (прежде всего с людьми, населяющими его) конкретен и ограничен: он каждый раз локализован в границах социальной общности, которая достаточна для моего существования и самодостаточна для сохранения себя в этой роли. Мой запас знаний, таким образом, проверяется реальностью (или практикой, как любил говорить В.И. Ленин), но такой практикой, которая является реальностью жизни конкретной социальной общности. Единство социальной жизни означает единство или сходство, или хотя бы согласованность такой практики и ее понимания для ее участников. Проблема перемещается с единства представлении о мире к вопросу о единстве жизни в мире. Там, где я нахожусь в замкнутой общности, изолированной от других, я прекрасно обхожусь тем специальным проектом и запасом знаний, который в основном предоставлен мне группой, а частично разработан мной на основе выявления правил и законов той жизни, которую я только и знаю.

Но главный вопрос в том, взаимодействуют ли группы, являются ли общности открытыми, едино ли течение жизни для них или нет. Единый тотальный проект был адекватен территории стран «железного занавеса», основательно изолированных от остального мира как физически (перемеще-

ние граждан и товаров), так и информационно (перемещение идей). Жизнь внутри стран «лагеря» проектировалась как принципиально единая. После перемен последнего десятилетия мы фактически пытаемся ответить на кардинальный вопрос: вступает ли человечество в третье тысячелетие в едином жизненном пространстве и в единой общности? Является ли тенденция к обретению собственной идентичности и поиск ее в исторических корнях и особенностях ментальности (исторической судьбы, лампасов, формы носа и т.д.) преобладающей по отношению к центростремительному движению ищущих оптимума экономических и информационных систем? Способна ли психологическая депрессивность и растущая численность маргиналов приостановить процесс глобализации и создания единого мира? Как нам относиться к заблуждениям идеи «единого проекта» и являются ли эти заблуждения на самом деле таковыми? Вопросы открыты не только для социальных исследователей, но и для участников самого процесса. Одной из конкретных версий этого вопроса является вопрос о смысле, последствиях и мощности двух тенденций поиска базовой общности и источника идентичности: опоры либо на территориальные, либо на информационные (виртуальные) сообщества.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

2. Гурджиев Г. Вестник грядущего добра. СПб., 1993.

3. Уилсон Р.А. Психология эволюции. Киев,1998.

4. Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Postmodernity and Intellectuals. Oxford, 1987.

5. Schutz A., Luckman T. Strukturen der Lebenswelt. Neuwied-Darmstadt, 1975.

В.В. Прилепский

СТАНОВЛЕНИЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ КАК СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1990-е гг. характеризуются как время становления новой системы федерализма в России. Процесс формирования гибкой системы политических отношений между центром и регионами можно проследить, обратившись к анализу законов, регулирующих статус, права и полномочия субъектов федерации, принятых за этот период законодательными органами республик, краев и областей. В Краснодарском крае этот процесс нашел свое отражение в создании основополагающего закона – Устава Краснодарского края, содержание которого может служить показателем степени готовности политической элиты Краснодарского края отстаивать региональные интересы перед федеральным центром в рамках политико-правового поля.

В процессе формирования основного закона Краснодарского края можно выделить два этапа: 1) 1992–1993 гг. – период разработки и принятия первого варианта – Государственного устава; 2) 1994–1997 гг. – разработка и принятие второго варианта – Устава Краснодарского края.

Необходимость во втором варианте устава, получившем официальное название «Устав Краснодарского края», была продиктована, с одной стороны, новыми положениями принятой в 1993 г. Конституции РФ и изменениями, произошедшими в экономической, политической и социальной сферах жизни Краснодарского края в 1993–1997 гг., – с другой.

Проанализируем изменения, зафиксированные в первом, втором и третьем разделах нового Устава, касающиеся прин-

ципов организации государственной власти, механизма законодательной деятельности и статуса Краснодарского края.

Прежде всего необходимо отметить, что в результате приведения некоторых положений в соответствие с Конституцией РФ формулировки второго варианта Устава стали более лаконичными, точными. Так, например, в первом варианте отсутствует положение о Краснодарском крае как о государственно-территориальном образовании, входящем в состав РФ на основе Конституции РФ и Федеративного договора.

В варианте 1997 г. это положение приведено в соответствии с Конституцией РФ, и Краснодарский край называется «неотъемлемой составной частью Российской Федерации» [2, ст.1, п. 2], т. е. находится в составе РФ, а не входит в ее состав.

Оба варианта устава основываются на принципах федерализма, одним из важнейших принципов которого является принцип равноправия субъектов федерации. В качестве второго принципа федерализма следует выделить разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами, которые закреплены в ст. 5, 7–11 Устава. В п. 1 ст. 7 определены полномочия, относящиеся к совместному ведению федерации и ее субъекта. В перечень данных полномочий, по сравнению с вариантом 1993 г., добавлены такие полномочия, как разграничение государственной собственности; реабилитация и возрождение казачества; установление условий регулирования миграции на территории Краснодарского края; прием и расселение лиц, прибывающих из районов Крайнего Севера, и т. д. Краснодарский край из объекта региональной политики центра превратился в ее активного субъекта. Произошло, таким образом, «не только формальное изменение масштабов соотнесения признаков, определяющих региональную структуру государства, но и повышение экономической, политической, социаль-

ной роли бывших автономий, краев и областей» [2, с. 21], поскольку в документе заложены условия самостоятельного регулирования сфер деятельности, не противоречащего федеральным законам.

Очень важно, что разграничение предметов ведения и полномочий осуществлялось путем разработки и подписания двустороннего договора между федеральными органами власти и органами государственной власти Краснодарского края [2, ст. 10, п.1], согласно которому разграничение предметов ведения и полномочий «не может быть изменено в одностороннем порядке» [2, ст. 8].

Оба варианта устава закрепляли принцип разделения властей, в соответствии с которым власть делится на законодательную, исполнительную и судебную [2, ст. 16, 24, 30, 31, 40, 42], однако в новом варианте добавлен принцип выборности главы администрации (до 1996 г. он назначался Президентом РФ).

В ст. 43 определены полномочия главы администрации Краснодарского края. В отличие от первого варианта, полномочия главы администрации несколько расширены. Например, глава администрации обладает правом законодательной инициативы в Законодательном Собрании, правом подписывать и обнародовать законы Краснодарского края и др. [2, п. 1 ст. 43].

По сравнению с первым вариантом, никаких существенных изменений в круг вопросов, решаемых краевой администрацией, во второй вариант внесено не было за исключением положения, согласно которому администрация края «организует привлечение инвестиционных ресурсов в отрасли народного хозяйства края» [2, ст. 41, п. 3].

Сравнивая оба варианта устава, следует отметить, что второй вариант:

– содержит более четкие формулировки положений;

– не дублирует статьи Конституции РФ;

– по ряду положений приведен в соответствие с Конституцией РФ;

– уточняет перечень полномочий, находящихся в совместном ведении Российской Федерации и Краснодарского края;

– не содержит полномочий, относящихся к предметам ведения РФ;

– детализирует административно-территориальное деление Краснодарского края [2, ст. 3];

– указывает конкретный срок полномочий депутатов Законодательного Собрания [2, ст. 24, п. 2];

– закрепляет контрольные функции законодательного органа [2, ст. 34];

– определяет главный орган исполнительной власти как администрацию, а не как правительство Краснодарского края [2, ст. 40].

Действующий вариант Устава содержит ряд принципиально новых положений о:

– разграничении предметов ведения и полномочий на основе подписания двусторонних договоров [2, ст. 10, п.1];

– возможности взаимного делегирования полномочий органами исполнительной власти Российской Федерации и Краснодарского края на основе двусторонних соглашений [2, ст. 10, п.2];

– Краснодарском крае как об исторической территории формирования кубанского казачества, которое по закону должно учитываться «при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» [2, ст. 2, п. 1];

– запрете пропаганды сепаратизма и выхода Краснодарского края из состава Российской Федерации [2, ст. 1, п. 2];

– запрете создания на территории Краснодарского края национально-государственных и национально-территориальных образований [2, ст. 2, п. 3];

– запрете несения одним лицом депутатских полномочий одновременно в нескольких законодательных органах [2, ст. 27, п. 1];

– депутатской неприкосновенности [2, ст. 28, п. 1].

Следует иметь в виду, что институциональные отношения внутри субъекта и отношения субъекта с федерацией не только регулируются нормами права, но и диктуются социальной практикой. Особенно это касается политических факторов, которые могут не просто влиять, но даже оказывать давление на федеративные отношения.

В целом принятие Устава Краснодарского края придает отношениям края с федеральным центром и субъектами федерации более устойчивый характер. Содержание подобных документов, «сдерживаемых» федеральными законами, и в первую очередь Конституцией РФ, позволяет говорить об условной самостоятельности Краснодарского края в системе государственно-политических отношений. Однако наличие федеральных законов является необходимым условием для сдерживания сепаратистских тенденций, вновь усилившихся в последнее время в некоторых регионах.

В становлении федеративных отношений в России особенно важным представляется закрепление разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами федерации. Только в условиях определенности политико-правового поля федеративных отношений можно говорить о какой-то самостоятельности Краснодарского края и о реальных возможностях краевых властей защищать права и свободы своих граждан.

Библиографический список

1. Рогачев С.В. Политология. Введение к предмету. М., 1992.
2. Устав (основной закон) Краснодарского края // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края (специальный выпуск). Краснодар, 1997.

Радман Вахид Хамуд

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ЙЕМЕНА

Гражданская война 1994 г. в Йеменской Республике, в которой столкнулись две различные социально-экономические системы – социалистическая (Южный Йемен) и капиталистическая (Северный Йемен), – породила и обострила множество политических, социальных и экономических проблем. Значительные материальные и человеческие потери привели к резкому падению производства и росту инфляции, особенно в южной части страны, где ощущалась нехватка грамотных управленческих кадров в экономике и отсутствие средств на восстановление разрушенного хозяйства. Сильнее всего в результате войны пострадала промышленность страны: разрушена нефтеперерабатывающая база в Адене, нарушены планы добычи нефти иностранными компаниями, разладился механизм взаимосвязи между отраслями промышленности.

С 1996 г. начался процесс восстановления, и правительству формально объединенного Йемена необходимо было решить вопросы о роли государства в управлении экономикой. В течение десяти лет, предшествующих объединению, в южной части Йемена было введено в строй несколько крупных предприятий, находившихся во владении государства (в частности, нефтеперерабатывающий завод, кожевенный завод, хлопчатобумажный комбинат), и поскольку правительство не могло эффективно управлять ими, остро встала проблема передачи государственных предприятий Южного Йемена в частную собственность. До формального объединения страны в г. Адене, столице Южного Йемена, находилось 13 отраслевых министерств, осуществлявших

контроль за предприятиями в области материально-технического снабжения, сбыта и технологии. Неопределенность прав собственности на государственные предприятия стала причиной неэффективного управления, сокращения производства и, наконец, спонтанной приватизации некоторых предприятий. В настоящее время эти министерства являются филиалами основных министерств, находящихся в столице объединенного Йемена г. Сана, бывшей столице Северного Йемена.

Общепризнанно, что для макроэкономической стабилизации любой развивающейся страны, в том числе Йемена, необходимо контролируемое правительством проведение реформы системы хозяйства. Разгосударствление предприятий стало движущей силой реорганизации, однако приватизируются в основном мелкие и средние предприятия, а крупные промышленные предприятия остаются в руках государства. В настоящее время в Йемене более 35 % собственности остается в руках государства (см. таблицу).

Динамика численности промышленных предприятий различных форм собственности объединенного Йемена.

Сектор	Год			
	1994	1995	1996	1997
Государственный	57	52	45	37
Кооперативный	8	8	8	8
Смешанный	13	13	13	13
Частный	132	142	152	155
Итого:	210	215	218	213

На наш взгляд, правительство Йемена поступило правильно и дальновидно, оставив предприятия нефтеперерабатывающей промышленности, морского хозяйства и морской порт под своим началом. Это создает условия для эко-

номической интеграции Южного и Северного Йемена, поскольку обеспечивает возможность использовать природные ресурсы в национальных интересах.

Однако нельзя забывать, что на пути к экономической интеграции Йемена имеется множество политических и экономических препятствий. Так, некоторым соседним странам, в частности Саудовской Аравии, невыгодна подобная интеграция, поскольку она приведет к ослаблению политической и экономической зависимости Йемена.

Для правительства Йемена процесс интеграции – основная цель государственного регулирования; с ней связываются надежды на развитие экономики, укрепление политического единства и военной мощи страны. Но экономическую интеграцию нельзя осуществить без реального объединения обеих частей страны. Чтобы завершить объединение, правительству Йемена необходимо предпринять следующие меры:

– усилить контроль за соблюдением равноправия граждан обеих частей;

– обеспечить экономическую безопасность граждан (свободу капиталовложений);

– разрешить межплеменные конфликты и ограничить влияние племен на правительственные решения.

При этом экономическая интеграция может явиться инструментом объединения не только двух частей Йемена, но и всех арабских стран, даже целого континента. Примером тому может служить Европа, где на основе экономического объединения строится политическая интеграция.

Некоторые исследователи различают два метода объединения территорий – естественной интеграции и силового «собирания» – и считают такие страны, как Италия и Великобритания, примерами силового объединения [1, с. 46]. Что касается Йемена, то, на наш взгляд, до окончательного политического объединения необходимо провести эконо-

мическую интеграцию, особенно в области промышленности, которая является инструментом общего благосостояния страны. Для успешного проведения экономической, политической и социальной интеграции правительству Йемена следует досконально изучить сложившиеся условия в базовой для экономики страны добывающей отрасли и определить возможности развития каждой отдельной территории и страны в целом.

Важным моментом является определение промежуточных целей интеграции и путей их достижения. Важным инструментом могла бы стать разработка поэтапной интеграционной программы, это позволит своевременно корректировать действия в условиях постоянно изменяющихся макро- и микроэкономических параметров.

По-видимому, в первую очередь нужно интегрировать такие отрасли, как транспорт, электроснабжение, образование, медицина, а затем отрасли специфического характера, которые имеют большие доходы: основные промышленные предприятия, торговые и финансовые учреждения.

Только после этого можно переходить к интегрированию сельскохозяйственного сектора, поскольку для него характерны неравномерность развития и тесная связь с природными факторами. Здесь уместно привести пример западноевропейской интеграции в области сельского хозяйства, сорокапятилетняя история которой знает не много положительных результатов.

Для того чтобы воспользоваться благоприятными для осуществления процесса интеграции Йемена предпосылками, правительство должно, во-первых, блюсти не только собственные интересы, но и интересы всего народа, во-вторых, не допускать влияния на государственные дела религиозных фанатиков и племенных сепаратистов, которые создают препятствия для любого прогрессивного начинания, и, в-третьих, проводить денежно-кредитную и инве-

стиционную политику, направленную на улучшение экономических показателей национальной экономики.

В специальном докладе, подготовленном парламентской Комиссией по экономике, выражается крайнее недоумение по поводу методов, которыми страна начала переходить к рыночным отношениям и привлекать национальные и иностранные инвестиции. Указывается, что в промышленном секторе страны сложилась чрезвычайная ситуация, которая, по прогнозам специалистов приведет к краху всего производства; только в одной провинции Аль-Худейда в 1998 г. около 2000 рабочих потеряли свои рабочие места, что, в свою очередь, ведет к снижению уровня жизни [2, с. 13].

Также была подвергнута критике деятельность созданной в 1995 г. специальной независимой организации по делам инвестиций, на которую возлагались большие надежды. Как оказалось, эта организация полностью игнорировала интересы малого бизнеса, выделяла огромные суммы под новые гигантские проекты, одновременно прекратив финансировать долгосрочные инвестиционные проекты, начатые еще в 1980-е гг. Проекты же по организации новых производств не выдерживают конкуренции из-за высоких процентных ставок и краткосрочности предоставления государственных кредитов, а также из-за потока более дешевых контрабандных товаров. Комиссия особо отметила, что государство, с одной стороны, слишком снисходительно относится к контрабанде, а с другой – фактически ограничивает участие инвесторов. Среди причин переживаемого экономикой Йемена кризиса Комиссия указала следующие:

– некомпетентность чиновников правительства и отраслевых министерств в управлении экономикой в условиях рынка;

– отсутствие активной политики в области экспорта национальной продукции;

– относительная эффективность контрабанды по сравнению с производством;

– нескоординированность в действиях и размытость ответственности между правительственными структурами;

– неблагоприятность налогового и таможенного режимов для легально действующих национальных предпринимателей [2, с. 113].

Таким образом, анализ причин социально-экономического кризиса, переживаемого идущим по пути рыночных преобразований объединенным Йеменом, обнаруживает дефицит государственного регулирования экономикой и позволяет наметить ряд неотложных задач:

– повышение профессиональной компетентности чиновников в области государственного и регионального управления в условиях рыночной экономики;

– разработка механизма по предотвращению непосредственного влияния племенных интересов на принятие государственных решений и их реализацию;

– последовательное проведение политики межнационального примирения;

– разработка четкой кредитно-денежной и финансовой политики государства, направленной на развитие национального производства;

– усиление государственного регулирования деятельностью государственных предприятий.

Библиографический список

1. Адика Али Ахмед. Взаимная независимость по пути к нефти. Бейрут, 1994. (на араб. яз.)

2. Парламентский доклад по экономике. №117. Итихад, 1999. (на араб. яз.)

Ю. С. Булгаков

ВПЕРЕД, ВЕСЬ МИР ПРЕД ТОБОЙ!

Наверняка многие из вас грезили когда-нибудь учебой за рубежом. Каждый видит в этом разные выгоды. Одни хотят усовершенствовать или выучить иностранный язык. Другие мечтают окунуться в другую культурную среду, узнать побольше об интересующей стране, завести новых друзей. Третьи считают, что только за морем им могут дать хорошие знания. Некоторые, может, даже горят желанием остаться там. В общем, у каждого свои мечты и запросы.

Но есть одна проблема: обучение за рубежом стоит немалых денег, которые не у всех есть. Как же можно решить эту проблему? Ответ прост – получить ГРАНТ на учебу!

ГРАНТ – это деньги, которые выделяются преподавателям, аспирантам, студентам и школьникам на учебу за рубежом. Финансирование такого рода проектов осуществляется на конкурсной основе. Процедура прохождения конкурса отчасти напоминает обыкновенный экзамен, только более строгий.

Для участия в таком конкурсе необходимо, во-первых, хорошо владеть иностранным языком, а во-вторых, суметь сформулировать конкретные, осуществимые цели и доказать, что вложение в ВАШЕ образование (обучение, стажировка) – не пустая трата средств.

Одной из самых популярных программ поддержки обучения студентов в США является FSA Undergraduate

Program, финансируемая организацией АСПРЯЛ. Конкурсный отбор по этой программе проходит в три тура. Первый тур – конкурс заявок, представляющих собой пакет документов (Application), который включает в себя:

– анкету;
– 3 рекомендации от преподавателей;
– эссе (Statement of Purpose);
– академическую справку;
– академические награды, если таковые есть.

Анкета заполняется по определенной форме.

Рекомендации дают преподаватели, знающие вас не менее года. Каждый «лестный» отзыв преподаватель подкрепляет конкретными фактами и примерами. Все рекомендации должны быть переведены на английский язык и заверены.

Эссе – самая важная часть в пакете документов. Это ваша визитная карточка. Именно эссе будет играть решающую роль при отборе участников и в первом, и во втором туре. Вы – самый лучший. Не стесняйтесь хвалить себя. Перечисляйте все, что вы умеете, и пишите побольше о своей социальной активности (диджей в школе, участник КВН, капитан баскетбольной команды и т.д.). Затем следует *четко* указать свои цели и объяснить, почему обучение именно в США поможет вам осуществить их. Завершая эссе, расскажите о том, какой вклад вы можете внести в программу.

Не забудьте приложить вашу академическую справку (транскрипт), в которой должны быть перечислены все экзаменационные оценки и зачеты (первокурсники сообщают сведения об оценках из аттестата). Академические справки заверяются подписью декана факультета и печатью. Все документы необходимо представить на двух языках; перевод также должен быть заверен нотариально. Собранные документы вам нужно отправить по адресам, указанным в приложении к Application.

Результаты первого тура будут известны примерно в середине февраля. В случае вашего успеха, вас уведомят о том, что необходимо для участия во втором туре. Скорее всего вас вызовут в Москву или в Волгоград для прохождения собеседования и сдачи TOEFL. Информацию по TOEFL вы сможете найти на сайте *http//www.toefl.org*.

Собеседование проходит в непринужденной обстановке в течение 25–30 минут. В беседе с американцами вам будут задавать различные вопросы на английском языке, в том числе и несколько вопросов по эссе. Цель – проверить ваше владение разговорным языком, способность быстро находить ответы на неожиданные вопросы, решать конфликтные ситуации и т.п.

После прохождения этих испытаний ваши документы отправляются в США, где и решается участь полуфиналистов. Если вы стали финалистом, то вы уже точно поедете в США, хотя вам предстоит еще одна сдача TOEFL (Institutional TOEFL), который должен определить ваш уровень английского на период сдачи теста.

Так проходит конкурсный отбор для FSA Undergraduate program. Однако это – не единственная программа. Для тех, кто хочет учиться в Европе, я рекомендую посетить сайт Центрально-Европейского университета (*http//www.ceu.hu*) или обратиться к региональному координатору института «Открытое общество» Владимиру Николаевичу Коваленко (КубГУ, комн. 140а).

Кроме того, можно зайти в центр международных контактов в Краснодаре, размещенный в школе № 88 по адресу: ул. Сормовская,167, или позвонить по телефону 32-88-85. Лариса Васильевна Шостак предложит вам информацию не только о возможной поддержке студентов, аспирантов и преподавателей, но и о программах, предоставляющих возможность поработать за рубежом летом, что позволит полу-

чить прекрасную языковую практику, посмотреть мир и заработать.

Главное – не сидеть на месте и не ждать, когда удача придет сама. Успеха добивается лишь тот, кто действует!!! Если не получится в первый раз, не сдавайтесь, пробуйте еще и еще. Всегда на пути к успеху терпишь временные трудности. Поверьте в себя, *and your dream will come true!!!* В общем, делай, как я.

О.В. Лукина

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

В июле-сентябре 1999 г. Библиотека Конгресса США реализовывала совместно с Американским советом по международному образованию АСПРЯЛ/АКСЕЛС специально предназначенную для России программу «Открытый мир». В соответствии с официально заявленной целью программы – обмен культурным и управленческим опытом между представителями двух стран – с российской стороны в ней участвовали действующие и потенциальные лидеры в области политики, бизнеса и социальной сферы. В общей сложности 1500 человек со всех регионов нашей страны были приглашены с десятидневным визитом в США.

Механизм реализации программы подразумевал комплектование американской стороной небольших групп российских лидеров (от 2 до 5 человек) и дальнейшее их распределение по различным штатам. Никто из участников до последнего момента (до вылета самолета из Москвы) не знал, в какой штат едет его группа.

Наша группа состояла из пяти человек, среди которых были академик, доктор политических и социологических наук из Бурятии, два депутата муниципального уровня из Новгорода и Владимира, председатель молодежной общественной организации «Объединение юных лидеров» и я, Ольга Лукина, лидер «Молодежного крыла» политорганиза-

зации «Отечество» на Кубани. Большим плюсом являлось возрастное и статусное различие участников, которое позволило увеличить объем воспринимаемой информации за счет обмена мнениями и опытом внутри группы.

Десять дней пребывания в Топике, столице штата Канзас, были очень насыщенными. Мы успели познакомиться с системой управления на уровне штата, графства, города; встретиться с представителями судебной власти, малого и среднего бизнеса, главами департаментов сельского хозяйства, образования, здравоохранения, полиции, водных ресурсов, пожарной части; журналистами, общественными деятелями, банкирами, фермерами.

Беседы с официальными представителями убедили нас в том, что в Соединенных Штатах Америки концепция правового государства воплощена в практику; это было наиболее ярким впечатлением от знакомства со структурами политической системы. Закон – самое почитаемое и охраняемое американцами понятие, тщательная проработанность законодательной базы позволяет им избегать многих проблем, характерных для России.

Особый интерес вызвал у нас местный Ротари-клуб (rotary – *англ.* вращательный), который отвечал за организацию нашего пребывания. Такой клуб объединяет местную элиту – представителей власти, бизнесменов, ведущих журналистов, видных общественных деятелей и т.п. – и по сути выполняет двоякую функцию, являясь одновременно и местом, где за чашкой кофе представители государственной власти, бизнеса и общественного сектора могут решить любые общественные вопросы и найти приемлемый для различных сторон компромисс, и готовой структурой для лоббирования принятых решений. Все это возможно опять-таки благодаря гибкости и проработанности законодательной базы. Простой пример: по закону, частный предприниматель или собственник определенную часть налогов может не

платить в бюджет, а оформить целевое финансирование на понравившийся ему проект или программу.

В экономической сфере выгодно отличается от российского опыта правовое и организационное обеспечение развития малого бизнеса: наличие консультационных фирм, фондов кредитования, страховой системы, муниципальных банков.

О социальной сфере можно сказать коротко: 60 % бюджетных средств штат выделяет на образование. Высшее образование – самое дорогое из предоставляемых властью, но американские граждане уверены, и не без основания, что получение достойного образования – это самое выгодное вложение капитала.

Останавливаясь подробнее на сфере политики, в первую очередь хотелось бы упомянуть американский феномен идеологизации общества. Парадокс заключается в том, что, являясь по сути самыми идеологизированными в мире гражданами, американцы не ощущают этой идеологии. Все мы с большим удивлением обнаружили, что подавляющее большинство далеко не рядовых американцев вообще не знают, что такое идеология, и уж тем более не имеют представления о механизме ее становления, действия. Так же чужды им политические волнения и страсти. Полным недоумением председателя избирательной комиссии штата были встречены наши вопросы о выборных антитехнологиях, программах по привлечению молодежи к участию в политическом процессе. Политикой, как нам объяснили, занимаются преимущественно те, кто этому обучался. Все остальные граждане предпочитают заниматься своим делом, не вникая в специфику работы других.

При полной свободе слова и независимости СМИ поражает наличие информационного вакуума. Жителям сообщают в основном только о местных событиях, и они плохо представляют себе, что происходит у соседей. Скудно ос-

вещаются и мировые события. Расширить информационный горизонт можно, воспользовавшись Интернетом.

Особая тема – отношение американцев к России. Общая картина такова: Россия – великая и дружелюбная страна, в которой происходят непонятные процессы, а потому, на всякий случай, с русскими нужно дружить. Не имея ни малейшего представления об уровне развития технологий в нашей стране, американцы пытались удивить нас компьютерами, зерноуборочными комбайнами (которые на поверку оказались украинского производства) и другими «техническими диковинами». Запомнилось разочарование работника библиотеки, когда мы не слишком удивились тому, что книги на полках расставлены по алфавиту.

Естественно, нам показывали лучшие стороны жизни американского общества. А между тем нашему «постороннему глазу» нетрудно было заметить, что не все так благополучно и надежно. Невообразимо высок уровень преступности и наркомании в школах. Экспансия китайских товаров достигла таких размеров, которые даже нам, «посторонним», показались угрожающими: местные представители малого бизнеса разоряются, не выдерживая конкуренции с китайскими товаропроизводителями. Экспансия оказывает и морально-психологическое воздействие, особенно на представителей старшего поколения, у которых холодный финансовый расчет никак не может возобладать над «товарным патриотизмом» и чувством гордости за свою страну. Кого не покоробит вид этикетки «сделано в Китае» на памятных сувенирах их родного штата?! Многих настораживает и тот факт, что на должности, связанные с культурной, образовательной и интеллектуальной деятельностью все чаще приходят «иностранцы».

Несмотря на все внешнее благополучие, на бесспорно высочайший уровень жизни, всех членов нашей группы не покидало ощущение эфемерности мифа о незыблемости и

непоколебимости могущества и надежности американского государства. Трудно определить, что именно породило это чувство: жгучего желания остаться жить в США не обнаруживал никто.

В целом, благодаря продуманности программы до мелочей, поездка была очень насыщенной и полезной, так как дала возможность детально вникнуть в американскую систему управления социальными и политическими процессами. Проживание в американских семьях дополнило картину жизни этой страны, знакомство с культурными особенностями помогло понять причины тех или иных процессов в обществе.

Лично для меня продолжением данной программы станут будущие контакты с политиками и общественниками, задействованными в нашей поездке как со стороны США, так и со стороны России, что является не менее важным фактом. Все познается в сравнении. Улетая из Америки, мы осознали, насколько богаче ресурсный потенциал России и как важно, чтобы к управлению государством пришла новая, молодая элита, не только готовая применить новые формы управления, но и специально подготовленная к этому, т. е. элита профессионалов-управленцев.

Н.А. Васильченко, Ю.С. Пирогова

ЛЕТНЯЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Современная жизнь полна драматичных противоречий. Пожалуй, самая печальная повесть нашего времени пишется о джульеттах – девочках-подростках из «группы риска». Печальная не только для них, но и для нас всех: общество, отвергающее своих детей, не имеет будущего.

Однако и «общество» имеет свой взгляд. Представители данной, как говорят специалисты, социальной категории отличаются наработанными навыком и привычкой взаимодействовать с окружающими и миром через девиантное поведение. Потому многие из них и стоят на учете или в инспекции по делам несовершеннолетних, или в наркодиспансере, или в школьных педагогических комиссиях. Стоят на учете – значит их замечают, значит какое-то внимание им оказывается. (Кстати, ответы на вопросы: какое именно внимание? достигает ли оно желаемого эффекта? – заслуживают отдельного рассмотрения.)

В рамках летней оздоровительной программы дважды – в 1998 и 1999 гг. – специально для девочек-подростков из группы риска были проведены социально–психологические смены «Радуга». Основную организационную работу вел Краевой комитет по делам молодежи, который для работы с разными возрастными и социальными категориями детей и подростков приглашал специалистов из различных учреждений. Активное участие в проведении смен приняли представители общественной организации «Открытое сердце», антитеррористического центра «Альфа», методисты из Кра-

евого комитета по делам молодежи, Всероссийского детского центра оздоровления «Орленок» и Краевой юношеской библиотеки, творческий коллектив «Радуга» из города Курганинска.

Психологическую поддержку смены обеспечивали студенты отделения психологии: Элеонора Авдеенко, Наталья Васильченко, Сергей Гречко, Юлия Пирогова, Александр Посадский, Артем Седых, Жанна Терещенко, Андрей Чистилин, Юлия Шахматова. Руководила психологической службой смены преподаватель кафедры психологии Людмила Николаевна Ожигова. Местом реализации программы стал лагерь «Маяк» в поселке Веселовка Темрюкского района.

В 1998 г. работа проводилась под девизом «Радуга успеха», идея которого заключалась в том, чтобы каждая участница получила опыт принятия и понимания себя другими, попробовала свои силы в разных областях (спорте, творчестве, лидерстве и т.д.). Доброжелательная атмосфера, созданная в лагере психологами, воспитателями и инспекторами по делам несовершеннолетних, позволила каждой почувствовать свою значимость.

В смену 1999 г., проходившую под девизом "Радуга милосердия", работа была направлена на формирование у девочек позитивного отношения к миру и окружающим. Предусматривалось, что девочки получат опыт сотрудничества, навыки саморегуляции и конструктивного общения, сумеют самоутвердиться в творческих праздниках. Программа смены предполагала, что девочки не только попытаются отказаться от вредных привычек и оценить негативные стороны своего окружения (криминальные компании и т.п.), но и смогут поделиться своим опытом с другими подростками с тем, чтобы наметить возможности для позитивного жизненного пути.

В течение каждой смены действовала система ритуального вознаграждения ленточками или «фенечками» разных

цветов, каждый из которых имел свое значение: красный – сотрудничество, дружба; оранжевый – интеллект, находчивость; желтый – самопознание и гармония; зеленый – спортивные достижения и здоровье; голубой – труд, добросовестное отношение к делу; синий – лидерство, ответственность, умение принять решение; фиолетовый – творчество, стремление к красоте. Успешно проявившая себя к какомлибо из этих направлений девочка получала в подарок соответствующую «фенечку» или ленточку.

А тем, кто проявил себя во всех сферах, т. е. полностью собрал семицветную радугу, торжественно вручался символ смены – семицветный радужный галстук (бандана). Более половины участниц, а их за два года было около 240 человек из разных городов и поселков Краснодарского края, сумели собрать «радугу», и не оказалось ни одной девочки, которая не проявила бы себя ни в чем. Педагоги и психологи смены были поражены той активностью, стремлением к прекрасному и творческим потенциалом девочек, которые выявились в ходе смены. Так мы и не поняли: то ли подростки «трудные», то ли «трудна» среда, в которой они живут.

Конечно, не все было просто. У психологов хватало работы по урегулированию конфликтов, по решению отрядных задач. Студенты смогли на практике применить все свои знания и умения, полученные за годы обучения профессии, для достижения поставленной цели: создание благоприятных условий для адаптации, самореализации и самопознания девочек, раскрытие их внутреннего потенциала, развитие навыков общения.

Не все еще до конца продумано и предусмотрено. Например, нет возможности поддерживать тесный контакт с участницами программы после окончания смены. Хотелось бы, чтобы достигнутые летом личные победы помогали девчонкам в жизни круглый год. Будем думать и готовиться к третьей смене – «Радуга–2000» …

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДАМ

№ 1

А1 Аккредитив	Б1 Холдинг	В1 Маржа
А2 Консалтинг	Б2 Банкротство	В2 Олигополия
А3 Арбитраж	Б3 Меркантилизм	В3 Монетаризм
А4 ОПЕК	Б4 Роялти	В4 Пошлина
А5 Амортизация	Б5 Казначейство	В5 Пассив
А6 Монополия	Б6 ЕАСТ	
А7 Сальдо	Б7 Брутто	
А8 Пролонгация	Б8 Хеджирование	
А9 Страхование	Б9 ЕЭС	
А10 Котировка	Б10 Таможня	
А11 Аренда	Б11 НДС	
А12 Маркетинг	Б12 Договор	
А13 Налоги	Б13 Неустойка	
А14 Дисконт		
А15 Франчайзинг		
А16 Валюта		
А17 Преференция		
А18 Ликвидность		
А19 Инфляция		

№2

А1 МРТ	Б1 Эмбарго	В1 Квота
А2 Безопасность	Б2 Протекционизм	В2 ГАТТ
А3 Инжиниринг	Б3 Официальный	В3 Выживание
А4 Труд	Б4 Инвестор	В4 ЮНЕСКО
А5 Курс	Б5 ВТО	В5 Пошлина
А6 Инвестиции	Б6 МВФ	В6 Депозит
А7 Девальвация	Б7 Капитал	В7 Гарантии
А8 Евратом	Б8 Чехия	В8 Единичный
А9 Государство	Б9 ФЕОГА	В9 Акция
А10 Внедрение	Б10 ЕОУС	
А11 Лизинг	Б11 Конкуренция	
А12 Сбыт	Б12 Дивиденд	
А13 Лицензия	Б13 ЕБРР	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Юрий Сергеевич – студент отделения политологии ф-та управления КубГУ.

Бунчук Светлана Николаевна – преподаватель каф. ГМУ ф-та управления КубГУ.

Буренко Владимир Иванович – канд. филос. наук, профессор каф. социальной и политической философии Института молодежи (Москва).

Васильченко Наталья Алексеевна – студентка отделения психологии ф-та управления КубГУ.

Горожанина Марина Юрьевна – канд. ист. наук, преподаватель каф. политологии ф-та управления КубГУ.

Демин Андрей Николаевич – канд. психол. наук, доцент каф. психологии ф-та управления КубГУ.

Кимберг Александр Николаевич – канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой психологии ф-та управления КубГУ.

Кожевникова Екатерина Юрьевна – выпускница отделения психологии ф-та управления КубГУ 1999 г.

Лукина Ольга Викторовна – студентка отделения политологии ф-та управления КубГУ.

Мясникова Татьяна Алексеевна – преподаватель каф. ГМУ ф-та управления КубГУ.

Оберемко Олег Алексеевич – канд. социол. наук, зав. отделением социальной работы ф-та управления КубГУ.

Остапенко Павел Иванович – соискатель каф. государственно-правовых дисциплин Краснодарского юридического института МВД РФ.

Пивнюк Анна Сергеевна – выпускница отделения психологии ф-та управления КубГУ 1999 г.

Пирогова Юлия Сергеевна – студентка отделения психологии ф-та управления КубГУ.

Прилепский Вадим Владимирович – аспирант каф. политологии ф-та управления КубГУ.

Радман Вахид Хамуд – аспирант каф. мировой экономики экономического ф-та КубГУ.

Савва Елена Владимировна – преподаватель каф. политологии ф-та управления КубГУ.

Савва Михаил Валентинович – д-р. полит. наук, зам. начальника управления общественных и миграционных связей мэрии г. Краснодара, доцент каф. политологии ф-та управления КубГУ.

Сапогова Ирина Александровна – преподаватель каф. психологии ф-та управления КубГУ.

Чупилка Елена Евгеньевна – студентка отделения социологии ф-та философии, истории, социологии и международных отношений КубГУ.

Шабанова Надежда Васильевна – студентка отделения психологии ф-та управления КубГУ.

Щетнев Евгений Валерьевич – канд. ист. наук, ученый секретарь Краснодарского юридического института МВД РФ.

Редактор номера
О.А. Оберемко

Дизайн художников
М.Н. Марченко,
С.Г. Ажгихина

Оригинал-макет
О.А. Кошкин
Б.Р. Седых

Адрес редакции:
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404н.
Тел. (8612) 69-95-61

Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99.
Подписано в печать 16.01.2000. Бумага тип. № 1. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,69. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 300 экз.
Заказ № 227 .

Типография ОО «Крайбибколлектор»
350058 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 252